

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

ФВ 86 350

ОБРАЗЦОВЫЯ СКАЗКИ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

СОБРАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

В. П. Авенариусъ.

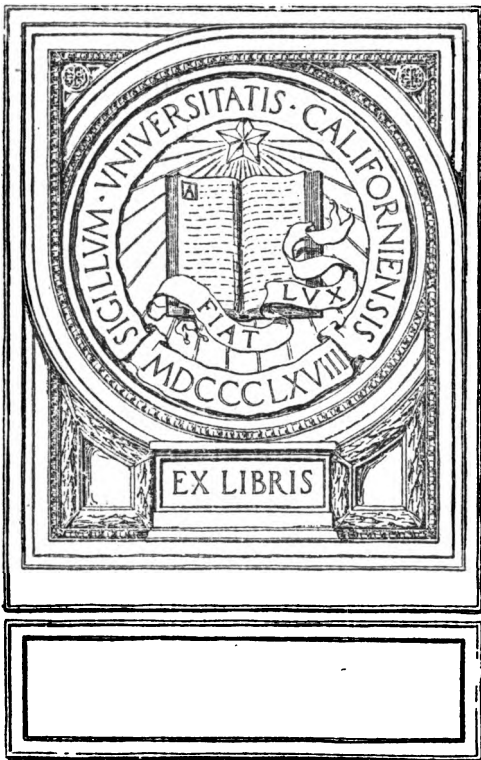
Съ 62 рисунками Н. Н. Каразина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1882.

Digitized by Google

ОБРАЗЦОВЫЯ СКАЗКИ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

Рисунки дозволени цензурою 25 Сентября 1881 года.

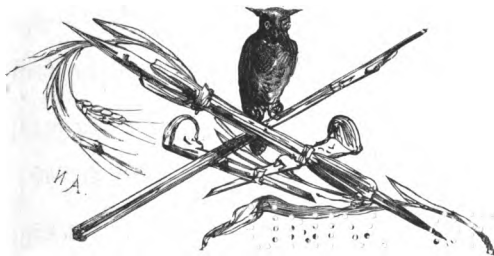
ОБРАЗЦОВЫЯ СКАЗКИ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

СОВРАЛЪ ДЛѢ ДѢТЕЙ

В. П. Авенаріусъ.

Съ 62 рисунками Н. Н. Каразина.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1882.

Рисунки рѣзали на деревѣ граверы: **Адтъ, Вейрманъ,**
Рашевскій и Шмидтъ въ Петербургѣ, **Ив. Авенариусъ,**
Голевинскій, Гораздовскій и Мрузчинскій въ Варшавѣ
и **Брауне** въ Лейпцигѣ.

Тип. А. Веллингъ, Англійскій пр., д. № 10.

PG 3115
027
1882
MAIN

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе . . . . . VII—XIV

СКАЗКИ:

I. Прологъ. А. Пушкина.	1
II. Сказка о царевичѣ Хлорѣ. Императрицы Екатерины II	3
III. Война мышей и лягушекъ. В. Жуковскаго	18
IV. Городокъ въ табакеркѣ. Князя В. Одоев- скаго (Дѣдушки Ириня).	32
V. Черная курица. А. Погорѣльскаго. . .	43
VI. Драматическая сказка объ Иванѣ Ца- ревичѣ, о Жарь-Птицѣ и о Сѣромъ волкѣ. Н. Языкова	64
VII. Старинная сказка о судѣ Шемякѣ. Н. Полевого.	95

	СТРАН.
VIII. Правда и Кривда. В. Даля	109
IX. Три зятя. М.	115
X. Свое и чужое. М. Чистянова	121
XI. Озеро-слободка. Г. Данилевскаго	124
XII. Свѣтлое Христово воскресеніе. Д. Григоровича.	128
XIII. Мальчикъ у Христа на елкѣ. Ѳ. Достоевскаго	147
XIV. Кузнечикъ-музыкантъ. Я. Полонскаго	153
XV. Мухоморъ. А. Коваленской	168
XVI. Маланьины стрѣлки. Н. Ахшарумова.	178
XVII. Чтѣ говоритъ керосинъ въ горячей лампѣ. Ю. Симашко	191
XVIII. Вавило. В. Острогорскаго	194
XIX. Волкъ. Н. Каразина	204
XX. Сказка о пчелѣ Мохнаткѣ. В. Авенариуса	209

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сказка занимаетъ въ литературѣ небольшое, но самостоятельное мѣсто. Она—младшая сестра сказанія,—этой исторіи народа, имъ самимъ рассказанной и опоэтизированной. Тогда какъ общественная жизнь народа, подвиги его полубоговъ-героевъ выливаются въ вѣковѣчный богатырскій эпосъ, въ былевую пѣсню,—внутренняя, частная его жизнь, съ вѣрованіями и обычаями стародавними, съ юморомъ и мудростью народными, ищетъ болѣе скромнаго исхода въ поговоркахъ, пословицахъ, причитаніяхъ, а главнѣе всего—въ сказкѣ. Сказка волшебнымъ жезломъ своимъ раскрываетъ намъ двери и въ царскія палаты, и въ убогую хижину, даетъ заглянуть намъ и въ обыденный, домашній бытъ, и въ сокровеннѣйшіе помыслы и чувства нашихъ ближнихъ. Былевой эпосъ, приуроченный въ началѣ къ опредѣленнымъ событіямъ и именамъ, со временемъ постепенно разрушаясь, обращается наконецъ также въ сказку; факты обобщаются, а богатыри и богатырицы обезличиваются въ Ивановъ-царевичей, въ Васились-прекрасныхъ и служатъ выраженіемъ уже не извѣстной какой-либо эпохи, а той или другой основной идеи. Но чародѣйная область сказки не ограничивается людскою средою; она захватываетъ и

весь окружающій міръ органической и неорганической: животныя отъ мала до велика заговариваютъ въ ней понятнымъ для насъ, человѣческимъ языкомъ; растенія одушевляются, камни оживаютъ; самыя силы природы (Солнце, Молнія, Вѣтеръ) одухотворяются; и даже отвлеченныя понятія (Правда и Кривда) облекаются въ плоть и кровь.

Нѣтъ народа, у котораго не было бы сказокъ—этого перваго воплощенія пробуждающейся человѣческой мысли; и сказки чуждыхъ теперь другъ другу народностей нерѣдко сходятся въ основныхъ своихъ тѣмахъ, которыя, такимъ образомъ, ведутъ свое начало еще изъ временъ до-историческихъ, когда все человѣчество составляло какъ-бы одну семью. Такая долговѣчность сказокъ объясняется, независимо отъ коренныхъ ихъ идей, излюбленныхъ народомъ, еще ихъ образностью и доступностью, особенно же преобладающею въ нихъ гуманностью, находящею отклики во всякомъ мало-мальски неиспорченномъ сердцѣ. Съ развитіемъ человѣчества, для высшихъ его слоевъ само собою должно было утратиться первоначальное значеніе стародавнихъ сказокъ. Насъ, трезвыхъ сыновъ XIX вѣка, привлекаетъ въ нихъ уже не мистическая и мифическая ихъ сторона; мы снисходимъ любоваться только ихъ общею прелестью: ихъ простодушнымъ міровоззрѣніемъ и наивною замысловатостью, ихъ здоровымъ юморомъ и мѣткимъ языкомъ. Но для малютокъ нашихъ, по умственному кругозору своему стоящихъ на одномъ уровнѣ съ первобытными народами, сказка имѣетъ еще свое особое значеніе. Запасъ свѣдѣній ребенка еще такъ скуденъ, житейская опытность еще такъ бѣдна, а жажда знанія, а стремленіе къ прекрасному и высокому, врожденныя ему, уже такъ неутолимы! Но владыки строгихъ наукъ для него слишкомъ глубоки; ключевая струя ихъ

слишкомъ холодна: гдѣ же искать ему источника для своей ненасытной любознательности, какъ не въ лучезарномъ мірѣ сказокъ, гдѣ житейская правда такъ заманчиво и, въ то-же время, такъ удобопонятно перемѣшана съ затѣйливымъ вымысломъ; чѣмъ утолить свои безотчетные порывы міровой любви, какъ не этими чистосердечными откровеніями первобытнаго человѣка? И съ заколдованнымъ царевичемъ, и съ бѣднымъ оборвышемъ обходитъ онъ бѣлый свѣтъ, какъ ровня, рука-объ-руку. И звѣри, и птицы, и малая букашка—ему близкіе друзья, которыхъ онъ отлично понимаетъ, которымъ сочувствуетъ всею своею невинною душою. Самъ онъ не болѣе, какъ старшій братъ ихъ, первенецъ и баловень природы, неотрвавшійся еще отъ материнской ея груди, подобно намъ, взрослымъ, а живущій съ нею одною общею, міровою жизнью.

Но не прививаются ли слабому и черезчуръ довѣрчивому уму ребенка сказочными небылицами превратныя понятія о жизни, о мірѣ Божьемъ?

О, дѣти наши далеко не такъ прсты, чтобы въ сказочныя чудеса вѣрить безусловно! Играютъ же они въ куклы, въ лошадки, играютъ съ увлеченіемъ, но ужели они не знаютъ, что это игра? И самая чудесная сказка въ концѣ концовъ остается для нихъ все-же „сказкой“. Но фантазія, эта безотлучная спутница всякаго самостоятельнаго мышленія, пробуетъ здѣсь впервые свои крылья; но реальныя образы, первитые цвѣтами фантазіи, укладываются въ дѣтской головкѣ свободнѣе и легче; но отвлеченныя понятія и возвышенныя стремленія (справедливость къ ближнимъ, состраданіе къ несчастнымъ, уваженіе къ старшимъ и проч.), вылитыя въ наглядную, осязательную форму, запечатлѣваются въ душѣ ребенка явственнѣе и глубже. Ко всему этому, онъ незамѣтно

усваиваетъ себѣ и удачныя пословицы и присловья, выразительныя обороты рѣчи, присущіе народной сказкѣ.

Вотъ достоинства сказки въ воспитательномъ отношеніи; въ этомъ-же и ея слабая сторона. Быстро и охотно воспринимаемая дѣтскимъ воображеніемъ, сказка служитъ и самымъ опаснымъ проводникомъ не-дѣтскихъ идей. За примѣромъ идти недалѣко: назовемъ только двѣ сказки, пользующіяся, благодаря своему остроумію и внѣшнему интересу, всемірною извѣстностью: сказки эти—„Котъ въ сапогахъ“ и „Синяя борода“. Въ одной, отъ начала до конца, торжествуютъ ложь и обманъ; другая имѣетъ предметомъ дурныя супружескія отношенія и кровожадныя инстинкты. Между коренными русскими народными сказками не мало также такихъ, которыя, по содержанію своему, вовсе не пригодны для дѣтей. Но и остальные изъ нихъ, какъ плоды незрѣлой и необузданной сознательнымъ мышленіемъ фантазіи, страдаютъ, по большей части, съ одной стороны—длиннотами и ничѣмъ немотивированными вставочными эпизодами, съ другой—недосказанностью. Такъ, при всемъ обиліи скопленнаго у насъ вѣками сказочнаго матеріала, матеріаль этотъ, въ настоящемъ своемъ, сыромъ видѣ, не отвѣчаетъ требованіямъ строгой педагогики. Большую услугу поэтому оказали нашимъ дѣтямъ тѣ изъ русскихъ писателей-художниковъ, которые, съ легкой руки Пушкина, черпали свое вдохновеніе изъ народной сказки: сохраняя всю ея образность и силу, они сообщали ей внѣшнюю и внутреннюю законченность. Рядомъ, однако-же, съ народной художественной сказкой, не меньшую пользу могутъ принести дѣтямъ и оригинальныя художественныя сказки, спеціально приспособленныя для воспитательныхъ цѣлей. Къ сожалѣнію, очень немногими изъ нашихъ писателей сказки ихъ

изданы отдѣльно, а изъ изданныхъ—нѣкоторыхъ нѣтъ уже въ продажѣ; значительная же часть лучшихъ нашихъ художественныхъ сказокъ схоронена или въ полныхъ собраніяхъ сочиненій авторовъ, или въ старыхъ нумерахъ журналовъ, и затѣмъ вовсе неизвѣстна современному поколѣнію русскихъ дѣтей. Цѣль настоящаго сборника—по возможности восполнить этотъ недостатокъ.

Первый опытъ художественной сказки принадлежитъ у насъ величайшей государынѣ прошлаго да и нынѣшняго столѣтія. Ручкою, начертавшею безсмертный „**Наназъ**“, набросаны и двѣ сказки для дѣтей. Обѣ и умны, и остроумны. Но навѣянные преобладавшимъ въ литературѣ того времени какъ у насъ, такъ и за границей, дидактическимъ духомъ, онѣ носятъ преимущественно нравоучительный отпечатокъ. Одна изъ нихъ, болѣе дѣтская, вошла и въ нашъ сборникъ.

Починъ перенести русскую сказку на народную почву сдѣланъ, какъ уже сказано, гениальнымъ поэтомъ нашимъ Пушкинымъ. Рѣдкій ребенокъ на Руси, умѣющій читать по складамъ, не знаетъ наизусть его прелестную „**Сказку о рыбацкѣ и рыбацкѣ**“. Но поэтому самому мы полагали возможнымъ не помѣщать ее въ наше собраніе образцовыхъ сказокъ, поставивъ, взамѣнъ того, во главѣ ихъ „**Прологъ**“ къ „**Руслану и Людмилѣ**“.

По той-же причинѣ, изъ сказокъ Жуковского, мы остановили свой выборъ не на „**Царѣ Берендѣ**“, а на менѣ известной, но отличающейся передъ остальными наиболѣе тонкимъ юморомъ, „**Войнѣ мышей и лягушекъ**“.

Два другихъ современника Пушкина: Кн. Одоевскій и Погорѣльскій, подъ вліяніемъ господствовавшей въ ту пору на Западѣ фантастической школы Эрнста-Теодора-Амадеуса

Гофмана, написали, между прочимъ, и предлагаемыя здѣсь двѣ сказки ихъ, которыя по художественной замысловатости не многимъ уступаютъ причудливымъ созданіямъ автора „Кота Мурра“.

Но, по стопамъ Пушкина, цѣлый рядъ русскихъ писателей обращался также къ роднымъ народнымъ мотивамъ. Такъ, Языкову удалось общеизвѣстной „Жарь-Птиць“ въ стихотворно-драматической формѣ придать новую прелесть, и не даромъ Бѣлинскій предпочиталъ эту пьесу всему, что вообще вышло изъ-подъ пера Языкова. Пересказанная Ник. Полевымъ съ такимъ мастерствомъ „Старинная сказка о судьѣ Шемякѣ“ даетъ самое живое представленіе о пресловутомъ „Шемякиномъ судѣ“, а слѣдующая у насъ непосредственно за нею сказка Даля о „Правдѣ и Кривдѣ“ еще болѣе отдѣляетъ настоящее значеніе этого суда.

Конецъ пятидесятихъ годовъ ознаменовался особеннымъ подъемомъ русскихъ періодическихъ изданій, и въ нихъ—народнаго элемента. Во вновь возникшихъ дѣтскихъ журналахъ, а также въ отдѣльных сборникахъ (какъ сборникъ „Украинскихъ сказокъ“ Г. П. Данилевскаго) возобновились попытки ознакомленія дѣтей съ народными сказками въ художественныхъ пересказахъ. Образцами наиболѣе удачныхъ такихъ пересказовъ могутъ служить взятые нами сказки: „Три зятя“, „Свое и чужое“ и „Озеро-слободна“, къ которымъ, по характеру своему, прямо примыкаетъ основанное на народномъ повѣрьи „Свѣтлое Христово Воскресеніе“ г. Григоровича.

Но, помимо народныхъ тѣмъ, двое изъ нашихъ современныхъ писателей-художниковъ руководились и собственнымъ вдохновеніемъ: въ „Мальчинѣ у Христа на ели“ Достоевскаго совершенно обыденный случай оборотной стороны

столичной жизни затрагиваетъ самыя нѣжныя струны чело-
вѣческаго сердца; а въ высоко-поэтическомъ „Кузнечикъ-му-
зыкантъ“ г. Полонскаго идеализируется міръ насѣкомыхъ.

Въ міръ насѣкомыхъ же и растений возвращается прозаиче-
ская поэмка „Мухоморъ“ г-жи Коваленской, занимающей меж-
ду нашими дѣтскими рассказчицами едва ли не первое мѣсто.

Реальные образы, господствующіе въ послѣднее время
во всей нашей литературѣ, преобладаютъ теперь и въ нашей
дѣтской сказкѣ. Г. Ахшарумовъ, между болѣе крупнымъ ли-
тературнымъ дѣломъ, удѣляющій досугъ свой и для малю-
токъ, разрабатываетъ народныя сказки совершенно самостоя-
тельно, освѣщая ихъ высшею идеей. Такъ, въ его „Вѣтровой
хозяйшицѣ“ одухотворяется сила вѣтра, въ „Емелѣ“—„водяная
сила“ (вода и парь), а во взятой нами сказкѣ „Маланьины
стрѣлки“—молнія небесная и оружейная.

Къ тому-же реальному направленію относятся и четыре
послѣднія сказки нашего сборника: одна знакомитъ съ чуде-
сами каменноугольнаго періода, другая—съ цикломъ народ-
ныхъ примѣтъ, третья—съ внутреннимъ міромъ дикаго звѣ-
ря, четвертая—съ трудолюбивымъ царствомъ пчелъ.

Такъ какъ въ числѣ выбранныхъ нами образцовыхъ сжа-
зокъ есть и такія, которыя первоначально предназначались
не столько для дѣтей, какъ для взрослыхъ, то онѣ, по не-
обходимости, должны были подвергнуться нѣкоторымъ урѣз-
камъ и передѣлкамъ; причемъ мы, однако, само собою ра-
зумѣется, рѣшили касаться только того, что въ томъ или
другомъ отношеніи не соответствовало требованіямъ младшаго
возраста. Сказки эти: „Жарь-Птица“, „Шемякинъ судъ“, „Свѣт-
лое Христово Воскресеніе“, „Мальчикъ у Христа на елкѣ“ и
„Кузнечикъ-музыкантъ“. „Черная нурица“ хотя и названа авто-

ромъ ея „волшебною сказкою для дѣтей“, но изъ нея нельзя было не устранить, кромѣ нѣкоторыхъ длиннотъ, неумѣстныхъ насмѣшки надъ воспитателями десятилѣтняго героя и сцену тѣлеснаго его наказанія; а въ написанномъ сто лѣтъ тому назадъ „Царевичъ Хлоръ“ оказалось необходимымъ сгладить нѣкоторыя шероховатости стариннаго слога, которыя, затрудняя чтеніе, могли бы пожалуй отбить у маленькихъ читателей даже охоту ознакомиться съ содержаніемъ этой любопытной и назидательной сказки.

В. А.

Петербургъ, въ Августѣ 1881 г.

СКАЗКИ.

Прологъ.

лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ:
И днемъ и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ;
Идетъ направо—пѣснь заводитъ,
Налѣво—сказку говорить.

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ;
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и доль видѣній полны;
Тамъ о зарѣ прихлынуть волны
На брегъ пустынный и пустой,
И тридцать витязей прекрасныхъ
Чредой изъ водъ выходятъ ясныхъ
И съ ними дядька ихъ морской;
Тамъ королевичъ мимоходомъ
Плѣняетъ грознаго царя;

Тамъ въ облакахъ передъ народомъ
Черезъ лѣса, черезъ моря
Колдунъ несетъ богатыря;
Въ темницѣ тамъ царевна тужить,
А бурый волкъ ей вѣрно служить;
Тамъ ступа съ бабою-ягой
Идетъ-бредетъ сама собой;
Тамъ царь Кощей надъ златомъ чахнетъ;
Тамъ русскій духъ... тамъ Русью пахнетъ!
И тамъ я былъ, и медь я пилъ;
У моря видѣлъ дубъ зеленый,
Подъ нимъ сидѣлъ; и котъ ученый
Свои мнѣ сказки говорил...

А. Пушкинъ.

UNIV. OF
CALIFORNIA

CTPH. 2.

TO YOU
ABORIGINAL

Сказка о царевичѣ Хлорѣ.

о времянѣ Кія, князя кievскаго, жилъ да былъ на Руси царь — добрый человекъ, любившій правду и желавшій всѣмъ людямъ добра: онъ часто объѣзжалъ свои области, чтобы видѣть, каково жить людямъ, и вездѣ развѣдывалъ, живутъ ли по правдѣ.

У царя была царица. Царь и царица жили согласно; царица ѣзжала съ царемъ и не любила быть съ нимъ въ разлукѣ.

Пріѣхалъ царь съ царицею въ одинъ городъ, построенный на высокой горѣ посреди лѣса. Тутъ родился царю сынъ дивной красоты; ему дали имя Хлоръ. Но посреди этой радости и трехдневнаго праздника, царь получилъ неприятное извѣстіе, что сосѣди его неспокойно живутъ,

въ его землю въѣзжаютъ и разныя обиды пограничнымъ жителямъ творятъ. Царь взялъ войско, что стояло по близости въ лагерѣ, и пошелъ съ нимъ для защиты границы,

Царица поѣхала съ царемъ. Царевичъ остался въ томъ городѣ и домѣ, гдѣ родился. Царь приставилъ къ нему семерыхъ нянекъ разумныхъ и въ дѣтскомъ воспитаніи искусныхъ. Городъ же царь велѣлъ укрѣпить стѣною изъ дикаго камня, по угламъ съ башнями по старинному обычаю; на башняхъ пушекъ не поставили, такъ какъ тогда еще нигдѣ не было пушекъ. Домъ, въ которомъ остался царевичъ Хлоръ, хотя и не былъ построенъ изъ сибирскаго мрамора и порфира, но былъ очень хорошъ и покойно расположенъ. Позади палатъ были сады съ плодовыми деревьями, а въ садахъ—пруды съ рыбами и бесѣдки во вкусѣ разныхъ народовъ, откуда имѣлся обширный видъ на окружныя поля и долины.

Когда царевичъ сталъ подростать, кормилица и няни начали примѣчать, что онъ дѣлается все красивѣй, а еще того умнѣй и живѣй; и разнесся повсюду слухъ о красотѣ, умѣ и большихъ дарованіяхъ царевича. Услышавъ о томъ и какой-то ханъ киргизскій, кочевавшій съ кибитками на дикой степи; полюбостествовалъ увидѣть столь

дивное дитя, а увидѣвъ, пожелалъ увести его съ собою; началъ просить нянь, чтобъ поѣхали съ царевичемъ въ нему въ степь. Няни сказали со всякою учтивостью, что имъ того безъ дозволенія царя дѣлать нельзя, что онѣ не имѣютъ чести знать господина хана, и съ царевичемъ не ѣздятъ къ незнакомымъ людямъ въ гости. Ханъ не былъ доволенъ тѣмъ учтивымъ отвѣтомъ, присталъ пуще прежняго, какъ голодный къ тѣсту; но, получивъ твердый отказъ, наконецъ понялъ, что просьбами не успѣетъ въ своемъ намѣреніи, и прислалъ къ нимъ подарокъ. Онѣ, поблагодаривъ, отослали дары обратно и велѣли сказать, что ни въ чемъ нужды не имѣютъ. Ханъ былъ упрямъ, и, не оставляя своего намѣренія, сталъ раздумывать: какъ быть? Придумалъ, нарядился въ изодранную одежду и, сѣвъ у воротъ сада, будто человекъ старый и больной, сталъ просить милостыни у проходящихъ. Царевичъ прогуливался въ тотъ день по саду, увидѣлъ, что у воротъ сидитъ какой-то старикъ, послалъ спросить: что за старикъ?—Побѣжали, спросили: что за человекъ?—Возвратились съ отвѣтомъ, что больной нищій. Хлоръ, какъ любопытное дитя, просился посмотреть больнаго нищаго. Няни, унимая Хлора, сказали, что смотреть нечего и чтобъ послалъ къ нему милостыню. Хлоръ захотѣлъ самъ отдать деньги, побѣжалъ впередъ. Няни побѣжали за нимъ, но чѣмъ няни скорѣе бѣжали, тѣмъ младенецъ шибче бѣжалъ; выбѣжавъ же за ворота и подбѣжавъ къ мнимому нищему, зацѣпился ножкою за камешекъ и упалъ на личико. Нищій вскочилъ, поднялъ дитя подъ руки и пустился съ нимъ подъ гору. Тутъ стояли вызолоченные роспуски, бархатомъ обитые. Сѣлъ ханъ на роспуски и ускакалъ съ царевичемъ въ степь. Няни, какъ добѣжали до воротъ, не нашли уже ни нищаго, ни дитяти, ни

слѣда ихъ не видали: и дороги тутъ не было, гдѣ хавъ съ горы спустился. Сидя, держаль онъ царевича передъ собою одною рукою, какъ-будто курочку за крылышко, другую же рукою махнулъ шапкою черезъ голову и крикнулъ три раза: „ура!“ На голосъ его няни прибѣжали къ косогору, но поздно: догнать не могли.

Ханъ благополучно довезъ Хлора до своего кочевья и вопель съ нимъ въ вибитку, гдѣ встрѣтили хана его вельможи. Ханъ приставилъ къ царевичу лучшаго изъ старшинъ. Тотъ взялъ Хлора на руки и отнесъ его въ богато-украшенную вибитку, устланную китайскою красною камкою и персидскими коврами; дитя же посадилъ на парчевую подушку и началъ тѣшить его. Но Хлоръ очень плакалъ и жалѣлъ, что отъ нянь убѣжалъ впередъ, и, то и дѣло, спрашивалъ: куда его везутъ? зачѣмъ? на что? гдѣ онъ?—Старшина и находившіеся при немъ киргизы рассказали ему много басней: одинъ говорилъ,

будто по теченію звѣзд такъ опредѣлено; другой— будто тутъ лучше жить, нежели дома; всего насказали, окромѣ правды; но, видя, что ничто не унимаетъ слезъ Хлора, вздумали его стращать небывальщиною, говоря: „Перестань плавать! или оборотимъ тебя летучею мышью или коршуномъ; а тамъ волкъ или лягушка тебя съѣстъ.“— Царевичъ небоязливъ былъ: посреди слезъ расхохотался надъ такою нелѣпостью. Старшина, увидя, что дитя перестало плакать, приказалъ накрыть столъ. Накрыли и кушанья принесли. Царевичъ покушалъ. Потомъ подали варенье въ сахарѣ и разные плоды, какіе имѣли; послѣ ужина раздѣли его и положили спать.

На другой день, рано до свѣта, ханъ собралъ своихъ вельможъ и сказалъ имъ:

— Да будетъ извѣстно вамъ, что я вчерашній день привезъ съ собою царевича Хлора, дитя рѣдкой красоты и ума. Хотѣлось мнѣ доподлинно узнать: правда ли слышанное объ немъ? А чтобы узнать теперь, я намѣренъ употребить разные способы.

Вельможи, услыша слова ханскія, поклонились въ поясъ. Изъ нихъ льстецы похвалили ханскій поступокъ, что чужое-де и то еще сосѣдняго царя дитя увезъ. Трусые потакали, говоря: „Такъ, надежда государь-ханъ! какъ и быть иначе, какъ тебѣ на сердце придеть?“ Немногіе лишь, что дѣйствительно любили хана, повачали головою; на вопросъ же хана: отчего не говорятъ?—сказали чисто-сердечно: „Дурно ты сдѣлалъ, что у сосѣдняго царя увезъ сына, и бѣды намъ не миновать, коли не поправишь своего поступка.“—Ханъ же сказалъ: „Вотъ такъ вы всегда ропщете противу меня!“— и отошелъ отъ нихъ; а когда царевичъ проснулся, то приказалъ принести его къ себѣ. Дитя, видя, что нести его хотятъ, сказала: „Не

трудитесь; я ходить умѣю, я самъ пойду,“ — и, войдя въ ханскую кибитку, всѣмъ поклонилось: сперва хану, потомъ около стоявшимъ направо и налево; послѣ чего стало предъ ханомъ съ почтительнымъ, учтивымъ и благопристойнымъ такимъ видомъ, что всѣхъ виргизовъ и самаго хана въ удивленіе привело. Ханъ, однако, опомнясь, сказалъ такъ:

— Царевичъ Хлоръ! говорятъ про тебя, что ты дитя разумное. Сыщи же мнѣ, пожалуйста, цвѣтокъ розу безъ шиповъ, чтобъ не колется. Дядька тебѣ покажетъ большое поле, сроку же даю тебѣ трое сутокъ.

Царевичъ поклонился хану, сказалъ: „слышу“, и вышелъ изъ кибитки, пошелъ къ себѣ.

Дорогою попалась ему на встрѣчу дочь ханская, что была замужемъ за Брюзгою-Султаномъ. Этотъ никогда не смѣялся и сердился на другихъ за улыбку. Ханша же была права веселаго и весьма любезна. Увидя Хлора, она сказала:

— Здравствуй, царевичъ! здорово ли живешь? куда изволишь идти?

Царевичъ сказалъ, что, по приказанію хана, батюшки ея, идетъ искать розу безъ шиповъ, чтобъ не колется. Ханша Фелица (такъ ее звали) дивилась, что дитя посылаютъ искать такой трудной вещи, и, полюбивъ младенца въ сердцѣ своемъ, сказала:

— Царевичъ! подожди маленько: я съ тобою пойду искать ту розу безъ шиповъ, коли батюшка-ханъ позволить.

Хлоръ пошелъ въ свою кибитку обѣдать, ибо часъ былъ обѣда; ханша же къ хану — просить позволенія идти съ царевичемъ искать розу безъ шиповъ, чтобъ не колется. Ханъ не только не позволилъ, но и запретилъ ей наярвѣно, чтобъ не шла съ дитятею. Фелица, вышедши

отъ хана, мужа своего Брюзгу-Султана уговорила остаться при отцѣ ея, ханѣ, сама же пошла въ царевичу. Онъ обрадовался, какъ увидѣлъ ее; она же сказала ему:

— Ханъ мнѣ не велитъ идти съ тобою, царевичъ, искать розу безъ шиповъ, что не колется; но я тебѣ дамъ совѣтъ добрый; смотри, не забудь! слышишь ли, дитя? не забудь, что тебѣ скажу.

Царевичъ обѣщалъ вспомнить.

— Отселѣ недалече, — продолжала она, — какъ пойдешь искать розу безъ шиповъ, что не колетса, встрѣтишься съ людьми весьма пріятнаго обхожденія. Станутъ уговаривать тебя идти съ ними, насажутъ тебѣ про веселія многія, про несчетныя забавы; не вѣрь имъ — лгутъ: веселія ихъ мнимыя и ведутъ только къ ббольшей скукѣ. Затѣмъ придутъ другіе; будутъ о томъ-же еще сильнѣе тебя просить; откажи съ твердостью — отстанутъ. Потомъ попадешь въ лѣсъ; тутъ найдешь льстивыхъ людей, что всачески стараться будутъ пріятными разговорами отвести тебя отъ истиннаго пути. Но ты не забывай, что тебѣ одинъ цвѣтокъ, розу безъ шиповъ, что не колетса, искать надо. Я тебя люблю и потому къ тебѣ вышлю на встрѣчу сына моего: онъ поможетъ тебѣ найти тотъ цвѣтокъ.

Хлоръ, выслушавъ Фелицу, спросилъ:

— Развѣ такъ трудно сыскать розу безъ шиповъ, что не колетса?

— Нѣтъ, — отвѣчала ханша: — не слишкомъ трудно, коли кто прямодушенъ и твердъ въ добромъ намѣреніи.

— А нашелъ ли уже кто тотъ цвѣтокъ? — спросилъ Хлоръ.

— Я видала, — сказала Фелица, — людей простыхъ, что успѣвали въ томъ не хуже вельможъ.

Сказавъ такъ, ханша простилась съ царевичемъ; старшина же дядька повелъ дитя искать розу безъ шиповъ, что не колетса, и выпустилъ его затѣмъ сквозь калитку въ огромный звѣринецъ. Тутъ увидѣлъ Хлоръ передъ собою множество дорогъ: однѣ были прямыя, другія извивались вкривь и вкось, третьи были перепутаны между собою. Царевичъ не зналъ сначала, по которой идти; увидя же юношу, идущаго ему на встрѣчу, поспѣшилъ къ нему спросить: кто онъ такой? — Юноша отвѣчалъ:

— Я—*Разсудокъ*, сынъ Фелицынъ; меня мать моя прислала идти съ тобою искать розу безъ шиповъ, что не колется.

Царевичъ, благодаря Фелицу въ душѣ и на словахъ, взялъ его за руку и освѣдомился, по какой дорогѣ идти?—*Разсудокъ*, съ веселымъ и добрымъ видомъ, сказалъ ему:

— Не бойся, царевичъ, пойдемъ по прямой дорогѣ, по которой не всѣ ходятъ, хотя она и лучше другихъ.

— Отчего-же по ней не ходятъ?—спросилъ царевичъ.

— Оттого,—сказалъ юноша, — что, останавливаясь, сбиваются на другія дороги.

Выйдя лѣсомъ къ красивой долинкѣ, они увидѣли рѣчку, прозрачной воды, и на берегу ея нѣсколько молодыхъ людей: одни изъ нихъ сидѣли, другіе лежали на травѣ и подъ деревьями. Какъ увидѣли царевича, встали и подошли къ нему; одинъ же изъ нихъ сказалъ ему отменно учтиво и привѣтливо:

— Позвольте, сударь, спросить: куда вы идете? Нечаянно ли вы сюда зашли? и не можемъ ли мы имѣть удовольствіе чѣмъ-нибудь вамъ услужить? При одномъ видѣ вашемъ мы чувствуемъ уже къ вамъ уваженіе и дружбу.

Царевичъ, вспомня слова Фелицы, улыбнулся и сказалъ:

— Я не имѣю чести васъ знать, ни вы меня не знаете; поэтому ваши слова я приписываю обыкновенной свѣтской учтивости, а не моимъ достоинствамъ; иду же я искать розу безъ шиповъ, что не колется.

Тутъ заговорилъ и другой:

— Намѣреніе ваше прекрасно; но сдѣлайте милость, останьтесь съ нами хоть нѣсколько дней; у насъ тутъ превесело.

Хлоръ отвѣчалъ, что ему назначенъ срокъ и останав-

ливаться недосугъ; опасается ханскаго гнѣва. Они же старались его увѣрить, что ему отдыхъ нуженъ для здоровья, и что лучше и удобнѣе мѣста не найдеть, ни людей усерднѣе ихъ. Наконецъ мужчины и женщины, взявъ другъ друга за руки, сдѣлали около Хлора и его проводника кругъ и начали плясать и скакать, не пуская ихъ далѣе. Но пока они вокругъ вертѣлись, Хлора подъ руку ухватилъ Разсудокъ и выбѣжалъ съ нимъ изъ круга такъ скоро, что тѣ не могли ихъ удержать.

Пройдя далѣе, нашли они Лѣнтягъ-Мурзу, прогуливавшагося съ своими домашними. Увидя Хлора съ провожатымъ, тотъ принялъ ихъ ласково и просилъ зайти въ его избу. Они, уставъ маленько, зашли къ нему. Онъ посадилъ ихъ на диванъ, самъ же легъ возлѣ нихъ посреди пуховыхъ подушекъ, покрытыхъ старинною парчею; его же домашніе сѣли около стѣны. Потомъ Лѣнтягъ-Мурза приказалъ принести трубки и кофе. Услыша же отъ нихъ, что табакъ не курятъ, кофе не пьютъ, велѣлъ ковры опрыскать благовонными духами; послѣ чего спросилъ Хлора о причинѣ его прихода въ звѣринецъ. Царевичъ отвѣчалъ, что, по приказанію хана, онъ ищетъ розу безъ шиповъ, что не колется. Лѣнтягъ-Мурза, дивясь, что въ такихъ молодыхъ лѣтахъ предпринялъ такой трудъ, замѣтилъ:

— И старѣе тебя едва ли на то станеть. Отдохните, не ходите далѣе! У меня здѣсь есть люди, что также найти старались, да, уставъ, бросили.

Одинъ изъ сидѣвшихъ тутъ-же всталъ съ мѣста и сказалъ:

— Я самъ не разъ хотѣлъ дойти, да соскучился, а, вмѣсто того, остался жить у моего благодѣтеля Лѣнтягъ-Мурзы, который меня и кормитъ.

Среди этихъ разговоровъ Лѣнтягъ-Мурза уткнулъ голову въ подушку и заснулъ. Какъ сидѣвшіе около стѣ-

ны услышали, что Лѣнтягъ-Мурза храпиль, то полегоньку встали; одни пошли наряжаться и украшаться, другіе легли спать, третьи начали всякій вздоръ говорить, четвертые ухватились за карты и кости, и при всѣхъ этихъ занятіяхъ одни сердились, другіе радовались, и на лицахъ всѣхъ выражались волновавшія ихъ разныя чувства. Когда Лѣнтягъ-Мурза проснулся, всѣ опять собрались около него и внесли въ горницу столъ съ фруктами.

Лѣнтягъ-Мурза, оставаясь посреди пуховыхъ подушекъ, подчивалъ оттуда царевича, который весьма прилежно примѣчалъ все, что тамъ ни дѣлалось. Но лишь только Хлоръ принялся отвѣдывать предлагаемое имъ Лѣнтягъ-Мурзою, какъ проводникъ его Разсудокъ за рукавъ его дернулъ полегоньку. Кисть прекраснаго винограда, которую царевич держалъ въ рукахъ, рассыпалась по-полу; самъ-же онъ, опомнясь, тотчасъ всталъ, и оба вышли изъ хоромъ Лѣнтягъ-Мурзы.

Вскорѣ увидѣли они дворъ крестьянскій съ участіемъ отлично-обработанной земли, на которой былъ засѣянъ всякій хлѣбъ: и рожь, и овесъ, и ячмень, и гречиха; иной постѣвалъ, другой лишь выходилъ изъ земли. Далѣе

увидѣли луга, на которыхъ паслись овцы, коровы и лошади. Хозяина они нашли съ лейкою въ рукахъ: онъ обливаль разсаживаемые женою его огурцы и капусту; дѣти же были заняты въ другомъ мѣстѣ: щипали сорную траву изъ овощей.

— Богъ помочь, добрые люди!—сказалъ Разсудокъ.

— Спасибо, баричи!—отвѣчали они, и, кланаясь царевичу незнакомо, просили Разсудокъ любезно:—Загляни къ намъ, милости просимъ! И матушка твоя, ханша, насъ жалуетъ, навѣщаетъ и не оставляетъ.

Разсудокъ съ Хлоромъ зашли къ нимъ на дворъ. Посреди двора стоялъ старый и высокій дубъ, подъ нимъ — широкая, чисто-выскобленная лавка, а передъ лавкою—столъ. Гости сѣли на лавку; хозяйка съ невѣсткою разослали по столу скатерть и поставили на столъ чашу съ простоквашею, другую съ яичницею, блюдо блиновъ горячихъ и яицъ въ смятку, а посрединѣ ветчину добрую; положили тутъ-же ситный хлѣбъ, да поставили возлѣ каждаго крынку молока, а послѣ, вмѣсто закусокъ, принесли согъ и огурцовъ свѣжихъ, да клюквы съ медомъ. Хозяинъ просилъ: „Кушайте, пожалуйста!“ Путешественники, проголодавшись, ничѣмъ не брезгали и разговаривали между тѣмъ съ хозяиномъ и хозяйкою, которые имъ рассказывали, какъ они живутъ здорово, весело и спокойно, проводя вѣкъ свой за работою и трудомъ. Послѣ ужина на той-же лавкѣ разослали войлочки; Хлоръ и Разсудокъ на нихъ положили свои плащи; хозяйка каждому принесла подушку съ бѣлою наволочкою, и тутъ они легли спать и заснули крѣпко, потому что устали.

Поутру встали на разсвѣтѣ, поблагодарили хозяина, который за ночлегъ ничего съ нихъ взять не хотѣлъ, и

собрались въ путь. Отойдя съ полверсты, услышали издали, что играютъ на волынкѣ. Хлору захотѣлось подойти ближе; Разсудокъ замѣтилъ, что волынкою отведутъ ихъ отъ пути; но Хлоръ, не устоявъ противъ любопытства, подошелъ къ волынкѣ. Тутъ, однако, увидя безобразія пьяныхъ около волынщика, испугался и кинулся на руки Разсудку. Тотъ отнесъ его опять на прямую дорогу, гдѣ вскорѣ, пройдя рощу, увидѣли крутую гору. Разсудокъ сказалъ царевичу, что тутъ-то и растеть роза безъ шиповъ, что не колется. Но Хлоръ отъ солнечнаго зноя изнемогъ; началъ скучать, говоря, что конца нѣтъ той дорогѣ; долго-ли это будетъ, нельзя-ли идти по другой дорогѣ?—Разсудокъ отвѣчалъ, что онъ ведетъ его ближнимъ путемъ и что терпѣніемъ однимъ можно преодолѣть трудъ. Царевичъ съ неудовольствіемъ сказалъ: „Авось-либо, самъ сыщу дорогу!“ и, махнувъ рукою, удвоилъ шагъ и удалился отъ провожатаго.

Разсудокъ остался позади и пошелъ вслѣдъ за нимъ молча тихимъ шагомъ. Такъ забрелъ Хлоръ въ село, гдѣ никому не было дѣла до дитяти, потому что былъ торговый день и весь народъ былъ занятъ торгомъ на рынкѣ. Царевичъ, ходя между телегами и посреди торговаго шума, заплакалъ. Какой-то человѣкъ, который его не зналъ, проходилъ мимо и, увидя, что дитя плачетъ, сказалъ ему:

— Перестань, щенокъ, кричать! и безъ тебя здѣсь шума довольно.

Въ это самое время подошелъ Разсудокъ. Царевичъ сталъ жаловаться на того человѣка, что щенкомъ его называлъ. Разсудокъ, ни слова не говоря, вывелъ его оттуда. Когда же Хлоръ спросилъ, отчего онъ не говоритъ по-прежнему съ нимъ, Разсудокъ отвѣчалъ:

— Ты моихъ совѣтовъ не спрашиваешь, самъ же забрелъ невѣсть куда; такъ не прогибѣвайся, коли нашелъ людей не по себѣ...

Разсудокъ хотѣлъ еще продолжать, но имъ встрѣтился человѣкъ, немолодой, но пріятнаго вида, окруженный толпою юношей. Хлоръ, любопытствуя всегда обо всемъ, обратился къ одному изъ нихъ съ вопросомъ: кто это съ ними?

— Это нашъ учитель,—сказалъ юноша;—мы отучились и идемъ гулять. А вы куда идете?

На что царевичъ отвѣчалъ:

— Мы ищемъ розу безъ шиповъ, что не колется.

— Слыхалъ я,—сказалъ юноша,—отъ нашего учителя про розу безъ шиповъ, что не колется. Цвѣтокъ этотъ не что иное, какъ *добродѣтель*. Иные думаютъ достигнуть ее кривыми путями, но къ ней ведетъ только прямая дорога. Вотъ гора у васъ въ виду, на которой растетъ роза безъ шиповъ, что не колется; но дорога крута и камениста.

Съ этими словами онъ простился съ ними и пошелъ за своимъ учителемъ.

Хлоръ съ провожатымъ пошли прямо къ горѣ и нашли узкую и каменистую тропинку, по которой стали всходить съ трудомъ. Тутъ попались имъ на встрѣчу старикъ со старухою, въ бѣломъ платьѣ, одинаково почтеннаго вида; они протянули имъ свои посохи и сказали: „Упирайтесь на нихъ—не спотыкнетесь“. Другіе прохожіе объяснили, что имя перваго—*Честность*, а другою—*Правда*.

Упираясь на тѣ посохи, они стали взбираться вверхъ по тропинкѣ, пока не добрались до вершины горы, гдѣ и нашли розу безъ шиповъ, что не колется. Лишь успѣ-

ли снять ее съ куста, какъ въ бывшемъ тутъ-же храмѣ заиграли на трубахъ и литаврахъ.

Повсюду разнесся слухъ, что царевичъ Хлоръ въ тѣхъ молодыхъ лѣтахъ сыскалъ розу безъ шиповъ, что не колется. Онъ поспѣшилъ къ хану съ цвѣткомъ; ханъ-же Хлора и со цвѣткомъ отослалъ къ царю. Тотъ такъ обрадовался царевичу и его успѣхамъ, что забылъ про всю свою тоску и печаль. Царевича и царь, и царица, и всѣ люди любили часъ отъ часу болѣе, потому что часъ отъ часу добродѣтель его все болѣе укрѣплялась. — Здѣсь сказкѣ конецъ; а кто больше знаетъ, пусть другую скажетъ.

Императрица Екатерина II.

Война мышей и лягушекъ.

Слушайте: я расскажу вамъ, друзья, про мышей и лягушекъ.
Сказка ложь, а пѣсня быль, говорятъ намъ; но въ этой Сказкѣ моей найдется и правда. Милости-жь просимъ Тѣхъ, кто охотникъ въ досужный часокъ пошутить, по-смѣяться,
Сказки послушать; а тѣхъ, кто любитъ смотрѣть изъ подлбья,
Всякую шутку считая за грѣхъ, мы просимъ покорно

Къ намъ не ходить и дома сидѣть, да высиживать скуку.

Было прекрасное майское утро. *Квакунъ двадцатый*,
Царь знаменитой породы, властитель ближней трясины,
Вышелъ изъ мокрой столицы своей, окруженный блестящей
Свитой придворныхъ. Въ припрыжку они взобрались на
пригорокъ,

Сочной травкою покрытый, и тамъ, на кочкѣ усѣвшись,
Царь приказалъ изъ толпы его окружающихъ почетныхъ
Стражей вызвать бойцовъ, чтобъ его, царя, забавляли
Боемъ кулачнымъ. Вышли бойцы: началось, ужь много
Было лягушечьихъ мордъ царю въ угождение разбито;
Царь хохоталъ: отъ смѣха придворная квакала свита
Вслѣдъ за его величествомъ. Солнце взошло ужь на
полдень.

Вдругъ изъ кустовъ молодецъ въ прекрасной бѣленькой
шубкѣ,
Съ тоненькимъ хвостикомъ, острымъ какъ стрѣлка, на
тоненькихъ ножкахъ
Выскочилъ; слѣдомъ за нимъ четыре такихъ-же, но въ
шубкахъ

Дымнаго цвѣта. Рысцей они подбѣжали къ болоту.
Бѣлая шубка, носикъ въ болото уткнувъ и поднявши
Правую ножку, началъ воду тянуть, и, казалось,
Былъ для него тотъ напитокъ пріятнѣе мѣда; головку
Часто онъ вверхъ подымалъ, и вода съ усатаго рыльца
Мелкимъ бисеромъ падала, вдоволь напившись и лапвой
Рыльце обтерши, сказалъ онъ: „Какое раздолье студеной
Выпить воды, утомившись отъ зноя! Теперь понимаю
То, что чувствовалъ Дарій, когда онъ, въ бѣгствѣ, изъ
мутной

Луки напившись, сказалъ:— не знаю вкуснѣе напитка! — “
Эти слова одна изъ лягушекъ подслушала; тотчасъ;

Свачеть она съ донесеньемъ къ царю: „Изъ лѣса-де вышли
 Пять какихъ-то звѣрьковъ, съ усами турецкими, уши
 Длинные, хвостики острые, лапки какъ руки; въ осоку
 Всѣ они побѣжали и царскую воду въ болотѣ
 Пьютъ. А кто и откуда они, неизвѣстно.“ — Съ десяткомъ
 Стражей Квакунъ посылаетъ хорунжаго *Пышку* провѣдать,
 Кто незваные гости: когда непріатели, взять ихъ,
 Если дадутся; когда же сосѣди, пришедшіе съ миромъ,
 Дружески ихъ пригласить къ царю на бесѣду. Сопешши
 Пышка съ холма и увидя гостей, въ минуту узналъ ихъ:
 Это мыши—неважное дѣло! Но мнѣ не случилось
 Бѣлыхъ межъ ними видать, и это чудо. „Смотрите-жь,“
 Спутникамъ тутъ онъ сказалъ, „никого не обидѣть. Я

съ ними

Самъ на словахъ объяснюся. Увидимъ. чтó скажетъ мнѣ
 бѣлый.“ —

Бѣлый межъ тѣмъ съ удивленьемъ великимъ смотрѣлъ,
 приподнявши
 Уши, на скачущихъ прямо къ нему съ пригорка лягу-
 шекъ;

Слуги его хотѣли бѣжать, но онъ удержалъ ихъ,
 Выступилъ бодро впередъ и ждалъ скакуновъ; и какъ скоро
 Пышка съ своими къ болоту приблизился: „Здравствуй,
 почтенный

Воинъ,“ сказалъ онъ ему; „прошу не взыскать, что безъ
 спросу

Вашей воды напился я: мы всѣ отъ охоты устали;
 Въ это же время здѣсь никого не нашлось; благодарны
 Очень мы вамъ за прекрасный напитокъ; сами готовы
 Равнымъ добромъ за ваше добро заплатить; благодарность
 Есть добродѣтель возвышенныхъ душъ.“ — Удивленный
 такую

Умною рѣчью, отвѣтствовалъ Пышка: „Милости просимъ
Къ намъ, благородные гости; нашъ царь, о прибытіи ва-
шемъ

Свѣдавъ, весьма любопытенъ узнать: откуда вы родомъ,
Кто вы и какъ васъ зовуть. Я посланъ сюда пригласить
васъ

Съ нимъ на бесѣду. Рады мы очень, что вамъ повезлась
Наша по вкусу вода; а платы не требуемъ: воду
Создалъ Господь для всѣхъ на potrzeby, какъ воздухъ и
солнце.“—

Бѣлая шубка учтиво отвѣтствовалъ: „Царская воля
Будеть исполнена; радъ я въ его величеству съ вами
Вмѣстѣ пойти, но только сухимъ путемъ, не водою:
Плавать я не умѣю; я царскій сынъ и наслѣдникъ
Царства мышинаго.“— Въ это мгновеніе, спустившись
съ пригорка,

Царь Квакунъ со свитой своей приближался. Царевичъ
Бѣлая Шубка, увидя царя съ такою толпою,
Нѣсколько струсилъ; ибо не вѣдалъ, доброе-ль, злое-ль
Было у нихъ на умѣ. Квакунъ отличался зеленымъ
Платьемъ, глаза на выкатъ сверкали какъ звѣзды, и пузомъ
Громко онъ, прядая, шлепалъ. Царевичъ Бѣлая Шубка,
Вспомнивши это онъ, робость свою побѣдилъ. Величаво
Онъ поклонился царю Квакуну. А царь, благосклонно
Лапку подавши ему, сказалъ: „Любезному гостю
Очень мы рады; садись, отдохни; ты изъ дальняго, вѣрно,
Края; ибо до сихъ поръ тебя намъ видать не случилось.“—
Бѣлая Шубка царю поклонился опять, на зеленой
Травѣ усѣлся съ нимъ рядомъ; а царь продолжалъ:
„Разскажи намъ,
Кто ты, кто твой отецъ, кто мать и откуда пришелъ къ
намъ;

Здѣсь мы тебя угостимъ дружелюбно, когда не таяся
 Правду всю скажешь: я царь и много имѣю богатства;
 Будетъ намъ сладко почтить дорогаго гостя дарами. “—
 „Нѣтъ никакой мнѣ причины,“ отвѣтствовалъ Бѣлая Шубка,
 „Царь-государь, утаивать истину. Самъ я породы
 Царской, весьма на землѣ знаменитой; отецъ мой—изъ дома
 Древнихъ воинственныхъ *Бубликовъ*, царь *Долгохвостъ*
Иринарій

Третій, владѣеть пятью чердаками, наслѣдіемъ славныхъ
 Предковъ, но область свою самъ расширилъ войнами:
 Три подполья, одинъ амбаръ и двѣ трети ветчинни
 Онъ покорилъ, побѣдивши сосѣднихъ царей; а въ супруги
 Взавши царевну *Прасковью-Пискуню Бѣлую Шкурку*,
 Цѣлый овинъ получилъ онъ за нею въ приданое. Въ
 свѣтѣ

Нѣтъ подобнаго царства. Я сынъ царя Долгохвоста,
Петръ Долгохвостъ, по прозванію *Хватъ*. Былъ я вос-
 питанъ

Въ нашемъ столичномъ подпольѣ премудрымъ *Онуфриемъ*
крысой,

Мастеръ я рыться въ мукъ, таскать орѣхи; вскребаюсь
 Въ сыръ и множество книгъ ужъ изгрызъ, любя просвѣ-
 щенье.

Хватомъ же прозванъ я вотъ за какое смѣлое дѣло:
 Разъ случилось, что множество насъ молодыхъ мышеня-
 токъ

Бѣгало по полю въ запуски: я, какъ шальной, раззадорясь,
 Вспрыгнулъ съ разбѣгу на льва, отдохавшаго въ полѣ, и
 въ пышной

Гривѣ запутался; левъ проснулся и лапой огромной
 Стиснулъ меня; я подумалъ, что буду раздавленъ какъ
 мошка,

Съ духомъ собравшись и высунувъ носъ изъ-подъ лапы,
„Левъ-Государь!“ ему я сказалъ, „мнѣ и въ мысль не

входило

Милость твою оскорбить; пощади, не губи; неровенъ часъ,
Самъ я тебѣ пригожуся.“—Левъ улыбнулся (конечно,
Онъ ужъ покушать успѣлъ) и сказалъ мнѣ: „Ты, вижу,
забавникъ;

Льву услужить ты задумалъ; добро, мы посмотримъ, какую
Милость окажешь ты намъ. Ступай.“—Тогда онъ раздвинулъ
Лапу, а я дай Богъ ноги. Но вотъ что случилось:

Дня не прошло, какъ всѣ мы испуганы были въ подпольяхъ
Нашихъ львинымъ рыканьемъ; смутилась, какъ-будто отъ
бури,

Вся сторона; я не струсилъ; выбѣжалъ въ поле, и что-же
Въ полѣ увидѣлъ? Царь Левъ, запутавшись въ крѣпкихъ
тенетахъ,

Мечется, бьется какъ бѣшеный; кровью глаза налилися;
Лапами рветъ онъ веревки, зубами грызетъ ихъ; и было
Все то напрасно: лишь болѣ себя онъ запутывалъ. „Видишь,
Левъ-государь“, сказалъ я ему, „что я пригодился.

Будь спокоенъ: въ минуту тебя мы избавимъ.“—И тотчасъ
Созвалъ я дюжину ловкихъ мышатъ; принялись мы работать
Зубомъ; узлы перегрызли тенеть, и левъ распутлялся.

Важно кивнувъ головою косматой и насъ допустивши

Къ царской лапѣ своей, онъ гриву расправиль, удариль
Сильнымъ хвостомъ по бедрамъ и въ три прыжка очутился
Въ ближнемъ лѣсу, гдѣ въ мигъ и пропаль. По этому дѣлу
Прозванъ я *Хватома*, и славу свою поддержать я стараюсь.
Страшнаго нѣтъ для меня ничего; я знаю, что смѣлымъ
Богъ владѣеть. Но должно однако признаться, что всюду
Здѣсь мы встрѣчаемъ опасность; такъ Богъ ужъ землю
устроиль.

Все здѣсь воюеть: съ травою Овца, съ Овцою голодный
Волкъ, Собака съ Волкомъ, съ Собакой Медвѣдь, а съ
Медвѣдемъ
Левъ; Человѣкъ же и Льва, и Медвѣдя, и всѣхъ побѣж-
даеть.

Такъ и у насъ, отважныхъ мышей, есть много опасныхъ
Сильныхъ гонителей: Сова, Ласточки, Кошки, и всѣхъ ихъ
Злѣе возни людскія. И тяжело подъ часъ намъ приходить.
Я однако спокоенъ: я помню, что мнѣ мой наставникъ
Мудрый, крыса-Онуфрій, твердилъ: „Бѣды насъ смиренью
Учать...“ Съ вѣрой такою ничто не бѣда. Я доволенъ
Тѣмъ, что имѣю: счастію радъ, а въ несчастіи не хмурюсь.“ —
Царь Квакунъ со вниманіемъ слушалъ Петра Долгохвоста.
„Гость дорогой,“ сказалъ онъ ему, „признаюсь откровенно,
Столь разумныя рѣчи меня въ изумленье приводятъ.
Мудрость такая въ такія цвѣтуція лѣта! Мнѣ сладко
Слушать тебя: и пріятность и польза! Теперь опиши мнѣ
То, что случилось когда съ мышинимъ вашимъ народомъ,
Что отъ враговъ вы терпѣли, и съ кѣмъ когда воевали.“ —
„Долженъ я прежде о томъ рассказать, какія намъ возни
Строить нашъ хитрый двуногій злодѣй, Человѣкъ. Онъ
ужасно
Жаденъ; онъ хочетъ всю землю заграбить одинъ, и съ
мышами

Въ вѣчной враждѣ. Не исчислить всѣхъ выдумовъ хитрыхъ,
какими

Наше онъ племя избыть замышляетъ. Вотъ, на примѣръ, онъ
Домикъ задумалъ построить: два входа, широкій и узкій;
Узкій задѣланъ рѣшеткой, широкій съ подъемною дверью.

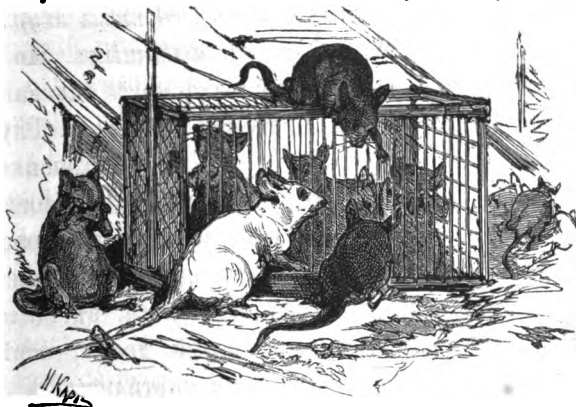
Домикъ онъ этотъ поставилъ у самаго входа въ подполье.
Намъ же съ дуру на мысли взбрело, что, поладить
Съ нами желая, для насъ учредилъ онъ гостинницу. Жирный
Кусъ ветчины тамъ висѣлъ и манилъ насъ: вотъ цѣлый
десятокъ

Смѣлыхъ охотниковъ вызвались: въ домикъ забраться, безъ
платы

Въ немъ отобѣдать и вѣрныя вѣсти принести намъ.

Входятъ они; но только-что начали дружно висячій
Кусъ ветчины тормошить, какъ подъемная дверь съ пре-
великимъ

Стукомъ упала и всѣхъ ихъ захлопнула. Тутъ поразило

Страшное зрѣлище насъ: увидѣли мы, какъ злодѣи
Нашихъ героевъ таскали за хвостъ и въ воду бросали!
Всѣ они пали жертвой любви къ ветчинѣ и къ отчизнѣ...
Было нѣчто и хуже. Двуногій злодѣй наготовилъ

Множество вкусныхъ для насъ пирожковъ и расклатъ ихъ,
Словно какъ добрый, по всѣмъ закоулкамъ. Народъ нашъ
Очень доврчивъ и вѣтренъ; мы лакомки: бросилась жадно
Вся молодежь на добычу. Но что же случилось! Объ этомъ
Вспомнить — морозъ подираетъ по кожѣ! Открылся въ
подпольѣ

Морь: отравой злодѣй угостилъ насъ. Какъ-будто шальные
Съ пиру пришли удалцы: глаза на выкатъ, разинувъ
Рты, умирая отъ жажды, взадъ и впередъ по подполью
Бѣгали съ пискомъ они, родныхъ друзей и знакомыхъ
Болѣ не зная въ лицо; наконецъ, утомясь, обезсилѣвъ,
Всѣ попадали мертвые, лапками вверхъ; заустѣла
Цѣлая область отъ этой бѣды; отъ ужаснаго смрада
Труповъ ушли мы въ другое подполье, и край нашъ
родимый

Надолго былъ обезмышенъ. Но главное бѣдствіе наше
Нынѣ въ томъ, что губитель двуногій ерѣпко сдружился
Намъ во вреду съ сибирскимъ вѣтомъ *Федотомъ Мурлыкой*.
Кѣсачій родъ давно враждуетъ съ мышинимъ. Но этотъ
Хитрый вѣтище *Федотъ Мурлыка* для насъ наказанье
Божіе. Вотъ какъ я съ нимъ познакомился. Глупымъ
мышенкомъ

Былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось
Высунуть носъ изъ подполья. Но мать царица-Прасковья
Съ крысой-Онуфриемъ ерѣпко-на-ерѣпко мнѣ запретили
Норку мою покидать; но я не послушался, въ щелку
Выглянулъ: вижу камнемъ высланный дворъ; освѣцало
Солнце его, и окна огромнаго дома свѣтілись;
Птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались.
Выдти не смѣя, смотрю я изъ щелки и вижу: на дальнемъ
Краѣ двора звѣрокъ усатый, сизая шеурва,
Розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши,

Тихо сидеть и за птичками смотреть, а хвостикъ, какъ,
змѣйка,

Такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой
Началъ усатое рыльце себѣ умывать. Облился
Радостью сердце мое, и я ужъ собирался побинуть
Щелку, чтобъ съ милымъ звѣромъ познакомиться. Вдругъ
зашумѣло
Что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ. Какой-то
Страшный уродъ ко мнѣ подходилъ; широко шагая,
Черныя ноги свои подымалъ онъ, и когти еривые
Съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ
Длинныя косы висѣли змѣями; носъ врючюватый;

Подъ носомъ трясса бабой-то мохнатый мѣшокъ и какъ-
будто

Красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы пе-
регнувшись,

По носу бился, а сзади какіе-то длинные врючья
Разнаго цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха
Въ память придти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у
урода

Словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши
Острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной
Треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню.
Крыса-Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною,
Такъ и ахнулъ. „Тебя помиловалъ Богъ,“ онъ сказалъ мнѣ;
„Свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ встаети
Крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый
Сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большой забіяка;
Намъ же, мышамъ, онъ приноситъ и пользу: когда за-
кричитъ онъ,

Знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а пріятель,
Такъ обольстившій тебя своей лицемѣрною харей,
Былъ не иной это, какъ нашъ злодѣй записной, объѣдало
Котъ Мурлыка; хорошъ бы ты былъ, когда бы съ зна-
комствомъ

Къ этому плуту подѣхалъ: тебя бъ онъ порядкомъ по-
гладилъ

Бархатной лапкой своею; будь же впередъ остороженъ.“ —
Долго рассказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ;
Каждый день отъ него у насъ недочетъ. Расскажу я
Только то, что случилось недавно. Разнесся въ подпольѣ
Слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами
Видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье:
Шумъ, бѣготня, пискотня, сваканье, кувырванье, пляска!

Словомъ, мы всё одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый
 Съ радости такъ напился, что подрался съ царицей и въ
 драгѣ

Хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно.
 Что же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ,
 Вздумали мы kota погребать, и надгробное слово
 Тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный
Климъ, по прозванію *Бѣшеный Хвостъ*; такое прозванье
 Дали ему за то, что, стихи читая, всегда онъ
 Въ мѣру вилялъ хвостомъ, и хвостъ, какъ маятникъ, стучалъ.
 Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ;
 Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и въ-
 правду

Котъ Мурлыка въ ветчиннѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ
 За ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка
 Вытянуть весь; и спина, и хвостъ, и переднія лапы
 Словно какъ мерзляя; оба глаза глядятъ не моргая.
 Всѣ запищали мы хоромъ: „Повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ
 Котъ окаянный! довольно ты, вотъ, погулялъ; погуляемъ
 Нынче и мы.“ —И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобрались
 Вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкины лапы распутать; но
 лапы

Сами держались, когтями вцѣпившись въ бревно, а веревки
 Не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись
 Наши ребята, какъ вдругъ распустились когти и на полъ
 Хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всё по угламъ раз-
 бѣжались

Въ страхѣ и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и
 не дышетъ,
 Усь не тронется, глазъ не моргнетъ: мертвецъ да и только.
 Вотъ, ободраясь, изъ угловъ мы къ нему подступать по-
 немногу

Начали: кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу
 Дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозить; тотъ подразнить
 Сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе,
 Тотъ, поджавшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ.
 Котъ ни съ мѣста, какъ пень. „Берегитесь,“ тогда намъ
 сказала

Старая *мышь-Степанида*, которой Мурлыкины когти
 Были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ и насилу
 Какъ-то она отъ него упледа), „берегитесь: Мурлыка
 Старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это
 Знакъ не добрый; и шкура цѣла у него.“ — То услыша,
 Громко мы всѣ засмѣялись. „Смѣйтесь, чтобъ послѣ не
 плакать,“

Мышь-Степанида сказала опять, „а я не товарищъ
 Вамъ.“ — И послѣшно, созвавъ мышеняткогъ своихъ, убралася
 Съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные,
 Прыгать, скакать и вота тормозить. Наконецъ, поуставши,
 Всѣ мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его, и поэтъ
 нашъ

Климъ, по прозванью *Бѣшеный Хвостъ*, на Мурлыкино
 пузо
 Валѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово;
 Мы же при каждомъ стихѣ хохотать, и вотъ что прочелъ
 онъ:

„Жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка, котъ Сибирскій,
 Ростъ богатырскій, сивая шкурка, усы какъ у турка;
 Былъ онъ бѣшенъ, на вражѣ помѣшанъ, за то и повѣшенъ.
 Радуйся наше подполье!“ ... Но только успѣлъ проповѣдникъ
 Это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ оч-
 нулся.

Мы бѣжать... Куда ты! пошла ужасная травля.
 Двадцать изъ насъ осталось на мѣстѣ, а раненныхъ втрое

Болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ,
Тотъ безъ уха, другой съ отъѣденной мордой; иному
Хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны

были

Спины, что шкурки мотались какъ тряпки; царицу-Прас-

вовью

Чуть успѣли въ нору уволочъ за заднія лапки;
Царь Иринарій спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый
Брыса-Онуфрій съ Климомъ-поэтомъ достались Мурлыкѣ
Прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ
бѣдою...“

В. Жуковскій.

Городокъ въ табакеркѣ.

папенька поставилъ на столъ табакерку.

— Поди-ка сюда, Миша, посмотри-ка, -- сказалъ онъ.

Миша былъ послушный мальчикъ; тотчасъ оставилъ игрушки и подошелъ къ папенькѣ. Да ужь и было чего посмотреть! Какая прекрасная табакерка! пестренькая, изъ черепахи. А что на крышкѣ-то! Ворота, башенки, домикъ, другой, третій, четвертый, и счесть нельзя, и все малъ-мала меньше, и все золотые; а деревья-то также золотыя; а листья на нихъ серебряные; а за деревьями встаетъ солнышко, и отъ него рововые лучи расходятся по всему небу.

— Что это за городокъ?—спросилъ Миша.

— Это городокъ *Динь-динь*, — отвѣчалъ папенька и тронулъ пружинку...

И что же? вдругъ, невидимо гдѣ, заиграла музыка. Откуда слышна эта музыка, Миша не могъ понять; онъ ходилъ и къ дверямъ—не изъ другой ли комнаты? и къ часамъ—не въ часахъ ли? и къ бюро, и къ горкѣ; при-

слушивался то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ; смотрѣлъ и подь столъ... Наконецъ Миша увѣрился, что музыка точно играла въ табакеркѣ. Онъ подошелъ къ ней; смотреть, а изъ-за деревьевъ солнышко выходитъ, врадется тихонько по небу, а небо и городокъ все свѣтлѣе и свѣтлѣе; окошки горятъ яркимъ огнемъ, и отъ башенокъ будто сіяніе. Вотъ солнышко перешло черезъ небо на другую сторону, все ниже, да ниже, и наконецъ, за пригоркомъ совсѣмъ скрылось, и городокъ потемнѣлъ, ставни закрылись, и башенки померкли, только не надолго. Вотъ затеплилась звѣздочка, вотъ другая, вотъ и мѣсяцъ рогатый выглянулъ изъ-за деревьевъ, и въ городкѣ стало опять свѣтлѣе, окошки засеребрились, и отъ башенокъ потянулись синеватые лучи.

— Папенька! папенька! нельзя-ли войти въ этотъ городокъ? куда бы мнѣ хотѣлось!

— Мудрено, мой другъ; этотъ городокъ тебѣ не по росту.

— Ничего, папенька, я такой маленькой; только пустите меня туда; мнѣ такъ бы хотѣлось узнать, что тамъ дѣлается...

— Право, мой другъ, тамъ и безъ тебя тѣсно.

— Да кто же тамъ живетъ?

— Кто тамъ живетъ? Тамъ живутъ *колокольчики*.

Съ этими словами папенька поднялъ крышку на табакеркѣ, и что же увидѣлъ Миша? И колокольчики, и молоточки, и валикъ, и колеса. Миша удивился.

— Зачѣмъ эти колокольчики? зачѣмъ молоточки? зачѣмъ валикъ съ крючками?—спрашивалъ Миша у папеньки.

А папенька отвѣчалъ:— Не скажу тебѣ, Миша; самъ посмотри попристальнѣе, да подумай: авось-либо отгадаешь. Только вотъ этой пружинки не трагай, а иначе все изломается.

Папенька вышелъ, а Миша остался надъ табакеркой. Вотъ онъ сидѣлъ, сидѣлъ надъ нею, смотрѣлъ, смотрѣлъ, думалъ, думалъ: отъ чего звенять колокольчики?

Между тѣмъ музыка играетъ, да играетъ; вотъ все тише, да тише, какъ-будто что-то цѣпляется за каждую нотку, какъ-будто что-то отталкиваетъ одинъ звукъ отъ другаго. Вотъ Миша смотритъ: внизу табакерки, подъ шалеромъ, отворяется дверца, и изъ дверцы выбѣгаетъ мальчикъ съ золотою головкою и въ стальной юбочкѣ, оставливается на порогѣ и манитъ къ себѣ Мишу.

„Да отъ чего же“, подумалъ Миша, „папенька сказалъ, что въ этомъ городкѣ и безъ меня тѣсно? Нѣтъ, видно, въ немъ живутъ добрые люди; видите, зовутъ меня въ гости.—Извольте, съ величайшею радостію.“

Съ этими словами Миша побѣжалъ къ дверцѣ и съ чрезвычайнымъ удивленіемъ замѣтилъ, что дверца ему пришлась точь въ точь по росту. Какъ хорошо воспитанный мальчикъ, онъ почелъ долгомъ, прежде всего, обратиться къ своему провожатому:

— Позвольте узнать,—сказалъ Миша,—съ кѣмъ я имѣю честь говорить?

— Динь, динь, динь,—отвѣчалъ незнакомецъ;— я *мальчикъ-колокольчикъ*, житель этого городка. Мы слышали, что вамъ очень хочется побывать у насъ въ гостяхъ, и потому рѣшились просить васъ сдѣлать намъ честь къ намъ пожаловать. Динь, динь, динь; динь, динь, динь.

Миша учтиво поклонился; *мальчикъ-колокольчикъ* взялъ его за руку, и они пошли. Тутъ Миша замѣтилъ, что надъ ними былъ сводъ, сдѣланный изъ пестрой тисненной бумажки съ золотыми краями. Передъ ними былъ другой сводъ, только поменьше; потомъ третій, еще меньше; четвертый, еще меньше, и такъ всѣ другіе своды, чѣмъ даль-

СТР. 31.

TO THE
LIBRARY

ше, тѣмъ меньше, такъ что въ послѣдній, казалось, едва могла пройти головка его провожатаго.

— Я вамъ очень благодаренъ за ваше приглашеніе, — сказалъ ему Миша; — но не знаю, можно ли будетъ мнѣ имъ воспользоваться. Правда, здѣсь я свободно прохожу, но тамъ дальше, посмотрите, какіе у васъ низенькіе своды; тамъ я, позвольте сказать откровенно, тамъ я и ползкомъ не пройду. Я удивляюсь, какъ и вы подъ ними проходите.

— Динь, динь, динь! — отвѣчалъ мальчикъ, — пройдемъ, не безпокойтесь, ступайте только за мною.

Миша послушался. Въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ ихъ шагомъ, казалось, своды подымались, и наши мальчики всюду свободно проходили; когда же они дошли до послѣдняго свода, тогда *мальчикъ-колокольчикъ* попросилъ Мишу оглянуться назадъ. Миша оглянулся, и что же увидѣлъ? Теперь тотъ первый сводъ, подъ который онъ подошелъ, входя въ дверцы, показался ему маленькимъ, какъ-будто, пока они шли, сводъ опустился. Миша былъ очень удивленъ.

— Отъ чего это? — спросилъ онъ своего проводника.

— Динь, динь, динь! — отвѣчалъ проводникъ, смѣясь; — издали всегда такъ кажется; видно, вы ни на что вдаль со вниманіемъ не смотрѣли; вдали все кажется маленькимъ, а подойдешь — большое.

— Да, это правда, — отвѣчалъ Миша; — я до сихъ поръ не подумалъ объ этомъ, и отъ того вотъ что со мною случилось: третьяго дня я хотѣлъ нарисовать, какъ маменька, возлѣ меня, играетъ на фортепіано, а папенька, на другомъ концѣ комнаты, читаетъ книжку. Только этого мнѣ никакъ не удалось сдѣлать: тружусь, тружусь, рисую какъ можно вѣрнѣе, а все на бумагѣ у меня выдетъ, что папенька возлѣ маменьки сидитъ, и кресла его возлѣ

фортепіано стоятъ; а между тѣмъ я очень хорошо вижу, что фортепіано стоятъ возлѣ меня у окошка, а папенька сидитъ на другомъ концѣ у камина. Маменька мнѣ говорила, что папеньку надобно нарисовать маленькимъ, но я думалъ, что маменька шутить, потому что папенька гораздо больше ея ростомъ; но теперь вижу, что маменька правду говорила: точно, папеньку надобно было нарисовать маленькимъ, потому что онъ сидѣлъ вдалеѣ. Очень вамъ благодаренъ за объясненіе, очень благодаренъ.

Мальчикъ-колокольчикъ смѣялся изо всѣхъ силъ:

— Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Динь, динь, динь, какъ смѣшно! Не умѣть нарисовать папеньку съ маменькой! Динь, динь, динь; динь, динь, динь!

Мишѣ показалось досадно, что *мальчикъ-колокольчикъ* надъ нимъ такъ немилосердно насмѣхается, и онъ очень вѣжливо сказалъ ему:

— Позвольте мнѣ спросить у васъ: зачѣмъ вы къ каждому слову все говорите: динь, динь, динь?

— Ужь у насъ поговорка такая, — отвѣчалъ *мальчикъ-колокольчикъ*.

— Поговорка? — замѣтилъ Миша; — а вотъ папенька говоритъ, что очень нехорошо привыкать къ поговоркамъ.

Мальчикъ-колокольчикъ закусилъ губы и не сказалъ болѣе ни слова.

Вотъ передъ ними еще дверцы; онѣ отворились, и Миша очутился на улицѣ. Что за улица! Что за городокъ! Мостовая вымощена перламутромъ; небо пестренькое, чернаховое; по небу ходитъ золотое солнышко; помянешь его, оно съ неба сойдетъ, вокругъ руки обойдетъ и опять поднимается. А домики-то стальные, полированные, крытые разноцвѣтными раковинками, и подъ каждою крышкою сидитъ *мальчикъ-колокольчикъ* съ золотою головкою, въ

серебряной юбочкѣ, и много ихъ, много, и всѣ малъ-мала меньше.

— Нѣтъ, теперь ужь меня не обмануть, — сказалъ Миша; — это такъ только мнѣ кажется издали, а колокольчики-то всѣ одинакіе.

— Анъ вотъ и не правда, — отвѣчалъ провожатый: — колокольчики не одинакіе. Еслибы мы всѣ были одинакіе, то и звенѣли бы мы всѣ въ одинъ голосъ, одинъ какъ другой; а ты слышишь, какія мы пѣсни выводимъ. Это отъ того, что кто изъ насъ побольше, у того и голосъ потолще, неужели ты и этого не знаешь? Вотъ видишь ли, Миша, это тебѣ урокъ; впередъ не смѣйся надъ тѣми, у которыхъ поговорка дурная; иной и съ поговоркою, а больше другаго знаетъ, и можно отъ него кое-чему научиться.

Миша въ свою очередь закусилъ язычекъ.

Между тѣмъ ихъ окружили *мальчики-колокольчики*, теребили Мишу за платье, звенѣли, прыгали, бѣгали.

— Весело вы живете, — сказалъ имъ Миша; — вѣкъ бы съ вами остался; цѣлый день вы ничего не дѣлаете; у васъ ни уроковъ, ни учителей, да еще и музыка цѣлый день.

— Динь, динь, динь! — закричали колокольчики; — ужь нашелъ у насъ веселье! Нѣтъ, Миша, плохое намъ житье. Правда, уроковъ у насъ нѣтъ, да что же въ томъ толку? Мы бы уроковъ не побоялися! Вся наша бѣда именно въ томъ, что у насъ, бѣдныхъ, никакого нѣтъ дѣла; нѣтъ у насъ ни книжекъ, ни картинокъ; нѣтъ ни папеньки, ни маменьки; нечѣмъ заняться; цѣлый день играй, да играй, а вѣдь это, Миша, очень, очень скучно. Повѣришь-ли? Хорошо наше черепаховое небо, хорошо и золотое солнышко, и золотыя деревья; но мы, бѣдные, мы насмотрѣ-

лись на нихъ вдоволь, и все это очень намъ надобно; изъ городка мы ни пяди, а ты можешь себѣ вообразить, каково цѣлый вѣкъ, ничего не дѣлая, просидѣть въ табакерѣ, и даже въ табакерѣ съ музыкою.

— Да,—отвѣчалъ Миша,—вы говорите правду. Это и со мною случается: когда послѣ ученья примешься за игрушки, то такъ весело; а когда, въ праздникъ, цѣлый день все играешь, да играешь, то къ вечеру и сдѣлается скучно; и за ту, и за другую игрушку примешься—все не мило. Я долго не понималъ, отъ чего это, а теперь понимаю.

— Да сверхъ того на насъ есть другая бѣда, Миша, у насъ есть дядьки.

— Какіе же дядьки?—спросилъ Миша.

— *Дядьки-молоточки*,—отвѣчали колокольчики;—ужь какіе злые! то и дѣло, что ходятъ по городу, да насъ постукиваютъ. Которые побольше, тѣмъ еще рѣже *тукъ-тукъ* бываетъ, а ужь маленькимъ куда больно достается.

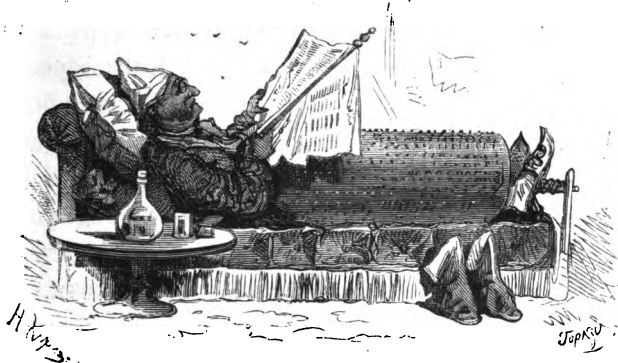
Въ самомъ дѣлѣ, Миша увидѣлъ, что по улицѣ ходили какіе-то господа на тоненькихъ ножкахъ, съ предлинными носами, и шептали между собою: „тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ! поднимай! задѣвай! тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ!“

И въ самомъ дѣлѣ, *дядьки-молоточки* безпрестанно то по тому, то по другому колокольчику *тукъ*, да *тукъ*, индо бѣдному Мишѣ жалко стало. Онъ подошелъ къ этимъ господамъ, очень вѣжливо поклонился и съ добродушіемъ спросилъ: зачѣмъ они, безъ всякаго сожалѣнія, колотятъ бѣдныхъ мальчиковъ? А молоточки ему въ отвѣтъ:

— Прочь ступай, не мѣшай! Тамъ въ палатѣ и въ халатѣ надзиратель лежитъ и стучать намъ велитъ. Все ворочается, прицѣпляется. Тукъ, тукъ, тукъ! тукъ, тукъ, тукъ!

— Какой это у васъ надзиратель?—спросилъ Миша у коловольчиковъ.

— А это г. *Валикъ*,—зазвенѣли они;—предобрый человекъ, день и ночь съ дивана не сходитъ; на него мы не можемъ пожаловаться.

Миша къ надзирателю. Смотрить: онъ съ самомъ дѣлѣ лежитъ на диванѣ, въ халатѣ, и съ боку на бокъ переворачивается, только все лицомъ къ верху. А по халату-то у него шпильки, крючечки видимо-невидимо: только-что попадетса ему молотокъ, онъ его крючкомъ сперва зацѣпить, потомъ спустить, а молоточекъ-то и стукнетъ по коловольчику.

Только-что Миша къ нему подошелъ, какъ надзиратель закричалъ:

— Шуры-муры! кто здѣсь ходитъ? кто здѣсь бродитъ? Шуры-муры! кто прочь нейдетъ? кто мнѣ спать не даетъ? Шуры-муры, шуры-муры!

— Это я,— храбро отвѣчалъ Миша;—я—Миша...

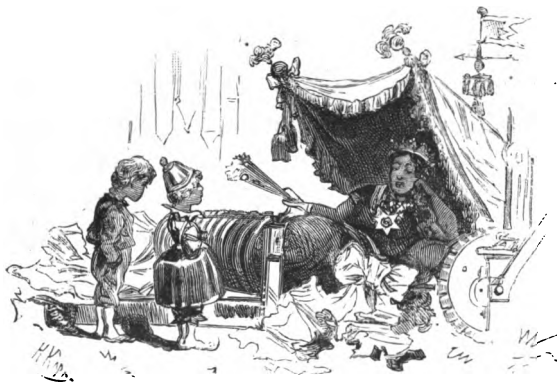
— А что тебѣ надобно?—спросилъ надзиратель.

— Да мнѣ жаль бѣдныхъ *мальчиковъ-колокольчиковъ*; они всѣ такіе умные, такіе добрые, такіе музыканты, а, по вашему приказанію, дядьки ихъ безпрестанно постукиваютъ...

— А мнѣ какое дѣло, шуры-муры! Не я здѣсь наибольшій. Пусть себѣ дядьки стучаютъ мальчиковъ! Мнѣ что за дѣло! Я надзиратель добрый, все на диванѣ лежу и ни за кѣмъ не гляжу... Шуры-муры, шуры-муры...

„Ну, многому же я научился въ этомъ городкѣ!“ сказалъ про себя Миша. „Вотъ еще иногда мнѣ бываетъ досадно, зачѣмъ надзиратель съ меня глазъ не спускаетъ! Экой злой! думаю я; вѣдь онъ не папенька и не маменька; что ему за дѣло, что я шалю? Зналъ бы, сидѣлъ въ своей комнатѣ. Нѣтъ, теперь вижу, что бываетъ съ бѣдными мальчиками, когда за ними никто не смотритъ.“

Между тѣмъ Миша пошелъ далѣе—и остановился.

Смотрить: золотой шатеръ съ жемчужною бахромой; наверху золотой флюгеръ вертится, будто вѣтреная мельница, а подъ шатромъ лежитъ *Царевна-пружинка* и, какъ

змѣйка, то свернется, то развернется и безпрестанно надзирателя подь бокъ толкаетъ. Миша этому очень удивился и сказалъ ей:

— Сударыня-Царевна! Зачѣмъ вы надзирателя подь бокъ толкаете?

— Зиць, зиць, зиць,—отвѣчала Царевна;—глупый ты мальчикъ, неразумный мальчикъ! На все смотришь, ничего не видишь! Кабы я валикъ не толкала, валикъ бы не вертѣлся; кабы валикъ не вертѣлся, то онъ за молоточки бы не цѣплялся, молоточки бы не стучали; кабы молоточки не стучали, колокольчики бы не звенѣли; кабы колокольчики не звенѣли, и музыки бы не было! Зиць, зиць, зиць.

Мишѣ захотѣлось узнать, правду-ли говорить Царевна, наклонился и прижалъ ее пальчикомъ—и что же? Въ одно мгновеніе пружинка съ силою развилась, валикъ сильно завертѣлся, молоточки быстро застучали, колокольчики заиграли дребедень, и вдругъ пружинка лопнула. Все умолкло, валикъ остановился, молоточки попадали, колокольчики свернулись на сторону, солнышко повисло, домики изломались... Тогда Миша вспомнилъ, что папенька не приказывалъ ему трогать пружинки, испугался и... проснулся.

— Чтѣ во снѣ видѣлъ, Миша?—спросилъ папенька.

Миша долго не могъ опаматоваться. Смотрить: та-же папенькина комната, та-же передъ нимъ табакерка; возлѣ него сидятъ папенька и маменька и смѣются.

— Гдѣ же *мальчикъ-колокольчикъ*? Гдѣ *Дядька-молоточекъ*? Гдѣ *Царевна-пружинка*?—спрашивалъ Миша.—Такъ это было сонъ?

— Да, Миша, тебя музыка убаюкала, и ты здѣсь порядочно вздремнулъ; расскажи же намъ, по крайней мѣрѣ, чтѣ тебѣ приснилось?

— Да видите, папенька,— сказалъ Миша, протирая глазки;— мнѣ все хотѣлось узнать, отъ чего музыка въ табакеркѣ играетъ; вотъ я принялся на все прилежно смотрѣть и разбирать, что въ ней движется и отъ чего движется; думалъ, думалъ и сталъ уже добираться— какъ вдругъ, смотрю, дверца въ табакеркѣ растворилась...— Тутъ Миша разсказалъ весь свой сонъ по порядку.

— Ну, теперь вижу,— сказалъ папенька,— что ты въ самомъ дѣлѣ почти понялъ, отъ чего музыка въ табакеркѣ играетъ; но ты это еще лучше поймешь, когда будешь учиться *Механикѣ*.

Кн. В. Одоевскій (Дѣдушка Ириной).

Черная курица.

ного лѣтъ тому назадъ, когда въ Петербургѣ было еще не мало деревянныхъ зданій, вмѣсто нынѣшнихъ каменныхъ громадъ, въ одномъ изъ такихъ деревянныхъ домовъ на Васильевскомъ Острову, въ первой линіи, былъ мужской пансіонъ. Въ числѣ трид-

цати или сорока дѣтей, обучавшихся въ томъ пансіонѣ, находился одинъ мальчикъ, по имени Алеша, которому тогда было не болѣе 9 или 10 лѣтъ. Родители его, жившіе далеко, далеко отъ Петербурга, года за два передъ тѣмъ привезли его въ столицу, отдали въ пансіонъ,

и возвратились домой, заплативъ учителю условленную плату за нѣсколько лѣтъ впередъ.

Въ первое время Алешѣ было очень скучно; но мало по малу онъ сталъ привыкать къ своему положенію: ученіе не давало ему много думать о родительскомъ домѣ. Зато когда наступала суббота, и всѣ товарищи его спѣшили домой къ роднымъ, Алеша горько чувствовалъ свое одиночество. По воскресеньямъ и праздникамъ онъ весь день оставался одинъ, и тогда единственнымъ утѣшеніемъ его было чтеніе книгъ, которыя учитель позволялъ ему брать изъ небольшой своей библіотеки. Учитель былъ родомъ нѣмецъ, а въ то время у нѣмецкихъ писателей была особенная мода на рыцарскіе романы и волшебныя повѣсти; и библіотека, которою пользовался Алеша, большею частью состояла изъ такихъ книгъ.

Такимъ образомъ Алеша, еще на десятомъ году, зналъ наизусть подвиги главнѣйшихъ рыцарей — по крайней мѣрѣ такъ, какъ они описаны были въ романахъ. Въ длинные зимніе вечера, по воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ, любимымъ его занятіемъ было передумывать прочитанное, мысленно бродить по рыцарскимъ замкамъ, по страшнымъ развалинамъ или по темнымъ дремучимъ лѣсамъ.

Домъ, гдѣ помѣщался пансіонъ, былъ хоть деревянный, но двухъ-этажный. Въ верхнемъ жильѣ, съ одной стороны довольно крутой лѣстницы, жилъ содержатель пансіона, а съ другой были классы. Дортуары или спальныя комнаты дѣтей находились въ нижнемъ этажѣ по правую сторону сѣней, а по лѣвую жили двѣ старушки голландки, изъ которыхъ каждой было болѣе ста лѣтъ и которыя чуть ли не собственными глазами видали еще Петра Великаго, строителя Петербурга. Алеша никогда

у нихъ не бывалъ, но слыхалъ, что комнаты у нихъ убраны по старинному. Чѣмъ чаще онъ думалъ объ этихъ комнатахъ, тѣмъ таинственнѣй и чудеснѣй онѣ ему представлялись, тѣмъ болѣе ему хотѣлось побывать въ нихъ.

Было у Алеши и еще одно развлеченіе: кормить на дворѣ курочекъ, которыя жили тамъ, около деревяннаго забора, въ нарочно для нихъ выстроенномъ домигѣ, и цѣлый день играли и бѣгали по двору. Алеша очень коротко съ ними познакомился, всѣхъ зналъ по имени, разнималъ ихъ драки, а забіякъ наказывалъ тѣмъ, что иногда нѣсколько дней сряду не давалъ имъ ничего отъ крошекъ, которыя всегда послѣ обѣда и ужина онъ собиралъ со скатерти. Между курами онъ особенно любилъ одну черную хохлатую, названную *Чернушкой*. Чернушка была къ нему ласковѣе другихъ; она даже иногда позволяла себя гладить, и потому Алеша лучшіе кусочки приносилъ ей.

Однажды въ рождество, въ солнечный и довольно теплый день (было не болѣе трехъ или четырехъ градусовъ морозу), Алешѣ позволили опять поиграть на дворѣ. По обыкновенію своему, онъ присѣлъ на бревно и только что началъ манить къ себѣ курочекъ, какъ вдругъ увидѣлъ подлѣ себя кухарку съ большимъ ножомъ. Алешѣ никогда не нравилась эта кухарка — сердитая и бранчивая чухонка; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ замѣтилъ, что она то была причиною, что отъ времени до времени уменьшалось число его курочекъ, онъ еще менѣе сталъ ее любить. Когда-же однажды нечаянно увидѣлъ онъ въ кухнѣ одного хорошенькаго, очень любимаго имъ пѣтушка, повѣшеннаго за ноги съ перерѣзаннымъ горломъ, — то почувствовалъ къ ней ужасъ и отвращеніе. Увидѣвъ ее теперь съ ножомъ, онъ тотчасъ догадался, что это значитъ, — и съ

горя, что онъ не въ силахъ помочь своимъ друзьямъ, вскочилъ и побѣжалъ далеко прочь.

— Алеша, Алеша! помоги мнѣ поймать курицу!— кричала кухарка; но Алеша принялся бѣжать еще пуще, спрятался у забора за курятникомъ, и самъ не замѣчалъ, какъ слезы одна за другою выкатывались изъ его глазъ и упадали на землю.

Довольно долго стоялъ онъ у курятника, и сердце въ немъ сильно билось, между тѣмъ какъ кухарка бѣгала по двору, то манила вурочекъ: „цыпъ, цыпъ, цыпъ!“, то бранила ихъ по-чухонски.

Вдругъ сердце у Алеши еще сильнѣе забилося... ему послышался голосъ любимой его Чернушки!—Она кудактала самымъ отчаяннымъ образомъ и ему показалось, что она кричить:

„Кудáхъ, кудáхъ, кудúху,
Алеша, спаси чернуху!
Кудúху, кудúху,
Чернуху, чернуху!“

Алеша никакъ не могъ долѣе оставаться на своемъ мѣстѣ... онъ, громко всхлипывая, побѣжалъ къ кухаркѣ, и бросился къ ней на шею въ ту самую минуту, какъ она поймала уже Чернушку за крыло.

— Любезная, милая Тринушка!—вскричалъ онъ обливаясь слезами;—пожалуйста, не тронь мою чернуху!

Алеша такъ неожиданно бросился на шею кухаркѣ, что она упустила изъ рукъ Чернушку, которая, воспользовавшись этимъ, отъ страха взлетѣла на кровлю сарая, и тамъ продолжала кудактать. — Но Алешѣ теперь слышалось, будто она дразнить кухарку, и кричить:

„Кудáхъ, кудáхъ, кудúху,
Не поймала ты чернуху!“

Кудуху, кудуху,
Чернуху, чернуху!“

Между тѣмъ, кухарка была внѣ себя отъ досады, хотѣла бѣжать къ учителю; но Алеша не допустилъ ее. Онъ прицѣпился къ поламъ ея платья, и таеъ умильно сталъ просить, что она остановилась.

— Душенька, Тринушка!—говорилъ онъ:—ты такая милая, добренькая... Пожалуйста, оставь мою Чернушку!— Вотъ посмотри, что я тебѣ подарю, если ты будешь добра!

Алеша вынулъ изъ кармана имперіаль, составлявшій все его имѣніе, который берегъ онъ пуце глаза своего, потому, что это былъ подарокъ доброй его бабушки... Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взоромъ оешки дома, чтобъ удостовѣриться, что никто ихъ не

видить, — и протянула руку за имперіаломъ... Алешѣ очень, очень жаль было имперіяла, но онъ вспомнилъ о Чернушкѣ — и съ твердостію отдалъ чухонѣ драгоцѣнный подарокъ.

Такимъ образомъ Чернушка спасена была отъ жестокой и неминуемой смерти.

Лишь только кухарка удалилась въ домъ, Чернушка слетѣла съ кровли и подбѣжала къ Алешѣ. Она какъ-будто знала, что онъ ея избавитель: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала веселымъ голосомъ. Все утро она ходила за нимъ по двору, какъ собачка, и казалось, будто хочетъ что-то сказать ему, да не можетъ. По крайней мѣрѣ онъ никакъ не могъ разобрать ея кудахтанья.

Въ этотъ день у учителя были гости. Алеша долженъ былъ нарядиться по праздничному и каждому шаркнуть ногой. Въ другое время его занимали и пестрая толпа гостей, и шумный говоръ за столомъ, и разукрашенный окорокъ, и особенно десертъ: разнаго рода варенья и фрукты. Но сегодня онъ думалъ все объ одномъ — о черной курицѣ. Ему все представлялось, какъ кухарка за нею бѣгала съ ножомъ, и какъ Чернушка кудахтала разными голосами. Притомъ ему очень досадно было, что не могъ онъ разобрать, что она ему сказать хотѣла...

Прежде, чѣмъ разбѣхались гости, Алеша пошелъ въ нижній этажъ, въ спальню, раздѣлся, легъ въ постель и потушилъ огонь. Долго не могъ онъ заснуть. Ночь была мѣсячная, и, сквозъ ставни, неплотно затворявшіяся, упалъ въ комнату блѣдный лучъ луны. Алеша лежалъ съ открытыми глазами и долго слушалъ, какъ въ верхнемъ жильѣ, надъ его головою, ходили по комнатамъ... Незамѣтно, однако, онъ забылся и задремалъ. Но вотъ опять вверху громко задвигали стульями: гости, видно, стали

развѣзжаться. Наконецъ все затихло... Онъ взглянулъ на стоявшую подлѣ него кровать, немного освѣщенную мѣсячнымъ сіяніемъ, и замѣтилъ, что бѣлая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Онъ пристальнѣе сталъ всматриваться... ему послышалось, какъ будто что-то подъ кроватью царапается,—и, немного погодя, показалось, что кто-то тихимъ голосомъ зоветъ его: „Алеша, Алеша!“

Алеша испугался!... Онъ одинъ былъ въ комнатѣ,—и ему тотчасъ пришло на мысль, что подъ кроватью долженъ быть воръ. Но потомъ, разсудивъ, что воръ не называлъ бы его по имени, онъ нѣсколько ободрился, хотя сердце въ немъ дрожало. Онъ немного приподнялся въ постелѣ, и еще яснѣе увидѣлъ, что простыня шевелится... еще внятнѣе услышалъ, что кто-то говоритъ: „Алеша, Алеша!“

Вдругъ бѣлая простыня приподнялась, и изъ подъ нее вышла... черная курица!

— Ахъ! это ты, Чернушка?—невольно вскричалъ Алеша.—Какъ ты зашла сюда?

Чернушка захлопала крыльями, взлетѣла къ нему на кровать, и сказала человѣческимъ голосомъ:

— Это я, Алеша! Ты не боишься меня, не правда-ли?

— Зачѣмъ я тебя буду бояться?—отвѣчалъ онъ:—я тебя люблю; только мнѣ странно, что ты такъ хорошо говоришь: я совсѣмъ не зналъ, что ты говорить умѣешь!

— Если ты меня не боишься,—продолжала курица,—такъ поди за мною; я тебѣ покажу что-нибудь хорошенькое. Одѣвайся скорѣе!

Алеша проворно одѣлся и пошелъ смѣло за Чернушкой. Изъ глазъ ея выходили какъ-будто лучи, которые освѣщали все вокругъ нихъ. Они прошли чрезъ переднюю...

— Дверь заперта ключемъ,—сказалъ Алеша; но ку-

рочка ему не отвѣчала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась... Потомъ, пройдя чрезъ сѣни, обратились они къ комнатамъ, гдѣ жили столѣтнія старушки, голландки. Курочка опять хлопнула крыльями, и дверь въ старушкины покои отворилась. Алеша въ первой комнатѣ увидѣлъ всякаго рода странныя мебели: рѣзные стулья, кресла, столы и комоды. Большая лежанка была изъ голландскихъ изразцевъ, на которыхъ нарисованы были синей муравой люди и звѣри. Алеша хотѣлъ было остановиться, чтобъ рассмотреть мебели, а особливо фигуры на лежанкѣ, но Чернушка ему не позволила. Они вошли во вторую комнату—и тутъ-то Алеша обрадовался! Въ прекрасной золотой влѣткѣ сидѣлъ большой сѣрый попугай съ краснымъ хвостомъ. Алеша тотчасъ хотѣлъ подбѣжать къ нему. Чернушка опять его не допустила.

— Не трогай здѣсь ничего,—сказала она.—Берегись разбудить старушекъ!

Тутъ только Алеша замѣтилъ, что подлѣ попугая стояла кровать съ бѣлыми кисейными занавѣсками, севозь которыхъ онъ могъ различить старушку, лежавшую съ за-

CIPH. 51.

TO THE
ASSOCIATION

крытыми глазами: она показалась ему какъ-будто восковая. Въ другомъ углу стояла такая-же точно кровать, гдѣ спала другая старушка, а подлѣ нея сидѣла сѣрая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо ея, Алеша не могъ утерпѣть, чтобъ не попросить у ней лапки...

Вдругъ она замыкала, попугай нахохлился и началъ громко кричать: „Дуракъ! дуракъ!“—Въ то самое время видно было сквозь кисейныя занавѣски, что старушки приподнялись въ постелѣ!...

Чернушка поспѣшно удалилась; Алеша побѣжалъ за нею; дверь вслѣдъ за ними сильно захлопнулась... и еще долго слышно было, какъ попугай кричалъ: „Дуракъ! дуракъ!“

— Какъ тебѣ не стыдно!—сказала Чернушка, когда они удалились отъ комнатъ старушекъ.—Ты вѣрно разбудилъ рыцарей...

— Какихъ рыцарей?—спросилъ Алеша.

— Ты увидишь,—отвѣчала курочка.—Не бойся, однако-жь, ничего: иди за мною смѣло.

Они спустились внизъ по лѣстницѣ, какъ-будто въ погребъ, и долго, долго шли по разнымъ переходамъ и корридорамъ, которыхъ прежде Алеша никогда не видывалъ. Иногда корридоры эти такъ были низки и узки, что Алеша принужденъ былъ нагибаться. Вдругъ вошли они въ залу, освѣщенную тремя большими хрустальными люстрами. Зала была безъ окошекъ, и по обѣимъ сторонамъ висѣли на стѣнахъ рыцари въ блестящихъ латахъ, съ большими перьями на шлемахъ, съ копьями и щитами въ желѣзныхъ рукахъ. Чернушка шла впередъ на цыпочкахъ, и Алешѣ велѣла слѣдовать тихонько, тихонько... Въ концѣ залы была большая дверь изъ свѣтлой желтой

мѣди. Лишь только они подошли къ ней, какъ соскочили со стѣнъ два рыцаря, ударили копьями объ щиты, и бросились на черную курицу. Чернушка подняла хохоль, распустила крылья... вдругъ сдѣлалась большая, большая, выше рыцарей—и начала съ ними сражаться! Рыцари сильно на нее наступали, а она защищалась крыльями и носомъ. Алешѣ сдѣлалось страшно, сердце въ немъ сильно затрепетало—и онъ упалъ въ обморокъ.

Когда пришелъ онъ опять въ себя, солнце съвозъ ставни освѣщало комнату, и онъ лежалъ въ своей постелѣ: не видно было ни Чернушки, ни рыцарей. Алеша долго не могъ опомниться. Онъ не понималъ, что съ нимъ было ночью: во снѣ ли все то видѣлъ, или въ самомъ дѣлѣ это происходило? Онъ одѣлся и пошелъ вверхъ; но у него не выходило изъ головы видѣнное имъ въ прошлую ночь. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ минуты, когда можно ему будетъ идти играть на дворъ; но весь тотъ день, какъ нарочно, шелъ сильный снѣгъ, и нельзя было и подумать, чтобъ выйти изъ дому.

За обѣдомъ учителяша, между прочими разговорами, объявила мужу, что черная курица непонятно куда спряталась. Алеша чуть-чуть не заплакалъ, хотя и пришло ему на мысль, что лучше, чтобъ ее нигдѣ не находили, нежели чтобъ попала она на кухню.

Настало время ложиться спать, и Алеша съ нетерпѣніемъ раздѣлся и легъ въ постель. Не успѣлъ онъ взглянуть на сосѣдную кровать, опять освѣщенную тихимъ луннымъ сіяніемъ, какъ зашевелилась бѣлая простыня—точно такъ, какъ наванунѣ... Опять послышался ему голосъ, его зовущій: „Алеша, Алеша!“ и изъ-подъ кровати вышла Чернушка и взлетѣла къ нему на постель.

— Ахъ! здравствуй, Чернушка!—вскричалъ онъ внѣ

себя отъ радости.—Я боялся, что никогда тебя не увижу; здорова ли ты?

— Здорова,—отвѣчала курочка,—но чуть было не за-немогла по твоей милости. Вчера я говорила тебѣ, чтобъ ты ничего не трогалъ въ комнатахъ старушекъ; не смотря на то, ты не могъ утерпѣть, чтобъ не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушекъ, старушки рыцарей—и я насилу съ ними сладила!

— Виновать, любезная Чернушка; впередъ не буду! пожалуйста, поведи меня сегодня опять туда; ты увидишь, что я буду послушенъ.

— Хорошо,—сказала курочка:—увидимъ!

Алеша опять одѣлся и пошелъ за курицею. Опять вошли они въ покои старушекъ; но въ этотъ разъ, онъ ужъ ни до чего не дотрогивался. Когда они проходили черезъ первую комнату, то ему показалось, что люди и звѣри, нарисованные на лежанкѣ, дѣлаютъ разныя смѣшныя гримасы и манятъ его къ себѣ; но онъ нарочно отъ нихъ отвернулся. Во второй комнатѣ, старушки голландки, такъ же, какъ наканунѣ, лежали въ постеляхъ, будто восковыя; попугай смотрѣлъ на Алешу и хлопалъ глазами, сѣрая кошка опять умывалась лапками. На уборномъ столѣ передъ зеркаломъ, Алеша увидѣлъ двѣ фарфоровыя китайскія куклы, которыхъ вчера онъ не замѣтилъ. Онѣ кивали ему головою; но онъ помнилъ приказаніе Чернушки—и прошелъ не останавливаясь, однако не могъ утерпѣть, чтобъ мимоходомъ имъ не поклониться. Куколки тотчасъ соскочили со стола и побѣжали за нимъ, все кивая головою. Чуть-чуть онъ не остановился,—такъ онѣ показались ему забавными; но Чернушка оглянулась на него съ сердитымъ видомъ, и онъ опомнился. Куколки про-

водили ихъ до дверей, и видя, что Алеша на нихъ не смотритъ, возвратились на свои мѣста.

Опять спустились они съ лѣстницы, ходили по переходамъ и корридорамъ, и пришли въ ту-же залу, освѣщенную тремя хрустальными люстрами. Тѣ-же рыцари висѣли на стѣнахъ, и опять—когда приблизились они къ двери изъ желтой мѣди—два рыцаря сошли со стѣны и заступили имъ дорогу. Казалось, однако, что они не такъ сердиты были, какъ наканунѣ; они едва тащили ноги, какъ осеннія мухи, и видно было, что они черезъ силу держали свои копья... Чернушка сдѣлалась большая и нахохлилась; но только-что ударила ихъ крыльями, какъ они разсыпались на части,—и Алеша увидѣлъ, что то были пустыя латы! Мѣдная дверь сама собою отворилась, и они вошли въ другую залу, пространную, но невысокую, такъ, что Алеша могъ достать рукою до потолка.

Зала эта, богато убранная, была ярко освѣщена тысячами маленькихъ свѣчей; а въ концѣ ея, подъ зеленымъ балдахинномъ, на возвышенномъ мѣстѣ, стояли кресла изъ золота. Но какъ эти кресла, такъ и все прочее убранство комнаты было въ самомъ маленькомъ видѣ, какъ для небольшихъ куколъ.

Тутъ отворилась маленькая дверь, прежде незамѣченная Алешей, и вошло множество маленькихъ людей, ростомъ не болѣе, какъ съ полъ-аршина, въ нарядныхъ разноцвѣтныхъ платьяхъ, въ круглыхъ, съ перьями, шляпахъ. Въ глубокомъ молчаніи стали они къ стѣнамъ въ два ряда и сняли шляпы. За ними попарно, тихимъ маршемъ вошли двадцать маленькихъ рыцарей, въ золотыхъ латахъ, съ пунцовыми на шлемахъ перьями, и стали по обѣимъ сторонамъ кресель. Немного погодя вошелъ въ залу человекъ съ величественною осанкою, на головѣ

съ вѣнцомъ, блестящимъ драгоцѣнными камнями. На немъ была свѣтлозеленая мантия, подбитая мышьямъ мѣхомъ, съ длиннымъ шлейфомъ, который несли двадцать маленькихъ пажей, въ пунцовыхъ платьяхъ.

Алеша тотчасъ догадался, что это долженъ быть король. Онъ низко ему поклонился. Король отвѣчалъ на поклонъ его весьма ласково и сѣлъ въ золотыя кресла. Потомъ рукою кивнулъ Алешѣ. Алеша подошелъ ближе.

— Мнѣ давно было извѣстно, — сказалъ король, — что ты добрый мальчикъ; но третьяго дня ты оказалъ великую услугу моему народу, и за то заслуживаешь награду. Мой главный министръ донесъ мнѣ, что ты спасъ его отъ неизбежной и жестокой смерти.

— Когда? — спросилъ Алеша съ удивленіемъ.

— Третьяго дня на дворѣ, — отвѣчалъ король. — Вотъ тотъ, который обязанъ тебѣ жизнью.

Алеша взглянулъ на того, на котораго указывалъ король, и тутъ только замѣтилъ, что между придворными стоялъ маленькій человекъ, одѣтый весь въ черное. На головѣ у него была особеннаго рода шапка малиноваго цвѣта, наверху съ зубчиками, надѣтая немного на бокъ; а на шеѣ бѣлый платокъ, очень накрахмаленный, отъ чего казался онъ немного синеватымъ. Онъ умильно улыбался, глядя на Алешу, и Алеша увидѣлъ, что то была его любезная Чернушка!

— Скажи мнѣ, чего ты желаешь? — продолжалъ король. — Если я въ силахъ, то непременно исполню твое требованіе.

— Говори смѣло, Алеша! — шепнулъ ему на ухо министръ.

Алеша задумался и не зналъ чего пожелать. Но такъ какъ ему казалось неучтивымъ заставить дожидаться короля, то онъ послѣшилъ отвѣтомъ.

— Я бы желалъ, — сказалъ онъ, — чтобы, не учившись, я всегда зналъ урокъ свой, какой бы мнѣ ни задали.

— Не думалъ я, что ты такой лѣнivecъ, — отвѣчалъ король, покачавъ головою. — Но дѣлать нечего: я долженъ исполнить свое обѣщаніе.

Онъ махнулъ рукою, и пажъ поднесъ золотое блюдо, на которомъ лежало одно конопляное сѣмечко.

— Возьми это сѣмечко, — сказалъ король. — Пока оно будетъ у тебя, ты всегда знать будешь урокъ свой, какой бы тебѣ ни задали, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы ты ни подъ какимъ предлогомъ никому не сказывалъ ни одного слова о томъ, что ты здѣсь видѣлъ или впредь увидишь. Малѣйшая нескромность лишитъ тебя навсегда нашихъ милостей, а намъ надѣлаетъ множество хлопотъ и непріятностей.

Алеша взялъ конопляное зерно, завернулъ въ бумажку и положилъ въ карманъ, обѣщаясь быть молчаливымъ и скромнымъ.

Король всталъ съ кресель, и тѣмъ же порядкомъ вышелъ изъ залы; а министръ вызвался показать подземныя рѣдкости дорогому гостю.

Сначала повелъ онъ его въ садъ, устроенный въ англійскомъ вкусѣ. Дорожки усыяны были крупными разноцвѣтными камешками, отражавшими свѣтъ отъ безчисленныхъ маленькихъ лампъ, которыми увѣшаны были деревья.

— Камни эти, — сказалъ министръ, — у васъ называются драгоценными. Это все брилліанты, яхонты, изумруды и аметисты.

Деревья также были разнаго цвѣта: красныя, зеленыя, коричневыя, бѣлыя, голубыя и лиловыя. Когда Алеша посмотрѣлъ на нихъ со вниманіемъ, то увидѣлъ, что это

не что иное, какъ разнаго рода мохъ, только выше и толще обыкновеннаго. Министръ разсказалъ ему, что мохъ этотъ выписанъ королемъ за большія деньги изъ дальнихъ странъ и изъ самой глубины земнаго шара.

Изъ сада пошли они въ звѣринецъ. Тамъ показали Алешѣ дикихъ звѣрей, которые привязаны были на золотыхъ дѣвкахъ. Всмотриваясь внимательно, онъ, къ удивленію своему, увидѣлъ, что дикіе эти звѣри были не что иное, какъ большія крысы, кроты, хорьки и подобные имъ звѣри, живущіе въ землѣ и подъ полами. Ему это очень показалось смѣшно; но онъ изъ учтивости не сказалъ о томъ ни слова.

— Вы обѣщались взять меня съ собою на охоту, — замѣтилъ онъ.

— Очень хорошо, — отвѣчалъ министръ. — Я думаю, что лошади уже осѣдланы.

Тутъ онъ свиснулъ, и явились конюхи, ведущіе въ поводахъ — палочки, у которыхъ набалдашники были рѣзной работы и представляли лошадиныя головы. Министръ съ большою ловкостью вскочилъ на свою лошадь; Алешѣ подвели палку гораздо болѣе другихъ.

— Берегись, — сказалъ министръ, — чтобъ лошадь тебя не сбросила: она не изъ самыхъ смиренныхъ.

Алеша внутренно смѣялся этому, но когда онъ взялъ палку между ногъ, то увидѣлъ, что совѣтъ министра былъ не бесполезенъ. Палка начала подъ нимъ увертываться и маневрится, какъ настоящая лошадь, и онъ насилу могъ усидѣть.

Между тѣмъ затрубили въ рога, и охотники пустились скакать во всю прыть по разнымъ переходамъ и корридорамъ. Долго они такъ скакали, и Алеша отъ нихъ не отставалъ, хотя съ трудомъ могъ сдерживать бѣшеную

налку свою. Вдругъ изъ одного боковаго корридора высочило нѣсколько крысъ, такихъ большихъ, какихъ Алеша никогда не видывалъ. Онѣ хотѣли пробѣжать мимо; но когда министръ приказалъ ихъ окружить, то онѣ остановились и начали защищаться храбро. Не смотря, однако, на то, онѣ были побѣждены мужествомъ и искусствомъ охотниковъ. Восемь крысъ легли на мѣстѣ, три обратились въ бѣгство, а одну, довольно тяжело раненую, министръ велѣлъ вылечить и отвезъ въ звѣринецъ.

По окончаніи охоты, Алеша такъ усталъ, что глазки его невольно закрылись, и онъ крѣпко заснулъ. Проснувшись на другое утро, онъ лежалъ въ своей постели.

Долго не могъ онъ опомниться и не зналъ, что ему думать... Чернушка и министръ, король и рыцари, голландцы и крысы—все это смѣшалось въ головѣ, и онъ насилу мысленно привелъ въ порядокъ все видѣнное имъ въ прошлую ночь. Вспомнивъ, что король ему подарилъ конопляное зерно, онъ поспѣшно бросился къ своему платью, и дѣйствительно нашелъ въ карманѣ бумажку, въ которой завернуто было конопляное сѣмечко. „Увидимъ“, подумалъ онъ, „сдержитъ ли слово свое король! Завтра начнутся классы, а я еще не успѣлъ выучить всѣхъ своихъ уроковъ.“

Историческій урокъ особенно его беспокоилъ: ему задано было выучить наизусть нѣсколько страницъ изъ всемірной исторіи, и онъ не зналъ еще ни одного слова! Насталъ понедѣльникъ, съѣхались пансіонеры и начались классы. Отъ десяти часовъ до двѣнадцати преподавалъ исторію самъ содержатель пансіона. У Алеши сильно билось сердце... Пока дошла до него очередь, онъ нѣсколько разъ ощупывалъ лежащую въ карманѣ бумажку съ коноплянымъ зернышкомъ... Какъ жецъ, его вызвали.

СТР. 58.

70 7100
ABSOGLAO

Съ трепетомъ подошелъ онъ къ учителю, открылъ ротъ, самъ еще не зная, что сказать, и— безошибочно, не оставиваясь, проговорилъ заданное. Учитель очень его хвалилъ; однако Алеша не принималъ его хвалу съ тѣмъ удовольствіемъ, которое прежде чувствовалъ онъ въ подобныхъ случаяхъ. Внутренній голосъ говорилъ, что онъ не заслуживаетъ этой похвалы, потому, что урокъ этотъ не стоилъ ему никакого труда.

Въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, учителя не могли нахвалиться Алешею. Всѣ уроки безъ исключенія зналъ онъ совершенно, всѣ переводы съ одного языка на другой были безъ ошибокъ, такъ, что не могли надивиться чрезвычайнымъ его успѣхамъ. Алеша внутренне стыдился этимъ похваламъ: ему совѣстно было, что поставляли его въ примѣръ товарищамъ, тогда какъ онъ вовсе того не заслуживалъ.

Въ теченіи этого времени, Чернушка къ нему не являлась, не смотря на то, что Алеша, особливо въ первыя недѣли послѣ полученія коноплянаго зернышка, не пропускалъ почти ни одного дня безъ того, чтобы ее не звать, когда ложился спать. Сначала онъ очень о томъ горевалъ, но потомъ успокоился мыслью, что она вѣроятно занята важными дѣлами по своему званію. Впослѣдствіи же, похвалы, которыми всѣ его осыпали, такъ его заняли, что онъ довольно рѣдко о ней вспоминалъ.

Онъ много сталъ о себѣ думать, важничалъ передъ другими мальчиками, и вообразилъ себѣ, что онъ гораздо лучше и умнѣе всѣхъ ихъ.

Однажды въ классѣ учитель опять вызвалъ его отвѣчать заданное. Алеша, ни мало не сомнѣваясь въ томъ, что и этотъ разъ ему удастся показать свою необыкновенную способность, разинулъ ротъ... и не могъ выговорить ни слова!

— Что-жь вы молчите?—сказаль ему учитель:—говорите урокъ.

Алеша покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, опять покраснѣлъ, началъ мять свои руки, слезы у него отъ страха наворачнулись на глазахъ... Онъ не могъ выговорить ни одного слова, потому что, надѣясь на конопляное зерно, даже и не заглядываль въ книгу.

— Что это значить, Алеша? — спросиль учитель. — Зачѣмъ вы не хотите говорить?

Алеша самъ не зналь, чему приписать такую странность, всунуль руку въ карманъ, чтобъ ощупать сѣмячко... но, какъ описать его отчаяніе, когда онъ его не нашель! Слезы градомъ полились изъ глазъ его...

— Вы, видно, не знаете вовсе урока?—говориль совсѣмъ изумленный учитель.—Что это нынче съ вами?

Товарищи не то съ жалостью, не то съ насмѣшливостью поглядывали на Алешу, котораго изъ-за его гордости почти уже разлюбили.

— Да все это курица...—бормоталь онъ, глотая слезы.

— Какая курица?—спросиль, хмурясь еще болѣе, учитель.

Алеша совершенно потеряль голову. Онъ забыль обѣщаніе, данное подземельному королю, и началъ рассказывать о черной курицѣ, о рыцаряхъ, о маленькихъ людяхъ, о коноплянномъ зернѣ...

Учитель не далъ ему договорить.

— Какъ!—вскричалъ онъ.—Вмѣсто того, чтобы раскаяться, вы меня еще вздумали дурачить сказкою о какой-то черной курицѣ?... Этого уже слишкомъ много! Нѣтъ, васъ надо примѣрно наказать...

Товарищи Алешы, однако, охотнѣе готовы были вѣрить его рассказу: онъ говорилъ такъ чистосердечно и со

слезами... Они стали просить за него, и учитель наконецъ, для перваго раза, простилъ-таки его.

Но самъ Алеша не могъ успокоиться. За обѣдомъ онъ не проглотилъ ни кусочка; а когда прочихъ учениковъ позвали къ вечернему чаю, онъ убѣжалъ въ спальню, скорѣе раздѣлся, улегся и накрылся съ головою одѣяломъ, чтобы укрыться такъ отъ цѣлаго свѣта—и отъ себя самого.

Другія дѣти давно уже такъ же улеглись, давно спали, а онъ никакъ заснуть не могъ! Какъ раскаявался онъ въ дурномъ поведеніи своемъ! онъ рѣшительно хотѣлъ исправиться, хотя чувствовалъ, что конопляное зернышко возвратить невозможно!

Около полуночи пошевелилась опять простыня у со-сѣдной кровати. Алеша, который недавно этому радовался, теперь закрылъ глаза... онъ боялся увидѣть Чернушку!

Нѣсколько времени лежалъ онъ съ закрытыми глазами. Ему слышался шорохъ отъ поднимающейся простыни... Кто-то подошелъ къ его кровати—и голосъ, знакомый голосъ, назвалъ его по имени: „Алеша, Алеша!“—Но онъ стыдился открыть глаза, а между тѣмъ слезы изъ нихъ выкатывались и текли по его щекамъ...

Вдругъ кто-то дернулъ за одѣяло... Алеша невольно поднималъ глаза, и передъ нимъ стояла Чернушка—не въ видѣ курицы, а въ черномъ платьѣ, въ малиновой шапочкѣ съ зубчиками, и въ бѣломъ накрахмаленномъ шейномъ платкѣ, точно какъ онъ видѣлъ ее въ подземной залѣ.

— Алеша!—сказалъ министръ;—я вижу, что ты не спишь... прощай! я пришелъ съ тобою проститься, болѣе мы не увидимся!...

Алеша громко зарыдалъ.

— Прощай!—воскликнулъ онъ;— прощай! И, если

можешь, прости меня! я знаю, что виновать передъ тобою; но я жестоко за то наказанъ!

— Алеша!—сказалъ сквозь слезы министр:—я тебя прощаю, не могу забыть, что ты спасъ жизнь мою, и все тебя люблю, хотя ты сдѣлалъ меня несчастнымъ, можетъ быть на вѣки!... Прощай! мнѣ позволено видѣться съ тобою на самое короткое время. Еще въ теченіи нынѣшней ночи, король съ цѣлымъ народомъ изъ-за тебя долженъ переселиться далеко, далеко отъ здѣшнихъ мѣстъ! Всѣ въ отчаяніи, всѣ проливаютъ слезы. Мы нѣсколько столѣтій жили здѣсь такъ счастливо, такъ покойно!...

Алеша бросился цѣловать маленькія ручки министра. Схвативъ его за руку, онъ увидѣлъ на ней что-то блестящее, и въ то-же самое время какой-то необыкновенный звукъ поразилъ его слухъ...

— Что это такое?—спросилъ онъ съ изумленіемъ.

Министръ поднялъ обѣ руки къверху, и Алеша увидѣлъ, что онѣ были скованы золотою цѣпью... Онъ ужаснулся!...

— Твоя нескромность причиною, что я осужденъ носить эти цѣпи,—сказалъ министръ съ глубокимъ вздохомъ;—но не плачь, Алеша! твои слезы помочь мнѣ не могутъ. Однимъ только ты можешь меня утѣшить въ моемъ несчастіи: старайся исправиться, и будь опять такимъ-же добрымъ мальчикомъ, какъ былъ прежде. Прощай въ послѣдній разъ!

Министръ пожалъ Алешѣ руку, и скрылся подъ софѣдную кровать.

— Чернушка, Чернушка!—кричалъ ему вслѣдъ Алеша; но Чернушка не отвѣчала.

Во всю ночь не могъ онъ сомкнуть глазъ ни на минуту. За часъ передъ разсвѣтомъ послышалось ему, что

подъ поломъ что-то шумить. Онъ всталъ съ постели, приложилъ къ полу ухо, и долго слышалъ стукъ маленькихъ колесъ и шумъ, какъ-будто множество маленькихъ людей проходило. Между шумомъ этимъ слышенъ былъ также плачь женщинъ и дѣтей, и голосъ министра-Чернушки, который кричалъ ему: „Прощай, Алеша! прощай навѣки!...“

На другой день поутру дѣти, проснувшись, увидѣли Алешу, лежащаго на полу безъ памяти. Его подняли, положили въ постель, и послали за докторомъ, который объявилъ, что у него горячка.

Недѣль черезъ шесть Алеша, съ помощью Божіею, выздоровѣлъ, и все происходившее съ нимъ передъ болѣзнію казалось ему тяжелымъ сномъ. Ни учитель, ни товарищи не напоминали ему ни словомъ о бывшемъ съ нимъ; Алеша-же самъ стыдился о томъ говорить, и старался быть послушнымъ, добрымъ, скромнымъ и прилежнымъ. Всѣ его снова полюбили, и онъ снова сдѣлался примѣромъ для своихъ товарищей,—но уже безъ помощи коноплянаго зерна.

А. Погорѣльскій.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ СКАЗКА

объ Иванѣ Царевичѣ, о Жарь-Птицѣ и о Сѣромъ волкѣ.

I.

Царь Выславъ и Миѣнстръ его.

(Миѣнстръ держитъ блюдо съ яблоками.)

Царь Выславъ.

Вотъ яблоки, такъ яблоки на славу!
Могу сказать, что лучшіе плоды
На всей землѣ, единственные. Чудо!
Цвѣтъ, какъ янтарь или золото. Какъ чисты,
Прозрачны и блестящи! Словно солнце,
Любуясь ими, оставляетъ въ нихъ

Свои лучи. А вкусъ! не то что сахаръ,
Иль медь,—гораздо тоньше, выше...

(Кушаетъ яблоко.)

Повѣришь ли? Чтѣ иногда бываетъ
Со мною! Странно! Яблоко возьму
И закушу, да вдругъ и позабудусь,
И полетятъ и полетятъ мечты!
И кровь во мнѣ играетъ: цѣлый часъ
Сижу недвижно съ яблокомъ въ рукѣ
И на него смотрю неравнодушно;
А самъ не ѣмъ вкуснѣйшаго плода!
Прекрасный плодъ! И мнѣ какая слава,
Какая слава поданнымъ моимъ,
Что у меня въ саду такая сладость
Ростеть и зрѣть! Только у меня!
За то ужъ какъ я радуюсь, когда
Приходитъ лѣто и пора... Одновожь
Мнѣ важется—и вотъ уже дня съ два,
Какъ замѣчаю тоже,—прежде больше
Ты приносилъ мнѣ яблоковъ. Не такъ ли?
Вѣдь такъ?

М и н и с т р ѣ .

Ихъ было больше, государь!

Ц а р ь В ы с л а в ѣ .

Ихъ было больше! Отъ чего-жь теперь?...
Куда-жь они дѣваются? Послушай,
Я не шучу. Ты знаешь, что никто,
Кромѣ царя, во всей моей державѣ
Не долженъ смѣть подумать, что онъ можетъ
Ихъ ѣсть. Такъ я постановилъ закономъ.
Куда-жь ты ихъ дѣваешь? Говори...

Министръ.

Прости меня, великій государь!
Я виновать...

Царь Выславъ.

Какой же ты министр!...

И хорошо ты служишь мнѣ, когда
Ты не радѣешь именно о томъ,
Что мнѣ всего милѣе!

Министръ.

Государь!

Сыздѣтства я привыкъ служить царю,
Всегда, вездѣ: и мудрый Зензивей,
Дѣдъ твоего величества, всегда
Мнѣ жаловалъ знатнѣйшіе чины;
Твой батюшка, премудрый царь Андронъ
Не отвергалъ совѣтовъ...

Царь Выславъ.

Знаю, знаю!

Да не объ томъ я спрашивалъ тебя;
Я не люблю рѣчей окольныхъ, длинныхъ;
Мнѣ говори и коротко и прямо,
А въ сторону отъ дѣла не вилай.

Министръ.

Я виновать, что не дерзнулъ доселѣ
Открыть тебѣ великую бѣду,
Тяжелое общественное горе:
Въ твой царскій садъ повадилась Жарь-Птица,
И яблоки завѣтныя воруетъ,
И прилетаетъ каждую ночь, и яблонь
Несчастная теперь едва похожа
На прежнюю любимицу твою.

Царь Выславъ.

Поймать Жарь-Птицу! Что это за птица?

Министръ.

Прекрасная, диковинная птица!

У ней глаза подобны хрусталу

Восточному, а перья золотыя,

И блещутъ ярко...

Царь Выславъ.

Все-таки поймать!

Министръ.

Поймать ее! Могуче это слово

Державное, да малосильны мы,

Твои рабы, явить его на дѣлѣ.

Твои рабы усердные, Жарь-Птицу

Ужъ мы давнымъ давно подстерегаемъ!

Устроены засады, караулы

И оклики; отрядъ дружины царской

Дозоромъ ходить; наконецъ я самъ

Не разъ уже ходилъ ее ловить,

И все напрасно!

Царь Выславъ.

Стало-быть, она

Огромная, изъ рода рѣдкихъ птицъ

Временъ предъисторическихъ.

Министръ.

Она

Величиной съ большого пѣтуха,

Иль много что съ павлина. Но у ней

Глаза и перья блещутъ и горять

Невыносимо ярко. Лишь она

Усядется на яблони, и вдругъ

Раскинетъ свой великолѣпный хвостъ:

Онъ закипитъ лучами, словно солнце;
 Тогда въ саду не ночь, а чудный день,
 И такъ свѣтло, что ничего не видно!
 А между-тѣмъ все это отъ нея-жь,
 И тишина, такая тишина
 И нѣжная и сладкая, что самый
 Крѣпчайшій сторожъ соблазнится: ляжетъ
 На дернъ, кулакъ подложитъ подъ високъ,
 Заснетъ и спитъ до поздняго обѣда!

Ц а р ь В ы с л а в ь .

Такъ какъ же быть? Диковинная птица!
 Зови сюда царевичей! Они
 Помогутъ мнѣ подумать, разсудить,
 Чтѣ дѣлать намъ.

(Министръ уходитъ.)

II.

Ц а р ь В ы с л а в ь и Ц а р е в и ч и .

Ц а р ь В ы с л а в ь .

Любезные царевичи мои!
 Въ нашъ царскій садъ повадилась Жарь-Птица
 И яблоки завѣтныя воруетъ.
 Скажите же, царевичи мои,
 Какъ поступить мнѣ съ нею? Ты сначала
 Подай совѣтъ, мой старшій сынъ Димитрій!

Д и м и т р і й Ц а р е в и ч ь .

Я думаю, что надобно сперва
 Навѣрное развѣдать, чья она;
 Потомъ посла къ тому царю отправить
 Сказать ему, что ваша-де Жарь-Птица
 Повадилась летать въ нашъ царскій садъ,

И яблови воруеть дорогія:
 Такъ мы по дружбѣ съ вами просимъ васъ
 Унять ту птицу; мы-де не желаемъ,
 Чтобъ вѣчный миръ, который...

Ц а р ь В ы с л а в ь.

Ты, Василій?

В а с и л і й Ц а р е в и ч ь.

Я думаю такъ точно, слово въ слово,
 Какъ говорить мой старшій братъ: сперва
 Навѣрное развѣдать, чья она,
 Потомъ посла...

Ц а р ь В ы с л а в ь.

А ты, Иванъ Царевичъ?

И в а н ь Ц а р е в и ч ь.

Я думаю, что нечего тутъ думать!
 Поймать ее—и въ шляпѣ дѣло!

Ц а р ь В ы с л а в ь.

Какъ же

Поймать ее? Вотъ въ томъ-то и задача!
 Давно объ ней хлопочуть: караулъ,
 Засада, часть дружины, вообще
 -Противъ нея ловительныя мѣры
 Ужъ приняты, но все напрасно.

И в а н ь Ц а р е в и ч ь.

Что же,

Намъ приежи: мы—сыновья твои,
 Тебя мы любимъ больше, чѣмъ твоя
 Засада, часть дружины, караулы
 И прочія ловительныя мѣры,
 Авозь лоймаемъ!

Ц а р ь В ы с л а в ь.

Да и въ самомъ дѣлѣ!

Совѣтъ разумный! Я съ тобой согласенъ,
 Иванъ Царевичъ! Знаю это слово:
 Авось! авось! Я вамъ повелѣваю,
 Вамъ всѣмъ троимъ, царевичи: ходите
 Въ нашъ царскій садъ, по брату каждую ночь,
 Ловить ее, сначала ты, Димитрій,
 Потомъ Василій, наконецъ Иванъ.
 Иванъ Царевичъ, подойди ко мнѣ.
 Дай мнѣ тебя расцѣловать, мой милый,
 Любимый сынъ: ты освѣжилъ меня
 Своимъ совѣтомъ. Весело мнѣ видѣть.
 Что у тебя отважная душа.
 Рости мой сынъ, ты будешь богатырь!

(Слѣдующія двѣ ночи старшіе два Царевича, одинъ за другимъ, подстергаютъ въ саду Жарь-Птицу, но и тотъ, и другой, не устоявъ противъ сна, сладко засыпаютъ и узвѣряютъ потомъ отца, что Жарь-Птица вовсе не прилетала.)

III.

Царь Выславъ и Царевичи Димитрій и Василій.

Ц а р ь В ы с л а в ъ .

Мнѣ право жаль, царевичи мои,
 Что вы трудились понапрасну. Я
 Васъ не виню, да какъ васъ и винить?
 Не прилетала: нечего и дѣлать!
 Гдѣ взять ее? Посмотримъ, что-то скажетъ
 Иванъ Царевичъ? Онъ еще такъ молодъ;

Онъ не сумѣетъ справиться съ такой
Чудесной птицей. Вѣрно оробѣетъ
И ничего не сдѣлаетъ... Да вотъ онъ!
А, здравствуй, мой Иванъ Царевичъ! какъ
Ты ночь провелъ? Чтò это у тебя?

IV.

Тѣ-же и Иванъ Царевичъ.

Иванъ Царевичъ.

Перо Жарь-Птицы.

Царь Выславъ.

Чтò ты, въ самомъ дѣлѣ?

Возможно ли!

Иванъ Царевичъ.

Я не поймалъ ея!

Пресильная, пребѣшенная птица!

Одно перо осталось у меня.

Царь Выславъ.

А какъ его досталъ ты?

Иванъ Царевичъ.

Очень просто:

Я взлѣзъ на яблонь, и въ густыхъ вѣтвяхъ

Подъ самую верхушкой притаился;

Сижу и жду, чтò будетъ? Ночь тиха,

Безмѣсячна, во всемъ саду ни листикъ

Не шевельнется; я на яблонѣ сижу.

Вдругъ вижу, что-то на краю небесъ,

Какъ звѣздочки, заискрилось; гляжу

Въ ту сторону; оно растетъ и будто

И рѣзвымъ вѣтромъ бѣга твоего
Отвѣй тоску отъ головы его!

(скачетъ.)

Вотъ этакъ лучше! Вотъ ужъ и поляна!
И три дороги на три сторонѣ,
И столбъ стоитъ, и на столбѣ слова.
Посмотримъ, что имѣетъ онъ сказать!

(читаетъ.)

„Ежели кто поѣдетъ отъ сего столба прямо, тотъ будетъ голоденъ и холоденъ; кто же поѣдетъ въ правую сторону, тотъ будетъ здоровъ и живъ, а конь его убить; а кто поѣдетъ въ лѣвую сторону, тотъ будетъ убитъ, а конь его живъ и здоровъ будетъ.“

Куда-жъ мнѣ ѣхать? Прямо отъ столба?
Я не люблю, я вовсе не способенъ
Ни голодать, ни холодать. Направо?
Жаль мнѣ коня! Да и себя мнѣ жаль:
Идти пѣшкомъ... умаешься, устанешь!
Потомъ лежи и отдыхай, потомъ
Опять иди и снова отдыхай.
Нѣтъ, это скучно, мѣшкотно; а я
Сказалъ отцу, что скоро ворочусь
Съ Жарь-Птицею, я долженъ торопиться.
Куда-жъ мнѣ ѣхать? Развѣ ужъ налѣво,
Чтобы меня убили... а мой конь,
Мой добрый конь, надежный мой товарищъ,
Остался бы повинутымъ подъ верхъ
Разбойнику? Нѣтъ, этого не будетъ.
Нѣтъ! добрый конь, сворачивай направо:
Я не люблю пророчествъ никакихъ,
Не вѣрю имъ, я знаю, вдругъ они.

И рѣщивовъ: я дожидаюсь ихъ!

(Жарь-Птица перестала между тѣмъ летать въ царскій садъ, и царь Выславъ посылаетъ двухъ старшихъ сыновей сыскать ее гдѣ бы то ни было, во что бы то ни стало. Иванъ Царевичъ, котораго царь оставилъ-было при себѣ, не даетъ отцу покою, пока тотъ не отпускаетъ и его за Жарь-Птицей.)

V.

Иванъ Царевичъ *(въ лѣсу, идетъ верхомъ)*.

Не весело мнѣ ѣхать! Этотъ лѣсъ
 Большой, дремучій, мрачный и, какъ видно,
 Принадлежащій царству тишины,
 Несносно скученъ! Ъду третью сутки,
 И много ужъ проѣхалъ, а ни съ кѣмъ
 Не встрѣтился и ничего не видѣлъ,
 Кромѣ лѣсной дороги да небесъ,
 Протянутыхъ, какъ лента голубая,
 Высово, въ даль за мной и предо мной.
 Какая глушь! Здѣсь мертвое молчанье
 И непробудный сонъ: въ тиши лѣсной
 Не свиснетъ птичка, лѣшій не аукнетъ;
 Лишь изрѣдка скакунъ мой удалой
 Встряхнетъ своей нахмурой головой,
 И забренчитъ опущенной уздой,
 Или въ кремень стальнымъ копытомъ стукнетъ.
 И ты, мой конь, задумался... грустишь?
 Не унывай, товарищъ! не всегда же
 Поѣдемъ мы такимъ дремучимъ лѣсомъ!
 Неси меня, порадуй господина,

To All Associates

VI.

Иванъ Царевичъ *(въ лѣсу, сидитъ)*.

Чтобъ у тебя всегда болѣли зубы,
 Проклятый волкъ! Ты самый хищный звѣрь!
 Чѣмъ я тебя обидѣлъ, огорчилъ,
 Что ты зарѣзалъ моего коня,
 Товарища и друга моего?
 Чѣмъ виновать онъ? Голоденъ ты, что ли?
 И малъ тебѣ пространный этотъ лѣсъ
 Ловить твою несчастную добычу?
 Какъ я усталъ! А долго ли я шель,
 И много ли прошелъ я? То ли было...
 Ахъ, добрый конь мой, что я безъ тебя?
 Проклятый волкъ! осиротилъ меня.

VII.

Иванъ Царевичъ и Сѣрый волкъ.

Сѣрый волкъ (*выходитъ изъ лѣсу*).

Прости меня, Иванъ Царевичъ!

Иванъ Царевичъ.

Что ты?

Прочь отъ меня, разбойникъ! прочь поди!

Сѣрый волкъ.

Мнѣ жаль тебя, Иванъ Царевичъ.

Иванъ Царевичъ.

Поздно

Ты обо мнѣ жалѣешь.

Сѣрый волкъ.

Право, жаль,

И знаешь ли? Вѣдь я почти невиненъ,

Что твоего коня я растерзалъ:

Ты помнишь, что предсказывалъ тебѣ

Дорожный столбъ? Ты выбиралъ дорогу!

Но будь спокоенъ: я тебѣ слуга,

Хочу помочь твоей большой бѣдѣ,

И помогу: садись-ко на меня,

И поѣзжай на мнѣ куда угодно,

Какъ на конѣ, на самомъ удаломъ.

Иванъ Царевичъ.

Пожалуй, я отъ этого не прочь,

Чѣмъ мнѣ пѣшкомъ тащиться. Хорошо!

Будь мнѣ конемъ. Вотъ видишь ли, въ чемъ дѣло:

Меня послалъ царь-батюшка достать

И привести Жарь-Птицу: такъ вези

Меня туда, въ то царство, понимаешь?

(Садится верхомъ на волка.)

VIII.

Сѣрый волкъ.

Пріѣхали! Слѣвай съ меня, мой витязь!
 Вотъ черезъ эту, каменную стѣну
 Переберись: а тамъ въ саду Жарь-Птица.
 Давно ужъ ночь, уснули сторожа;
 Иди себѣ, не бойся ихъ ни мало:
 Они обыкновенно крѣпче спятъ,
 Чѣмъ прочія хранительныя власти.
 Да вотъ тебѣ совѣтъ мой: ты Жарь-Птицу
 Бери смѣлѣй, во снѣ она смирна,

И вынь ее изъ вѣтви золотой,
 И унеси; а вѣтви золотую
 Оставь, какъ есть, не тронь ее: она
 Съ механикой, со шгувой; отъ нея
 Звончатъ, чувствительныя струны
 Проведены въ дворцовымъ карауламъ;
 Онѣ какъ разъ подымуть шумъ и крикъ,
 Тогда тебѣ не миновать бѣды!

IX.

Царь Долмать и стража. Потомъ Иванъ Царевичъ.

*(Царь Долмать лежитъ на кровати; передъ нимъ на
 полу сидитъ сказочникъ и говоритъ сказку. Вдругъ
 слышатъ шумъ и крикъ.)*

Царь Долмать.

Что за тревога? Что за крикъ и шумъ?

Начальникъ стражи.

Все слава Богу! изловили вора

Въ твоёмъ саду: хотѣлъ унести Жарь-Птицу.

Царь Долмать.

Сковать его, въ тюрьму его скорѣ!

Судить его шемавинымъ судомъ!...

Ко мнѣ его сію-жь минуту!...

(Вводятъ Ивана Царевича.)

Начальникъ стражи.

Вотъ онъ!

Царь Долмать.

Кто ты таковъ?

Иванъ Царевичъ.

Я сынъ царя Выслава,

Иванъ Царевичъ.

Ц а р ь Д о л м а т ь.

Сынъ царя Выслава...

Андроновича, что-ли?

И в а н ь Ц а р е в и ч ь.

Точно такъ!

Ц а р ь Д о л м а т ь.

Послушай, другъ мой, какъ тебѣ не стыдно

Птицъ воровать! Твое ли это дѣло?

Вѣдь ты царевичъ.

И в а н ь Ц а р е в и ч ь.

Я не виновать...

Меня послалъ царь-батюшка поймать

И привезти ему Жарь-Птицу; намъ

Она премного сдѣлала вреда:

Изволила повадиться въ нашъ садъ

По яблоки завѣтныя, и яблонь

Испортила, хотъ брось... Меня послалъ

Царь-батюшка...

Ц а р ь Д о л м а т ь.

Такъ развѣ ты не могъ

Не воровски, а честно и полезно

Достать ее? Ты просто попросилъ бы:

Тогда бы я, принявъ въ соображенъе,

Что твой отецъ—извѣстный государь,

Что ты—Иванъ Царевичъ, сынъ его,

Рѣшился бы по милости моей

Тебѣ отдать, пожаловать Жарь-Птицу.

Ты поступилъ иначе. Что-жь ты взялъ?

Тебя-жь поймали, привели на судъ

Передъ царемъ, и что царю угодно,

Тому и быть съ тобою! Я бы могъ.

Тебя жестоко, славно проучить

За дерзкій твой поступокъ; но, пожалуй,
 Я пощажу тебя, Иванъ Царевичъ,
 Когда ты мнѣ дашь слово, что ты мнѣ
 Сослужишь службу; я прощу тебя
 И, сверхъ того, отдамъ тебѣ Жарь-Птицу,
 И ты со мной разстанешься, какъ съ другомъ,
 И выйдешь изъ царства моего
 Въ большомъ почетѣ, какъ высокій гость,
 Какъ сынъ царя, съ которымъ я желаю
 Вести пріязнь и дружбу.

И в а н ъ Ц а р е в и ч ѣ .

Я согласенъ.

Какая-жь это служба?

Ц а р ѣ Д о л м а т ѣ .

Вотъ какая:

Есть Царь Афронъ, и у царя Афона
 Есть превосходный, златогривый конь;
 Такъ ты достань мнѣ этого коня;
 А не достанешь—нѣтъ тебѣ пощады!
 Согласенъ ты на это?

И в а н ъ Ц а р е в и ч ѣ .

Я согласенъ.

Ц а р ѣ Д о л м а т ѣ .

И такъ прощай же, будь здоровъ и дѣйствуй.
 Ты молодецъ! Прощай, Иванъ Царевичъ!

(Волкъ везетъ Ивана Царевича къ царю Афрону. Здѣсь онъ предостерегаетъ его отнюдь не брать, вмѣстѣ съ конемъ, узды.)

Х.

Сѣрый волкъ *(одинъ)*.

Мнѣ нравится мой витязь! Онъ красавецъ,

Смѣль, добродушень; жизненная сила
 Въ немъ весело играетъ и кипитъ,
 Въ немъ лишь одно не ловко, не похвально
 И мнѣ прискорбно: онъ мои совѣты
 Позабываетъ. Я того и жду,
 Что онъ опять забудетъ мой наказъ:
 Онъ соблазнится золотой уздой,
 Возьметъ ее и сдѣлаетъ тревогу!

ХІ.

Сѣрый волкъ и Иванъ Царевичъ.

И в а н ъ Ц а р е в и ч ъ.

Прости меня, мой добрый Сѣрый волкъ!
 Я виноватъ, опять въ просакъ попался.
 Я со стѣны спрыгнулъ благополучно,
 Все было тихо, на дворѣ широкомъ
 Покоился крѣпчайшій караулъ.
 Я шелъ, твердя въ умѣ твои слова:
 „Не брать узды! Не брать узды!“ и этапъ
 Добрался до конюшни, и въ нее
 Вошелъ, взглянулъ: а на стѣнѣ узда!
 Я и теперь еще не понимаю,
 Какъ я тогда смѣшался, я забылъ
 И твой приказъ и самого себя, —
 Вся въ дорогахъ каменьяхъ, въ жемчугахъ
 И золотая, отъ нея лучи! —
 Я протянулъ къ ней руки и лишь началъ
 Снимать ее съ высокаго гвоздя —
 Вдругъ звонъ и крикъ, и страшная тревога!
 Меня схватили молодца, и прямо
 На судъ, какъ разъ передъ царя Афрона;

Царь вспыхнулъ, расходился, и меня
 Сердитыми вопросами осыпалъ.
 Я отвѣчалъ ему чистосердечно,
 Кто я таковъ, и для чего зашелъ
 Въ его конюшню. Онъ хотъ и смягчился,
 Но ужь мыль-мыль мнѣ голову! Потомъ
 Исторія похожая на ту,
 Чтò у меня была съ царемъ Долматомъ:
 И царь Афронъ даруетъ мнѣ прощенье,
 Отдастъ мнѣ златогриваго коня,
 Когда ему я службу сослужу;
 Вотъ видишь ты, въ чемъ дѣло: онъ влюбленъ
 Въ какую-то прекрасную Елену;
 Такъ я взялся, далъ рыцарское слово
 Достать ему предметъ его любви.
 Не знаешь ли, мой добрый Сѣрый волкъ,
 Скажи ты мнѣ, что это за Елена?

Сѣрый волкъ.

Верхъ совершенства, чудо красоты!
 Я потружусь, я сослужу тебѣ
 Большую службу, я тебѣ достану
 Прекрасную Елену; а тебѣ
 Ее похитить самому нельзя,
 Повѣрь ты мнѣ. Садись-ка на меня,
 Поѣдемъ мы въ то царство. Я тебя
 Оставлю на дорогѣ одного
 Во чистомъ полѣ, подъ зеленымъ дубомъ.
 Тамъ жди меня, я скоро ворочусь
 Съ прекрасною Еленой, и тебѣ
 Отдамъ ее руками.

Иванъ Царевичъ.

Добрый волкъ!

А мнѣ было хотѣлось самому...
 Да все равно я на тебя надѣюсь
 И буду ждать.

(Садится верхомъ на волка.)
 Пошелъ же поскорѣе!

ХII.

Иванъ Царевичъ *(подъ зеленымъ дубомъ)*.

Свѣтла, чиста небесная лазурь;
 Прохладенъ воздухъ, доли и холмы
 Цвѣтутъ; стрекочеть подмуравный мiръ;
 Журчатъ ручьи и свищеть соловей.
 Прекрасный день! люблю тебя, весна!
 А что со мною будетъ, если волкъ
 Меня обманеть, убѣжить домой,
 А я останусь пѣшъ и одинокъ...
 Здѣсь, подъ зеленымъ дубомъ? Я не знаю,
 Чье это царство и куда идти?
 Жду не дождусь; теперь ужъ третьи сутки
 Кончаются съ тѣхъ поръ, какъ онъ меня
 Покинулъ здѣсь. О нѣтъ! Онъ добрый малый...

ХIII.

Иванъ Царевичъ и Сѣрый волкъ съ Еленой.

Сѣрый волкъ.

Иванъ Царевичъ, принимай руками
 Прекрасную Елену, вотъ она!
(Кладетъ ее на мизъ, она въ безпамятствѣ.)

Она дорогой чувства потеряла;
 Я такъ внезапно выхватилъ ее

Изъ тишины отеческаго сада,
 Изъ круга милыхъ, молодыхъ подругъ,
 Прислужницъ, нянекъ, мамоекъ, и такъ быстро
 Скакаль съ моею ношей дорогѣй,
 Боясь погони и поимки, что она,
 Воспитанная въ нѣгѣ и покоѣ,
 Имѣла право обмереть со страху
 И задохнѣться на моей спинѣ;
 А впрочемъ я берегъ ее, слегка
 Придерживаль зубами, чтобъ никакъ
 Не уязвить чувствительнаго гѣла.

Иванъ Царевичъ (*смотритъ на Елену*).
 Жестокъ ты волеъ!

Сѣрый волеъ.

Небось: она охнетъ,

Дай только ей немножко отдохнуть.

(*Елена просыпается и плачетъ, что Иванъ Царевичъ отдастъ ее царю Афрону. Самъ Иванъ Царевичъ плачетъ, потому что не хотѣлъ бы уже расставаться съ красавицей-царевной.*)

Сѣрый волеъ.

Ужъ развѣ мнѣ вступиться въ ваше дѣло,
 Прекрасная Елена?

Елена.

Добрый волеъ!

Спаси его, спаси обоихъ насъ!

Сѣрый волеъ.

Я вамъ слуга, прекрасная Елена:

Спасу я васъ обоихъ,—успокойтесь!

Садитесь-ка на сѣраго слугу!

Я повезу васъ самой нѣжной рысью,

Прохладно и сохранно въ государство

Царя Афрона; тамъ, Иванъ Царевичъ,
 Найдемъ мы лѣсъ, а въ томъ лѣсу поляну,
 И въ той полянѣ мы одну оставимъ
 Прекрасную Елену не надолго.
 Я обернусь прекрасною Еленой,
 И ты отдашь меня царю Афрону,
 И на своемъ конѣ золотогривомъ
 Туда приѣдешь; я же у него
 Останусь погостить, повеселиться
 Не болѣе трехъ сутокъ, убѣгу,
 И снова къ вамъ явлюся вамъ служить.

XIV.

Иванъ Царевичъ, Елена и Сѣрый волкъ.

(Въ лѣсу).

Е л е н а.

Любезный волкъ! я буду вѣчно помнить,
 Чѣмъ я тебѣ обязана, ты спасъ
 Обоихъ насъ: благодарю тебя!

С ѣ р ы й в о л к ѣ.

И есть за что, прекрасная Елена!
 Ахъ, еслибы вы видѣли, какъ я
 Васъ представлялъ передъ царемъ Афрономъ!
 Комедія! Когда Иванъ Царевичъ
 Повончилъ съ нимъ дѣла свои, и вышелъ
 Изъ комнаты, гдѣ приняты мы были
 Блистательно и радостно и имъ
 Самимъ и ловкой пестрою толпой
 Золотошвейныхъ царедворцевъ,—царь
 Махнулъ рукой, и я осталась съ нимъ
 Наединѣ. Онъ предложилъ мнѣ сѣсть;

Я сѣла на диванъ подъ балдахиномъ,
 Задумчиво склонилась головой
 Къ высокой спинкѣ, очи и уста
 Полузакрыла томнымъ выраженьемъ
 Пльнительной усталости, а руки
 На бархатныхъ подушкахъ разметала.
 Онъ занимался долго созерцаньемъ
 Моей всесовершенной красоты,
 Потомъ сказалъ: „Прекрасная Елена!
 Назначьте день, счастливѣйшій мой день,
 Когда вполнѣ вы будете моею?
 Угодно ли вамъ завтра?“—Я смутилась
 И трепетно и робко отвѣчала:
 „О, да!“ Онъ тотчасъ отдалъ приказанье
 Готовить праздненье; онъ былъ внѣ себя
 Отъ радости, что завтра наша свадьба.
 День догораль, прекрасенъ вечеръ былъ:
 Мнѣ захотѣлось походить въ саду
 И по полю,—онъ отпустилъ меня.
 Окружена блестящею толпой
 Прислужницъ, нянекъ, мамокъ и другихъ
 Чиновъ придворныхъ, я въ саду гуляла
 И вышла въ поле. Вдалекѣ чуть видно
 Синѣлся лѣсъ; я сѣла на травѣ
 И приказала имъ сѣсть; а сама
 Въ то самое мгновенье, какъ они
 На землю опускались, вдругъ вскочила
 И поминай какъ звали: прямо въ лѣсъ—
 Тамъ обернулась въ свой родимый видъ,
 И къ вамъ сюда, за тридевять земель,
 Скорѣ вѣтра прибѣжалъ вашъ волкъ,
 По прежнему готовый вамъ служить.

CPH. 105.

to you
ANSWER

И в а н ъ Ц а р е в и ч ъ .

Вотъ молодецъ! Знай нашихъ! Милый волеъ!
 Мнѣ полюбился златогривый конь:
 Не можешь ли ты сдѣлать, ухитриться,
 Чтобы и онъ остался у меня?
 Вѣдь ты волшебный...

С ѣ р ы й в о л ь е ъ .

Я люблю тебя,

Иванъ Царевичъ, я готовъ на все,
 Тебѣ въ угоду, буду златогривымъ
 Конемъ. Ты за меня возьмешь Жарь-Птицу;
 Я убѣгу и отъ царя Долмата,
 И вновь тебѣ твой добрый Сѣрый волеъ.

(Волкъ исполняетъ свое слово: обернувшись конемъ, даетъ съѣсть на себя царю Долмату, но тутъ-же сбрасываетъ его на земь, а самъ убѣгаетъ опять къ Ивану Царевичу, чтобы съ нимъ уже проститься. Иванъ Царевичъ остается одинъ съ Еленою. Старшіе два брата, встрѣтивъ ихъ по дорогѣ, изъ зависти къ Ивану Царевичу убиваютъ его, соннаго, а Елену, коня и Жарь-Птицу берутъ съ собой.)

XV.

Царь Выславъ, Димитрій Царевичъ, Василій Царевичъ
 и Елена.

(Объдаютъ.)

Ц а р ь В ы с л а в ъ .

Прекрасная Елена!

Вы ничего не кушаете... Что вы
 Такъ пасмурны? Ужъ вы здоровы ли?

Димитрій Царевичъ.

Она здорова, но нельзя же ей,
 Царь-батюшка, не погрузить, покуда
 Не обошлася въ нашей сторонѣ,
 Не осмотрѣлася; ей у насъ все вновѣ,
 Все будто бы чужое. Сверхъ-того,
 Скажу тебѣ всю правду, мы ее
 Похитили таѣ смѣло и внезапно,
 Таѣ быстро торопились отъ погони,
 И чтобъ скорѣй обрадовать тебя
 Жарь-Птицей,—что прекрасная Елена
 Устала съ перепугу и со спѣху.
 Дай срокъ: она привыкнетъ съ нами жить
 И насъ полюбитъ всѣхъ до одного,
 И расцвѣтетъ и будетъ весела!
 Не правда ли, прекрасная Елена,
 Вы скоро къ намъ привыкнете?

Елена.

Не знаю.

Василій Царевичъ.

И больше всѣхъ полюбите меня?

Елена.

Не знаю я.

Василій Царевичъ.

Вѣдь вы моя невѣста!

Царь Выславъ.

А гдѣ-то онъ, мой другъ Иванъ Царевичъ?

Василій Царевичъ.

Мы ничего не слышали объ немъ,

Хотя вездѣ справлялись.

Димитрій Царевичъ.

Теряетъ время, ищетъ вамъ Жарь-Птицу,

Которая находится у васъ!

Василій Царевичъ.

Знать, онъ заѣхалъ черезъ-чуръ далеко,
Иль заплутался.

Димитрій Царевичъ.

Иль сидитъ въ плѣну.

Да, признаюсь! я очень удивился
Царь-батюшка, когда узналъ отъ васъ,
Что и его вы тоже отпустили
Отыскивать Жарь-Птицу; онъ дитя!
Ну, мало ли, что можетъ съ нимъ случиться.
Мы, напрімѣръ, мы, кажется, не дѣти,
И мы не разъ спасались отъ бѣды
Лишь случаемъ. Большіе переѣзды,
Вертепы, горы, дикіе лѣса,
Наполненные лютыми звѣрами!
И вое-гдѣ разбойники—не шутка!

Царь Выславъ.

Ты правъ, мой сынъ: не должно было мнѣ
Пускать его. Да мнѣ же и хотѣлось,
Чтобъ онъ остался утѣшать меня;
Я всячески доказывалъ ему,
Что молодъ онъ, что этотъ подвигъ труденъ,
Опасенъ, что мнѣ нужно при себѣ
Имѣть всегда хоть одного изъ васъ;
Я говорилъ, что мало ли что можетъ
Вдругъ сдѣлаться. Онъ плакалъ, горячился,
Упрашивалъ меня, мнѣ представлялъ
Свои причины, мысли и надежды
Такъ жалобно и страстно, что я самъ
Разнѣжилъ и отпустилъ его.

Ахъ, живъ ли ты, мой другъ, Иванъ Царевичъ?
(Плачетъ.)

(Елена плачетъ.)

Димитрій Царевичъ.

Царь-батюшка! смотрите, какъ она

Вась полюбила, милая Елена!

Заплакала, увидя ваши слезы!

Елена.

Я не могу не плакать!

Димитрій Царевичъ.

Перестаньте, что вы!

Вы позабыли добрый мой... совѣтъ!

Не плачьте же—вотъ выпейте вина!

XVI.

Тѣ-же и Иванъ Царевичъ.

Елена (бросаясь ему на шею).

Иванъ Царевичъ! мой Иванъ Царевичъ!

Царь Выславъ.

Мой милый сынъ, ты живъ и цѣлъ, мой сынъ!

А мы-было... Прекрасная Елена!

Что это значитъ? Гдѣ же вы его?...

Елена.

Онъ мой женихъ, мой милый и сердечный,

Иванъ Царевичъ. Онъ досталъ для васъ

Жарь-Птицу, златогриваго коня,

И для себя невѣсту, но дорогой

Его убили, а его добычу

Похитили!

Василій Царевичъ (на колыняхъ).

Царь-батюшка, прости насъ,

Мы виноваты! Братъ Иванъ Царевичъ!
 Мы виноваты, мы тебя убили!
 Присвоили себѣ твое добро,
 Твои злодѣи...

Димитрій Царевичъ.

Зависть насъ смутила.

Царь Выславъ.

Я ровно ничего не понимаю:
 Они тебя убили, милый сынъ,
 Такъ какъ же ты живой къ намъ воротился?

Иванъ Царевичъ.

Я въ самомъ дѣлѣ былъ убитъ; они,
 Царь-батюшка, зарѣзали меня
 И мертваго покинули въ лѣсу.

Димитрій и Василій Царевичи.

Иванъ Царевичъ, добрый, милый братъ!
 Иванъ Царевичъ! будь великодушень!

Иванъ Царевичъ.

Я былъ бы съѣденъ хищными звѣрями
 И птицами; но, знать, судьбѣ угодно,
 Чтобы не то случилось. Сѣрый волкъ,
 Волшебный волкъ, пріятель мой, который
 Мнѣ чрезвычайно много услужилъ
 Въ моихъ дѣлахъ (я всѣмъ ему обязанъ),
 Нечаянно зашелъ въ тотъ самый лѣсъ,
 Узналъ меня, и, сжалясь надо мною,
 Сталъ думать, какъ помочь моей бѣдѣ!
 Сталъ думать; вотъ увидѣлъ онъ, что воронъ
 И съ нимъ два вороненка прилетѣли
 Поѣсть меня. Онъ спрятался за кустъ,
 И только-что они на мнѣ усѣлись
 И начали свой голодь утолять—

Онъ прыгъ изъ-за куста на вороненка,
 Схватилъ его и хочеть растерзать!
 Тогда взмолился волку старый воронъ,
 Чтобъ не губилъ онъ дѣтища его.
 „Послушай же ты, Воронъ Вороновичъ!“
 Сказалъ ему мой добрый волкъ: „слетай
 За тридевять земель, и поскорѣ
 Мнѣ принеси воды живой и мертвой.
 Не принесешь, такъ будешь ты безъ сына;
 А принесешь, я отпущу его
 И цѣлымъ и здоровымъ.“ — „Принесу,“
 Сказалъ ему проворно старый воронъ, —
 И полетѣлъ, и воротился къ волку
 На третьи сутки, и принесъ ему
 Два пузырька съ лѣкарствомъ. Сѣрый волкъ
 Взялъ ихъ, а вороненка разорвалъ,
 И части sprыснулъ мертвою водою,
 И вороненокъ сросся отъ лѣкарства;
 Тутъ sprыснулъ онъ его живой водою,
 И вороненокъ ожилъ, встрепенулъся
 И улетѣлъ; волкъ за меня принялся,
 И вылѣчилъ отъ смерти и довезъ
 Меня домой до городской стѣны.

Царь Выславъ.

Теперь я понялъ. Ахъ, они злодѣи!
 Братоубійцы!...

Василій Царевичъ.

Братъ, Иванъ Царевичъ,

Царь-батюшка, прекрасная Елена!

Простите насъ!

Царь Выславъ.

Прочь отъ меня!

Василій Царевичъ.

Не будемъ

Впредь гибогда, исправимся, полюбимъ
Всѣхъ васъ. Ахъ, будьте милосерды,
Простите насъ, прекрасная Елена!

Иванъ Царевичъ.

Я васъ прощаю, встаньте!

Елена.

Я прощаю!

Димитрій Царевичъ.

Царь-батюшка, ужели ты одинъ...

Царь Выславъ.

Ты слишкомъ добръ, Иванъ Царевичъ. Встаньте!

Димитрій Царевичъ и Василій Царевичъ.

(Встаютъ и обнимаютъ брата.)

Дай намъ обнять тебя, любезный братъ,
Забудь великодушно.

Иванъ Царевичъ.

Все забуду!

И станемъ жить, какъ братья жить должны!

Царь-батюшка, она моя невѣста!

Елена.

Ты мой женихъ, моя любовь и радость,

Мой нѣжный другъ!

Димитрій Царевичъ и Василій Царевичъ.

(Съ бокаломъ въ рукахъ.)

Да здравствуетъ Иванъ

Царевичъ и прекрасная Елена!

Иванъ Царевичъ *(беретъ бокалъ)*.

Да здравствуетъ царь-батюшка и вы,

Со мною помирившіеся братья!

Ц а р ь В ы с л а в ь .

Живите мирно, сыновья мои,
Единодушно, ласково другъ съ другомъ,
Безхитростно, и будете счастливы,
И будете отрадою отцу
На старости. Благодарю тебя,
Иванъ Царевичъ, видѣлъ я Жарь-Птицу:
Прекрасная, единственная, чудо!
Величиной съ павлина! Золотыя
И радужныя перья! А глаза,
Какъ двѣ звѣзды востока! Для нея
Мы выстроимъ высокія палаты
Съ зеркальными окошками! Василий,
Поди и прикажи подать сюда
Десятокъ яблоковъ завѣтныхъ! Эта птица!
Особенно мнѣ нравится у ней
Хвостъ! Вотъ такъ хвостъ! величественный хвостъ!
Раскидистый и разными лучами
Сіяющій...

И в а н ь Ц а р е в и ч ь .

Да здравствуетъ Жарь-Птица!

Н. Языковъ.

СТАРИННАЯ СКАЗКА

0

СУДЬ ШЕМЯКЪ.

В нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, стояла деревня. Въ той деревнѣ жили-были два мужика: Голой Ерема да Оома Большая Крома. Вотъ, пришла къ нимъ зима сиволапая, затрещали избушки, повалилъ снѣгъ. У кого тепло, у кого добро, а Ерема лежитъ на нетопленной печи, дуеть въ кулаки, да думаетъ: „Ухъ! холодно! нынѣ и морозы стали сердитѣе: нигдѣ мѣста не находишь! Дай-ка, поѣду я въ лѣсъ, дровъ на рублю, да печку вытоплю!“—Пошелъ къ сосѣду, попросилъ сани. Пришелъ къ Оомѣ, просить лошади. На Оому въ тотъ разъ добрый стихъ нашель.

— Изволь, — говоритъ, — возьми лошадь.

Ерема поклонился, взялъ лошадь, повелъ къ себѣ, да, идучи-то, и думаетъ: „Экой я дуралей! Выпросилъ я лошадь, а хомута не взялъ. Какъ же я запрягу ее? Идти опять къ Оомѣ — еще разсердится, и лошаденки не дастъ. Идти къ сосѣдямъ — скажутъ: что за дуракъ, хомутъ забылъ, когда лошадь бралъ! Да и придется ли чужой хомутъ по лошадеѣ?“—Голь мудрена. Думаль, думаль, да

и вздумалъ: „привяжу я лошадь къ санямъ хвостомъ?“ — Точно! привязалъ, перекрестился, поѣхалъ.

Ну, ѣхалъ онъ близко ли далеко, низко ли высоко, скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Ерема нарубилъ возъ дровъ и поѣхалъ назадъ. Ладно дѣло! Приѣхалъ домой, отворилъ ворота, да и забылъ подворотню вынуть; нувнулъ на лошадь; та уперлась, двинулась: сама-то на дворъ взошла, а возъ-то на улицѣ остался, и съ хвостомъ!

Этакое горе! Какъ теперь къ Өомѣ показаться? Что онъ скажетъ? Взялъ лошадь съ хвостомъ, а отдаешь безъ хвоста! Но, такъ какъ дѣлать было нечего, побрелъ Ерема къ Өомѣ, повелъ съ собою и лошадку безхвостую.

Какъ закричить на Ерему Өома Большая Крома, закричить, какъ только богатые на бѣдныхъ кричать умѣютъ; у Еремы и ноги подкосились! Повалился онъ въ ноги Өомѣ, просить, плачетъ, умоляетъ. Нѣтъ пощады!

— Какъ ты смѣлъ! Какъ ты дерзнулъ! Какъ ты могъ у моей лошади хвостъ выдернуть!

Ерема увѣрялъ, что она сама его выдернула, отдавалъ себя въ заработку, просилъ простить, просилъ прибить, да только простить.

— Ни прощать, ни бить тебя не стану, — отвѣчалъ Оома, — а пойдемъ-ка, пріятель дорогой, къ судьѣ Шемякѣ! Пусть онъ разсудитъ, и что онъ велитъ, то и будь!

Что станешь дѣлать! Оома ухватилъ Ерему за воротъ и повелъ его къ судьѣ Шемякѣ.

Недалеко ужъ имъ и до Шемяки судьи, и думаетъ Ерема: „Ну, и безъ бѣды судья бѣда, а у меня такая бѣда надъ головою—вуда я дѣнусь! Сгинь моя голова побѣдная! Вотъ подходимъ мы къ мосту, а подъ мостомъ прорубь немалая. Перекрещусь, да брошусь въ прорубь—поминай, какъ звали!“

Сказано—сдѣлано. Только поравнялись съ серединой моста, Ерема говоритъ:

— Постой, Оома Карпычъ! Вонъ видно отсюда село—дай перекреститься на Божью церковь!

Опустилъ Оома Ерему, а онъ снялъ шапку, положилъ ее на перила моста, перекрестился, да какъ махнетъ съ

моста—только и видѣли его! Бросился Оома къ периламъ, глядитъ—глазамъ не вѣритъ: Ерема стоитъ подъ мостомъ,

на льду, живёхонекъ, и держать его тамъ за воротъ здоровый мужчина; подлѣ стоитъ лошадь, запряженная въ сани, а въ саняхъ лежитъ кто-то и молчить.

Сбѣжалъ Оома внизъ, а мужчина уже на встрѣчу ползеть, Ерему съ собой за воротъ волочетъ.

— Что, добрый человѣкъ,—сказалъ Оома;—какъ звать тебя, не знаю... Куда это волочешь ты этого окаяннаго Ерему?

— Зовутъ меня Артамонъ, сынъ я Сидоровичъ,—отвѣчалъ мужчина.—А ѣхалъ я съ бачкой моимъ къ куму въ гости, новаго пива отвѣдать. Подѣхали мы подъ этотъ мостъ, и вдругъ свалился съ моста вотъ этотъ окаянный, прямо на моего бачку, и отправилъ его въ дальнюю дорогу, такъ, что онъ передъ смертью и пожалѣть не успѣлъ, что у кума пива молодого не отвѣдалъ. Вотъ я и поворотилъ оглобли: веду этого прыгуна къ судѣ Шемакѣ; пусть онъ у него попрыгаетъ, да научится, каково съ мосту не оглядѣвшись бросаться, да добрыхъ людей давить!

— Хе, хе!—возгласилъ тогда Оома, по прозванію Большая Крома,—такъ я тебѣ добрый попутчикъ!

Подошли наши просители къ дому судьи Шемяки, смотреть: домъ стоитъ во дворѣ, на всей красотѣ, а надъ домомъ поставлена превеликая надпись:

„Домъ правосуднаго судіи Шемяки.“

Ворота растворены настезь, и отъ самыхъ воротъ до крыльца дубоваго снѣгъ расчищенъ, песочкомъ дорожка посыпана—свободный входъ всякому, бѣдному и богатому.

— Ай, да судья Шемяка!—говорятъ просители,—да у насъ и къ сотскому такого свободного входа нѣтъ!

Смотрать они еще: подлѣ воротъ на улицѣ, по обѣ стороны, врыты два столба высокіе, и подлѣ каждаго столба стоитъ земскій ярышка съ дубинкой, а на столбахъ прибиты листы, и на листахъ написано что-то такими крупными буквами, что и слѣпой прочтаетъ. Нашимъ просителямъ жаловаться судѣ Шемякѣ было дѣло небывалое, не знаютъ они ни суда, ни обряда. Сняли шапки, кланяются ярышкамъ, и хотятъ идти прямо во дворъ, въ ворота.

— Стой!—завричалъ одинъ ярышка.—Сперва прочитай, что на столбѣ написано!

Просители поглядѣли другъ на друга и отвѣчали:

— Грамотѣ не знаемъ, кормилецъ!

— Ну, такъ слушайте, я вамъ прочту: „Вѣдомо симъ чинится всякому, что никто изъ жалобщиковъ, приходящихъ къ судѣ Шемякѣ, никакихъ взятокъ никому давать не долженъ, а паче чаянія кто что дастъ, будетъ судиться, яко виновный въ подкупѣ.“

— Ай, да кормилецъ судья Шемяка!—вскричали просители.

— Ну, теперъ давай же за прочтеніе!—сказалъ имъ ярышка, протягивая руку.

— Какъ: давай? Да вѣдь ты самъ о томъ читалъ, чтобы мы не давали?

— Да развѣ я взятку съ тебя прошу?—вскричалъ ярышка;—это законное дѣло. Кто тебѣ не велѣлъ грамотѣ знать самому!

— А еслибы мы сами грамотѣ знали?

— Тогда вы должны бѣ были заплатить за то, что сами прочтаете. Толковать нечего! Давай, а не то дубинкой по лбу съѣзжу; забудешь, какъ твоего отца зовутъ, да

еще въ тюрьмѣ насидишься за ослушаніе противъ начальства и своеволюство!

Толковать было, въ самомъ дѣлѣ, нечего; просители вынули свои мошны, заплатили по алтыну.

— Теперь ступайте къ другому столбу!—проговорилъ ярыжка.

Просители подошли къ другому столбу.

— Знаете грамотѣ?—спросилъ товарищъ ярыжки.

— Нѣтъ, кормилецъ!

— Такъ слушайте: „Вѣдомо симъ чинится всякому, что каждый жалобщикъ, приходящій къ суду Шемакѣ, имѣетъ быть къ нему допущенъ свободно, во всѣ положенные часы, и никто не смѣетъ пришедши уйдти назадъ, подъ опасеніемъ быть судимымъ, яко виноватый.“

— Слышимъ, кормилецъ!—отвѣчали просители, низко кланаясь.

— Давай же за объявленіе,—сказалъ ярыжка,—и отговариваться не смѣй, понеже за ослушаніе будешь виновать!

Просители поглядѣли другъ на друга и заплатили еще по алтыну.

— А ты, молодецъ, что не платишь?—спросили ярыжки Ерему.

— У меня нечего дать,—отвѣчалъ Ерема.

— Такъ и не смѣй ты иди къ суду Шемакѣ, коли за прочтеніе да за объявленіе приказовъ не платишь—пошелъ прочь!

— Да я и не желаю иди къ суду,—сказалъ Ерема;—спасибо вамъ, господа земскіе ярыжки! Пожалуй, хоть приударьте еще меня въ толчки, да прогоните!

— Давай затылокъ, за этимъ дѣло не станеть!

Тутъ Оома и Артамонъ испугались, вланияются; говорятъ:

— Господа земскіе ярыжки! ведемъ мы его къ судьѣ Шемякѣ, а если вы его прогоните, такъ кого же судья судить будетъ?

— Намъ какое дѣло! Платите за него вы, а безъ того не пустимъ.

Просители постояли, подумали, опять развязали мошны и заплатили за Ерему по доброму грошу съ брата. А Ерема между тѣмъ расхаживалъ на улицѣ подлѣ воротъ, увидѣлъ камешекъ порядочный, подумалъ, завернулъ его въ тряпичку и спряталъ за пазуху.

— Все вымѣстимъ на лиходѣѣ напемъ, когда будемъ у судьи Шемяки!—говорили просители, идутъ, прошли севозъ широкія ворота, пошли по чистой, гладкой, широкой дорожкѣ.

— Стой!—закричали два новые ярыжки и выскочили изъ будокъ, которыя поставлены были во дворѣ по обѣимъ сторонамъ воротъ, такъ, что съ улицы совсѣмъ не были видны.—Куда? Зачѣмъ?

— Къ судьѣ Шемякѣ.

— Давай по три алтына!

— За что, кормильцы?

— Положенне за входъ во дворъ судейскій.

— Что, Артамонъ Сидоровичъ, платить ли намъ?—спросилъ Оома, который былъ скупѣ товарища.— Не вернуться ли намъ?

— Такъ заплатите по шести алтынъ за выходъ!—вскричали ярыжки.

Ни взадъ, ни впередъ! Попались молодцы! Ерема и думать ни о чемъ не хотѣлъ, потому что ему, какъ голому, и тутъ угрожали только толчками, а просители поморщились, да опять за него заплатили.

— Шапки долой! Пени по пяти алтынъ!—закричалъ

главный ярыжка, когда просители подошли къ судейскому крыльцу. Они и не замѣтили, какъ онъ вывернулся, откуда взялся. То-то и бѣда, что просителямъ кажется чистая, широкая дорога къ судейскому крыльцу, а какъ пойдутъ по той дорогѣ, ярыжки словно изъ-подъ земли вывертываются, да такъ змѣйкой въ карманъ и лѣзутъ.

— Послушай-ка, кормилецъ,—сказалъ Оома главному ярыжкѣ.—Читали намъ *проказы* у воротъ, чтобы никому взятюгъ не давать.

— Да развѣ вы давали кому-нибудь? Развѣ съ васъ взятки взялъ кто-нибудь? Скажите скорѣе: бѣда и вамъ, и тому бѣда, кто взялъ!

— А вотъ, кормилецъ, заплатили по алтыну у перваго столба.

— За *прочтеніе*.

— Да по алтыну у другаго столба.

— За *объявленіе*.

— Да по три алтына, когда вошли во дворъ.

— За *вхожденіе*.

— А ты, кормилецъ, за что берешь?

— За то, что вы у крыльца шапогъ не сняли.

— А еслибы мы сняли?

— Такъ заплатили бы за *здорово живешь*.

— Какъ: за здорово живешь?

— Да такъ, потому что я приставленъ здѣсь говорить всякому, кто не придетъ: „*здорово живешь*“, а за это взносится по пяти алтынъ.

— Была не была!—Заплатили молодцы, взошли на высокое судейское крыльцо, подошли къ двери. Дверь заперта. Стукнули разъ, и за дверью кто-то сирымъ голосомъ произнесъ: „Гривна!“ — Стукнули въ другой, и тотъ-же голосъ произнесъ: „Другая!“ — Стукнули въ

третій, и тотъ-же голосъ въ третій разъ промолвилъ:
„Третья!“

— Ой, братъ! да не на нашъ ли карманъ это насчитываютъ!— молвилъ Оома.

— Подразумѣвается!— произнесъ невидимка; маленькое овошечко въ двери отворилось; протянулась изъ него костлявая рука, крючкомъ изогнутая, и невидимка за дверью произнесъ:— Положи по три гривны съ брата!

— Кормилецъ! за что же?

— А за то, что вы въ *положенный* день пришли. Развѣ не читали приказа у входа?

— Артамонъ Сидоровичъ! не пойдти ли намъ назадъ!— шепнулъ Оома.

— Такъ за безчестье положенному дню и напрасное челобитье давай по шести гривенъ.

— Отворяй двери— бери деньги!

— Нѣтъ! сперва заплати, тогда отворять.

— На, бери деньги.

— Взялъ.

— Отворяй.

— Нѣтъ! погоди— надобно еще дьяку доложить.

— Такъ иди, да докладывай!

Рука опять протянулась, а дверь не отворилась.

— Иди же докладывать?

— Вы должны *доложить*, а тогда и двери настезь!

Еще по гривнѣ съ головы слегло въ костлявую руку невидимки. Дверь наконецъ растворилась. Глядятъ просители: стоитъ цѣлый рядъ педьячихъ, протянулся до самого того стола, за которымъ сидитъ дьякъ, пишетъ, перомъ пощелкиваетъ и не глядитъ.

Не знали просители что тутъ дѣлать. И вотъ съ правой стороны протянулась подьяческая рука крючкомъ и

говорить первый подьячий: „На отопленіе судейской!“ Протянулась другая, говоритъ другой: „На бумагу для жалобы!“ Протянулась третья, говоритъ третій: „За записку просьбы.“ Протянулась четвертая, говоритъ четвертый: „За печать.“ Протянулась пятая... Словомъ, протянулось четырнадцать рукъ, и каждая вытянула изъ кошны у каждаго просителя по нѣскольку алтынъ. И съ горя, и съ расходовъ, и съ холоду, повалились просители въ ноги дьяку, вричать, вопятъ:

— Смилуйся, отецъ!

— Что вы?—спросилъ дьякъ.

— Жаловаться судѣ Шемаевъ.

— На жалобу нѣтъ запрещенія. Справедлива ли жалоба?

— Эй, отецъ, ужь какъ справедлива, кормилецъ!

— Не бралъ ли кто-нибудь съ васъ взятокъ, пока вы дошли до меня?

— Нѣтъ, кормилецъ! брали съ насъ много, а взятокъ не бралъ никто.

— Имѣешь ли ты *наличныя* доказательства въ правотѣ своего дѣла?—спросилъ дьякъ у Оомы.

Тотъ подумалъ, подумалъ, и отвѣчалъ:

— Со мной никакихъ доказательствъ на лицо нѣтъ!

— Хорошо, а ты имѣешь ли?

— Нѣтъ!

— А ты имѣешь ли?

Ерема смѣкнулъ и отвѣчалъ:

— Имѣю.

— Покажи.

Ерема вынулъ изъ-за пазухи камень въ тряпичекъ, и изъ-за спины Ооминной показалъ дьяку.

— Ладно!—молвилъ дьякъ. Онъ всталъ, растворилъ двери и ввелъ просителей въ судейскую.

СТР. 74.

TO THE
ASSOCIATION

Глядятъ наши молодцы: сидитъ старый судья Шемяка, на большой скамьѣ, за большимъ столомъ; съ одной стороны стоитъ чернелица въ полтора ведра; съ другой лежатъ большую охажкою перья лебединыя. Хорошъ судья Шемяка, толстъ, красенъ, дороденъ. ноздри раздуваетъ, правду изрекаетъ. Испугались, струсили, оробѣли наши просители, кланяются въ землю.

— Судья Шемяка!—заговорилъ дьякъ, подошедши къ судейской скамьѣ;—бьютъ тебѣ челомъ два просителя на одного отвѣтчика!

— Гмъ!—промолвилъ Шемяка и поднялъ носъ кверху.

— *Наличныхъ* доказательствъ не имѣютъ!

— Гмъ!—промолвилъ опять Шемяка и погладилъ по широкой своей бородѣ рукою.

— Не имѣютъ! А отвѣтчикъ *наличныя* доказательства *имѣетъ!*

— Гмъ!—молвилъ еще разъ Шемяка, потянулся по лавкѣ, выдвинулъ брюхо впередъ, голову закинулъ за спину, глаза уставилъ въ потолокъ, сложилъ ногу на ногу и сказалъ:—Объявленъ ли просителямъ приказъ, что посуловъ не принимаютъ?

— Объявленъ.

— И такъ, судъ *по формѣ* начинается. Жалуйтесь по порядку!

И вотъ Оома повалился въ ноги судьѣ Шемякѣ, объясняетъ сущую правду, какъ Ерема у лошади его хвостъ выдернулъ.

— Ну, что ты, отвѣтчикъ, скажешь?—возговорилъ судья Шемяка.

— Я не виноватъ, что онъ не далъ мнѣ хомута, и что у его лошади хвостъ не крѣпко держался.

— А чѣмъ докажешь?

Ерема не отвѣчалъ, а изъ-за Оомы показаль судьѣ Шемякѣ камень въ тряпичкѣ.

— Гмъ!—промолвилъ судья Шемяка и тихо прибавиль:— „сто рублей навѣрное.“

— Правъ!—возгласилъ онъ. — Слушай, проситель: отдай ты свою безхвостую лошадь этому негодяю, и пусть онъ держитъ ее у себя до тѣхъ поръ, пока у нея опять хвостъ выростетъ. Тогда возьми себѣ лошадь, и съ хвостомъ, а если онъ хвоста отдавать не будетъ, дозволяется тебѣ жаловаться законнымъ порядкомъ. Дьякъ! вывести просителя, и взять съ него надлежащую подписку, пошлины, приказный сборъ и прочее, какъ слѣдуетъ.

Оому подхватили и повели въ подъяческую, а Артамонъ повалился въ ноги судьѣ Шемякѣ, объясняетъ сущую правду, какъ Ерема съ моста прыгнулъ и отца его задавилъ.

— Ну! что ты, отвѣтчикъ, скажешь?—возговорилъ судья Шемяка.

— Я не виновать, что отцу его вздумалось подѣхать подъ мостъ, когда я прыгнулъ, и что отецъ его не увернулъ, когда я на него упалъ.

— А чѣмъ докажешь?

Ерема не отвѣчалъ, а изъ-за Артамона показаль судья Шемякѣ камень въ тряпичкѣ.

— Гмъ!—промолвилъ судья Шемяка, и тихо прибавиль:— „еще сто рублей навѣрное!“

— Правъ!—возгласилъ онъ. — Слушай, проситель: поди ты, стань на мостъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ этотъ негодяй, а его поставь на то самое мѣсто, гдѣ ѣхалъ твой отецъ, и потомъ спрыгни на него съ моста и задави его, точно такъ-же, какъ онъ задавилъ твоего отца. А если ты, спрыгнувши, его не задавишь, дозво-

ляется тебѣ снова жаловаться на него законнымъ порядкомъ. Дьякъ! вывести просителя, и взять съ него надлежащую подписку, пошлины, приказный сборъ и прочее, какъ слѣдуетъ.

Артамона подхватили и повели въ подъяческую. Остались въ судейской судья Шемяка, дьякъ да Ерема.

— Ну!— сказалъ судья Шемяка;— доволенъ ли ты моимъ судомъ?

— Доволенъ,—отвѣчалъ Ерема.

— Такъ подавай же доказательства того, что доволенъ.

— И за этимъ не станеть!—отвѣчалъ Ерема, вынулъ тряпичку, развязалъ и показалъ судѣ Шемякѣ камень.

— Какъ?—воскликнулъ Шемяка.—Стало быть, ты не хотѣлъ мнѣ за каждое рѣшеніе давать по сту рублей, и не деньги, а камень мнѣ показывать? Для чего же ты мнѣ его показывалъ?

— А вотъ для чего: еслибы ты судилъ не по мнѣ, такъ я этимъ камнемъ прямо бы тебѣ въ лобъ пустил!

Судья Шемяка посмотрѣлъ на камень, подумалъ и сказалъ:—Увѣсистъ камешекъ выбралъ!—Потомъ онъ перекрестился и промолвилъ:—Слава Богу, что я по немъ судилъ! Еслибы, да пустилъ онъ мнѣ въ лобъ этимъ камнемъ, такъ навѣрное лбу моему уцѣлѣть было бы невозможно. Но, на чемъ же ты основывался, оправдываясь въ судѣ такимъ образомъ?

— На извѣстной поговоркѣ, правосудный судья Шемяка: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ.

— Правъ, правъ!—возгласилъ судья Шемяка.—Казусное однакожь дѣло! Дьякъ! вытолкать этого негодяя, а впередъ постановить правиломъ на судѣ: не принимать наличныхъ доказательствъ безъ надлежащаго предварительнаго осмотрѣнія, и если кто таковыя, или тѣмъ по-

добныя доказательства представить вознамѣрится, каковыя сей негодяй представилъ, то оныхъ не принимать, *поемки*... Ну, да „поеливу“—то ты ужь тамъ подведи, какъ законы повелѣвають!

Ерему вытолкали изъ судейской, а у воротъ на улицѣ встрѣтилъ онъ Оому и Артамона, которые стояли и думали: „Жаль хвоста, да все-таки лошадь-то и безъ хвоста денегъ стоитъ!—Жаль отца, да все-таки своя голова на что-нибудь да пригодится!“

— Ерема!—сказалъ Оома,—чѣмъ братъ тебѣ у меня лошадь безхвостую, возьми лучше корову, и передъ тобой она! Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ!

— Пожалуй!—отвѣчалъ Ерема.

— Ерема!—сказалъ Артамонъ,—чѣмъ мнѣ прыгать на тебя съ моста, возьми лучше, я подарю тебѣ, хату теплую, владѣй на здоровье: вѣдь иной разъ такъ прыгнешь, что потомъ и прыгать не станешь!

— Пожалуй!—отвѣчалъ Ерема.—Давно бы вамъ такъ. Право, худой миръ лучше доброй ссоры.—

И конецъ *сказки о судьѣ Шемякѣ!*

Н. Полевой.

Правда и Кривда.

ивуть у насъ
на землѣ Прав-
да да Кривда:
живетъ Правда
и во дворцѣ, и
въ барскихъ
хоромахъ, и въ
крестьянской
избѣ; молвитъ
народъ, что она
у Бога живетъ;
мывается и
Кривда всюду:
и по царскимъ
палатамъ, и по
боярскимъ те-

ремамъ, и по бѣднымъ лачугамъ; о Кривдѣ народъ мол-
вить, что привилась она къ землѣ, и по ней стелеть и
мелеть, и вретъ и плететь.

Вотъ разъ идетъ по землѣ Правда, чище краснаго

солнца: люди ей сторонятся, шапки снимаютъ, чествуютъ; а она каждому изъ своихъ ясныхъ очей привѣтомъ въ очи свѣтитъ. Вотъ и идетъ Божія Правда по землѣ, ни шатко, ни валко, ни на сторону, прямо какъ стрѣла! На встрѣчу ей изъ косаго переулка идетъ Кривда, ковыляя да пошатываясь; заслонила рукой глаза, прищурилась на Правду; а Правда—что солнышко: на нее Кривдѣ во всѣ глаза не глянуть!

— Ба, ба, ба!—говорить себѣ подъ носъ Кривда;— да это никакъ святая душа на костыляхъ, что люди Правдой зовутъ. Ужь куда какъ мнѣ эта Правда надоѣла: какъ глянетъ въ лицо, то словно горькій дымъ глаза ѣстъ! Хоть бы какъ ни на есть извести ее, постылуку!

Кривдѣ за худымъ дѣломъ не далеко ходить; какъ разъ надумала. Подковыляла она, щурясь, къ Правдѣ, низенько ей поклонилась, и говоритъ сладкимъ голоскомъ:

— Что тебя, золотая Правда, давно не видать? аль заспѣсивилась? А еще про твою милость народъ молвить, что безъ тебя люди не живутъ, а маются. По моему-жь худому разуму, такъ дѣло-то на-оборотъ (прости на правдивомъ словѣ): съ тобой люди маются, а со мной душа въ душу сживаются, и наше житье-бытье идетъ какъ по маслу.

Глянула Правда Кривдѣ въ подслѣпные очи, да и говорить:

— Нѣтъ, Кривда, худо тому, кто съ тобой дружится; съ тобой весь свѣтъ пройдешь, да назадъ не вернешься! Ложь не живуча!

Какъ разсердится Кривда за правдивое слово, да, ошетинясь, закричитъ, запишитъ на всѣ свои голоса:

— Вишь, что выдумала—я-ль не живуча! А знаешь поговорку: „соврешь—не помрешь“? Да я на людей сошлюсь, что со мной жить лучше, чѣмъ съ тобой!

Правда покачала головой, сказала: „Нѣтъ!“ и пошла своимъ путемъ. Она въ увертки да извороты не пускается, много словъ не раздаетъ; у нея либо „да“, либо „нѣтъ“.

Увязалась Кривда за Правдой, зацѣпила клюкой и не пускаетъ.

— Давай,—говорить,—объ закладъ биться, что людямъ со мной лучше ужиться!

— Давай,—говорить Правда;— вотъ сто рублей. Смотри, Кривда, проспоришь!

— Ладно, посмотримъ, чья возьметъ! Пойдемъ судиться къ третьему, на третейскій судъ, вотъ хоть къ писарю; онъ недалечко живетъ.

— Пойдемъ,—сказала Правда.

И пошли. А Кривда тѣмъ временемъ стянула у прохожаго бумажникъ да платокъ изъ кармана и спрятала въ себѣ въ карманъ. Вотъ пришли онѣ къ писарю; стала Правда свое дѣло сказывать, а Кривда тѣмъ временемъ кажетъ писарю изъ-подъ полы деньги да платокъ. А писарь—человѣкъ бывалый, какъ разъ догадался что дѣлать; вотъ и говорить:

— Проспорила ты, Правда, свои денежки: въ наше время лучше жить Кривдой; сытѣ будешь!

Нечего дѣлать, отдала Правда сто рублей сполна, а сама все стоитъ на своемъ, что лучше-де жить Правдой.

— Экая ты неугомонная!—подзадоривала ее Кривда;— давай опять объ закладъ биться: я ставлю тысячу рублей въ конь, а ты, коли денегъ нѣтъ, ручайся глазами своими.

— Хорошо,—сказала Правда.

Вотъ и пошли онѣ опять судиться третейскимъ судомъ къ боярину. Выслушалъ ихъ бояринъ, вздохнулъ и говорить:

— Ну, матушка Правда, проспорила ты ясныя очи свои: хороша святая Правда, да въ люди не годится.

Заплакавши, Правда боярину слово молвила:

— Не ищи же ты, бояринъ, Правды въ другихъ, коли въ тебѣ ея нѣту!

А Кривда зацѣпила Правду клюкой и повела изъ города вонъ. Идетъ Правда, слезку за слезкой роняетъ: горько ей, что люди чествовать чествуютъ ее, а Правдой жить не могутъ.

Вотъ вывела ее Кривда въ поле, выколола ей глаза, да еще толкнула, такъ что Правда упала ничкомъ на землю. Отдохнувъ, она поползла ощупью, а куда ползеть—и сама не знаетъ. Вотъ она схоронилась въ высокой болотной травѣ и пролежала тамъ до ночи.

Вдругъ, въ полночь, налетѣла со всѣхъ сторонъ недобрая сила и стала другъ передъ другомъ хвалиться, кто больше зла надѣлалъ:

— Я,—говорить одинъ,—мужа съ женой поссорилъ!

— Я,—говорить другой,—научилъ дѣтей не слушаться отца съ матерью!

— А я,—кричить третій,—весь день училъ дѣтей лгать да лакомства красть!

— Эка невидаль—ребенка сдѣлать воромъ да лгуномъ!—кричитъ Кривда.—А я такъ всѣхъ васъ за поясъ заткну: я переспорила Правду, взяла съ нея сто рублей, да еще выколола ей глаза! Теперь Правда ослѣпла, стала тою-же Кривдой!

— Ну!—крикнулъ наибольшій,—далеко куливу до Петрова дня! Правда живуча, на водѣ не тонетъ, на огнѣ не горитъ; стобить ей только очной травкой глаза потереть—сейчасъ все какъ рукой сниметъ!

— Да гдѣ-жь она добудетъ этого зелья?

— Травы этой на горѣ, по залежамъ, не оберешься. Лежитъ Правда въ осокѣ, къ рѣчамъ прислушивается;

а какъ только разлетѣлась недобрая сила, то она поползла въ гору, на заброшенную старую пашню, сѣла на залежь и стала травку за травкой срывать да къ очамъ прикладывать. Вотъ и добралась она до очной травы, потеряла ею глазокъ,—прозрѣла; потеряла другой,—и другимъ прозрѣла!

„Хорошо“, думаетъ она, „наберу-ка я этой травы; авось и другимъ спонадобится.“

И нарвала она цѣлое берема, навязала въ пучечки и понесла домой.

Въ-долгѣ ли, въ-короткѣ ли, въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, ослѣпла у царя единою единая дочь; и ужь чего не дѣлали, какъ не лечили царевну,—ничто не беретъ! Велѣлъ царь по своему и по сосѣднимъ царствамъ вличъ кликнуть: кто его царевну вылечитъ, тому онъ половину своей казны отдастъ, да еще полцарства въ придачу накинеть. Вотъ и сошлись отовсюду лекаря, знахари, лекарки, взялись лечить; лечатъ полечать, а вылечить не могутъ!

Разсердился царь, велѣлъ всѣхъ помеломъ со двора согнать, а самъ сталъ думать да гадать, какъ своему горю пособить. Думалъ царь, думалъ,—ничего не надумалъ.

Приходятъ разъ слуги и докладываютъ ему, что пришла вѣщая странница, величаетъ-де себя Правдой, и беретъ царевну вылечить даромъ, за одно царское спасибо, а казны-де ей не надо.

Подивился царь и велѣлъ нянюшкамъ-мамушкамъ чудную знахарку къ царевнѣ свести.

Вошла Правда въ царевнинъ теремокъ, на иконы помолилась, царевнѣ поклонилась, вынула очну траву, потеряла ею одинъ глазокъ,—царевна однимъ глазомъ прозрѣла; потеряла другой,—другимъ прозрѣла, да, про-

зрѣвши, какъ вскочетъ отъ радости, да бросится въ отцовы палаты, стучить-бренчить, по переходамъ бѣжить; а за нею тьма тьмушая нянюшекъ, мамушекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ въ догонку спѣшать. Какъ вбѣжала она къ отцу, да прямо ему въ ноги:

— Царь-государь, вижу тебя, родитель мой! Вижу ясиѣе прежняго!

Царь до слезъ обрадовался, обнялъ дочь, цѣлуетъ, милуетъ ее, самъ о вѣщей знахаркѣ спрашиваетъ; а Правда ужъ тутъ и царю правдивымъ привѣтомъ въ очи свѣтитъ.

— Чѣмъ тебя, вѣщая, наградить? — спрашиваетъ царь; — хочешь казны? Всю возьми! Хочешь царствовать? Полцарства бери!

Повлонилась Правда царю и говоритъ:

— Не надо мнѣ ни царства твоего, ни казны твоей; а если хочешь жаловать, такъ пожалуй меня въ твои старшіе судьи, чтобы безъ меня во всемъ царствѣ судьи твои ни одного дѣла не вершили.

Царь съ радостью согласился; ударили по рукамъ, — и съ тѣхъ поръ Правда поселилась въ той землѣ, невѣрныхъ судей смѣнила, праведныхъ посадила, уму-разуму да чести научила; а Кривдѣ таково житье пришло, что она безъ оглядки оттуда бѣжала.

В. Даль.

Три зятя.

или-были старикъ со старухой, и было у нихъ три дочери—всѣ три писанья красавицы.

Поѣхалъ старикъ весной поле пахать. Небо все въ тучахъ; солнышка нѣту. Стало старика холодомъ прохватывать.

— Эхъ, — говорить, — кабы солнышко! Старшую бы дочь за него замужь отдалъ, только бы погрѣло.

Солнышко и выглянуло.

Тутъ какъ тутъ и старшая дочь идетъ: несетъ отцу обѣдъ.

— Ну, — говорить старикъ, — сосваталъ я тебя, дочка, за солнышко. Живи ты съ нимъ въ миру да въ ладу; насъ не забывай!

Дочь говорить:— Спасибо, тятенька!

Зять говорить:— Къ намъ въ гости милости просимъ!

Какъ воротился старикъ домой, спрашиваетъ его жена:— А дочь гдѣ?

— Замужъ отдалъ.

— За кого?

— За солнышко.

— И слава Богу!

Немного времени спустя, поѣхалъ старикъ въ лѣсъ— дрова рубить. Позамѣшался въ лѣсу: глядь — ужь и ночь; да темень такая, что топора въ рукахъ не видать.

— Эхъ,— говоритъ,— кабы мѣсяцъ! Среднюю бы дочь за него замужъ отдалъ, только бы освѣтилъ.

Мѣсяцъ и выглянулъ.

Тутъ какъ тутъ и средняя дочь идетъ: грибовъ искала, да дорогу потеряла.

— Ну,— говоритъ старикъ,— сосваталъ я тебя, дочка, за мѣсяца. Живи ты съ нимъ въ миру да въ ладу; насъ не забывай!

Дочь говорить:— Спасибо, тятенька!

Зять говорить:— Къ намъ въ гости милости просимъ!

Какъ воротился старикъ домой, спрашиваетъ его жена:— А дочь гдѣ?

— Замужъ отдалъ.

— За кого?

— За мѣсяца.

— И слава Богу!

Подошли Петровки; поѣхалъ старикъ сѣно косить. На небѣ ни тучки; жаръ такой, что коса изъ рукъ валится; потъ съ лица градомъ.

— Эхъ,— говоритъ,— кабы вѣтеръ! Младшую бы дочь за него замужъ отдалъ, только бы холодкомъ пахнулъ.

Вѣтеръ и подуль.

Тутъ какъ тутъ и младшая дочь идетъ: отцу завтракъ несетъ.

— Ну,—говорить старикъ,—сосваталъ я тебя, дочка, за вѣтра. Живи ты съ нимъ въ миру да въ ладу; насъ не забывай!

Дочь говорить:—Спасибо, тятенька!

Зять говорить:—Къ намъ въ гости милости просимъ!

Какъ воротился старикъ домой, спрашиваетъ его жена:—А дочь гдѣ?

— Замужъ отдалъ.

— За кого?

— За вѣтра.

— И слава Богу!

И стали старикъ со старухой жить вдвоемъ.

Недѣли не прошло, соскучился старикъ по старшей дочери.

— Дай,—говорить,— пойду, провѣдаю, какъ она съ мужемъ живетъ.

Вышелъ изъ дому за-свѣтло; а какъ пришелъ къ зятю, совсѣмъ смерьлось: солнышко съ женой ужъ и спать улеглись на сѣновалѣ.

Поднялись они отца встрѣтить.

— Ну, жена,—говорить солнышко,—надо намъ тятеньку угостить. Затѣвай-ка блины!

— Что ты?—говорить жена:—стану я ночью печь разводить!

— Тѣста только замѣси,—говорить солнышко;—а печи разводить не нужно.

Сдѣлала она тѣсто; а солнышко и говорить:—Лей мнѣ на голову!

Жена налила: блинъ и испекся.

Какъ погостилъ старикъ у зятя, да пришелъ опять домой, кричить старухѣ:

— Эй, старуха! затѣвай блины!

— Что ты, съ ума, знать, сошелъ?—говорить жена:— ночью да печку топить!

— Не надо печки топить. Мѣси, знай, тѣсто!

Замѣсила старуха тѣсто. Подставилъ ей старикъ голову.

— Лей,—говорить,—мнѣ на лысину!

Налила ему старуха, залѣпила старику и глаза, и уши, и носъ, и ротъ.

Три дня старикъ въ банѣ отмывался.

Еще недѣля прошла, соскучился онъ по средней дочери.

— Дай,—говорить,—пойду, провѣдую, какъ она съ мужемъ живетъ.

Вышелъ изъ дому за-свѣтло; а какъ пришелъ къ зятю, совсѣмъ смерлось: мѣсяцъ съ женой ужъ спать улеглись на подволокъ.

Поднялись они отца встрѣтить.

— Ну, жена,—говорить мѣсяцъ,—надо намъ тятеньку угостить. Ступай-ка, принеси медку!

— Что ты?—говорить жена:—да какъ я въ потемкахъ-то въ погребъ пойду?

— Ничего,—говорить мѣсяць,—иди, знай! темно не будетъ.

Пошла она въ погребъ; а мѣсяць только палець надъ твориломъ подержалъ—всѣ углы освѣтилъ.

Какъ погостилъ старикъ у зятя, да пришелъ опять домой, кричитъ женѣ:

— Эй, старуха! давай-ка меду!

— Что ты? али рехнулся?—говорить старуха:—ночью да въ погребъ лѣзть!

— Ничего,—говорить старикъ;—я тебѣ посвѣчу.

Полѣзла старуха въ погребъ, а онъ надъ твориломъ палець держитъ.

Слегла въ-потьмахъ старуха съ лѣстницы, глазъ себѣ выколола.

Еще недѣля прошла, соскучился старикъ по младшей дочери.

— Дай,—говорить,—пойду, провѣдаю, какъ она съ мужемъ живетъ.

Къ младшей дочери поспѣлъ за-свѣтло.

Угостила она съ мужемъ отца чѣмъ Богъ послалъ.

Погостилъ старикъ, сталъ прощаться.

Тутъ и говорить женѣ вѣтеръ:

— Жарко, жена, въ избѣ; пойдемъ на воду сидѣть.

— Что ты?—говорить жена:— да вѣдь утонемъ.

— Не утонемъ,—говорить вѣтеръ:—бери, знай, шубу!

Взяла жена шубу, пришли они къ рѣкѣ, кинулъ вѣтеръ шубу на воду.

— Прыгай!—говорить женѣ.

Прыгнули они оба разомъ на шубу, вѣтеръ подулъ, и поплыла съ ними шуба, что твоя лодка.

Какъ пришель старикъ домой, кричить женѣ:

— Эй, жена! жарко въ избѣ: пойдёмъ на воду сидѣть.

— Что ты?—говоритъ старуха:—али изъ послѣдняго умишка совсѣмъ выжилъ? Утонуть захотѣлъ!

— Не бойсь!—говоритъ старикъ;—не утонемъ. Бери только шубу съ собой!

Взяла старуха шубу, пошли они и пришли къ рѣкѣ.

— Кидай,—говоритъ старикъ,—шубу на воду!

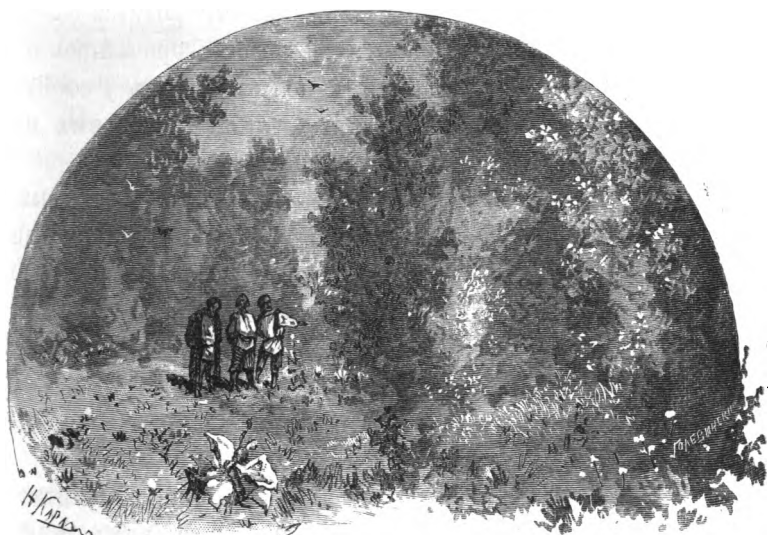
Кинула старуха.

— Ну, давай теперъ мнѣ руку,—говоритъ старикъ;—прыгай со мной на шубу. То-то будетъ сидѣть мягко да прохладно.

Прыгнули они оба разомъ, и пошла съ ними шуба ко дну. Только ихъ и видѣли.

М.

Свое и чужое.

У одного крестьянина былъ сосѣдь. У этого сосѣда былъ богатѣйшій садъ—лѣсъ лѣсомъ, глазомъ не окинешь; яблонь, грушъ, сливъ, вишень—видимо не видимо; чѣмъ дольше растутъ, тѣмъ больше раскидываются, а плодомъ каждый годъ такъ увѣшаны, что сучья подпирай подпорами, а то, смотри, обломаются.

Завистно это стало крестьянину, и онъ захотѣлъ у себя развести садъ богаче сосѣдскаго. И вотъ зоветъ онъ своихъ трехъ сыновей и говоритъ имъ:

— Дѣти мои милые, дѣти мои любезные, дѣти мои несмысленные! Захотѣлось мнѣ насадить садъ, да получше, чѣмъ у сосѣда нашего. Ступайте вы, куда глаза глядятъ, въ дальнія страны заморскія, на моря теплыя,—тамъ, слышно, все идетъ не по нашему, и выходитъ все лучше

нашего: что ни посе́й, что ни посади, все родится самъ-соть. Поучитесь вы у заморскихъ людей, ворочайтесь на родную сторону и насадите садъ получше, чѣмъ у сосѣда нашего, себѣ самимъ на корысть, дѣтушкамъ своимъ на радость, а мнѣ на поминъ души по смерти.

Два брата пошли во страны заморскія, на моря теплыя. Смотрять они и дивуются: нѣтъ нигдѣ ни сосенки, ни елочки, ни березки, ни осинику; а куда ни глянь—все сады виноградныя; а въ садахъ народъ кишмя кишить: землю копаютъ, водой поливаютъ, вѣтки подчищаютъ, кусты къ палочкамъ привязываютъ.

Подошли къ нимъ братья, низко кланяются и говорятъ имъ почтительно, какъ у русскихъ людей обычай есть:

— Мы—дѣти у отца несмысленныя, пришли поучиться у васъ уму-разуму заморскому; покажите намъ, какъ сады садить.

Такая рѣчь заморскимъ людямъ—по сердцу, очень имъ, значить, полюбилася. Берутъ они къ себѣ русскихъ братьевъ въ работники, закабаляютъ ихъ въ работу тяжелую; а ѣсть даютъ все кусочки маленькіе; а вмѣсто щей—какіе-то корешки вареные. Работаютъ братья съ усердіемъ, ко всему присматриваются и научаются сады садить, виноградъ разводить. За работу дали имъ заморскіе люди по виноградному кусту, по двѣ виноградинки, да денегъ по шелегу. И вернулись они домой такіе веселые и радостные.

А третій братъ нигде не ходилъ на чужую сторону; а вышелъ онъ ранымъ-рано на поле, Господу-Богу помолился, съ краснымъ солнышкомъ поздоровался, припалъ къ сырой землѣ, поцѣловалъ ея материнскую грудь и, взглянувъ на небо синее, со слезами сказалъ душевнымъ голосомъ:

— Господи, Боже мой! открой Ты мнѣ разумѣніе, научи Ты меня несмысленаго, куда мнѣ пойдти и поучиться, какъ сады садить, чтобъ родной батюшка не прогнѣвался.

И послышался ему тихій-тихій, такой кроткій, ласковый голосъ:

— Дитя ты неразумное! Зачѣмъ тебѣ ходить изъ родной земли? Учись ты здѣсь у добрыхъ людей уму-разуму, сторонѣ своей пригодному; а совѣтуйся ты съ красною зарею утренней, съ жаркимъ солнышкомъ полуденнымъ, съ вѣтрами тихими и буйными, съ теплыми и холодными ночками, съ росами и туманами, а больше всего— со своимъ разсужденіемъ.

И пошелъ онъ къ сосѣду и научился у него свои русскія деревѣ садить, по-своему сады разводить, и получилъ отъ него въ гостинецъ молодыхъ корней съ тысячу.

Посадилъ первый братъ виноградный кустъ, — ничего не выросло.

Посадилъ второй братъ виноградный кустъ, — только сухая тычинка осталася.

Насадилъ третій братъ молодыхъ корней, — разросся садъ, какъ Божій рай: весной цвѣтами, какъ снѣгомъ, все обсыпано; а осенью яблоками, какъ золотомъ и кумачемъ, обвѣшено. И сами ѣдятъ, и на ярмарку возятъ, и въ прокъ на всякій случай кладутъ.

М. Чистяковъ.

Озеро-слободка.

акъ-то по озеру съ удоч-
кой ѣздилъ рыбакъ
въ перелѣскѣ;
Рыба почти не ловилась и
сталъ онъ домой со-
бираться.
Вдругъ и поймалась одна,
да такая красивая
рыбка,
Что ни перомъ описать, ни
въ словахъ расска-
зать не съумѣешь.

Чуть онъ въ ведёрко успѣлъ перебросить вертлявую рыбку,
Тихо предъ нимъ поднялась надъ пучиною рыбка по-
старше, —

Блѣдная вся, будто кто испугалъ ее, вышла наружу
И человѣческимъ голосомъ вскрикнула такъ надъ водою:

— „Гдѣ ты, дитя мое, гдѣ ты, моя неразумная рыбка?
Стадо пора загонять; погляди, закатилося солнце...

Гдѣ ты, отъликнись, дитя! али хищная цапля рѣчная
Въ когти изъ волнъ подхватила тебя, моя рыбка родная?“

Долго сновала по озеру, въ страхѣ и трепетѣ, рыбка;
Долго рыбаекъ, опустивши весло, съ челнока дивовался...
Взялъ на-послѣдокъ ведро онъ, привсталъ и отъликнулся
рыбкѣ:

— „Вотъ твое дитяго, вотъ; ты возьми свою дочу,
пожалуй,

Но уговоръ лучше денегъ: повѣдай по истинной правдѣ,
Что ты за диво сама и какіе края ваши воды?“

Быстро плеснувшись въ водѣ и уставя пугливые глаза,
Такъ начала говорить замирающимъ голосомъ рыбка:

— „Охъ, человекъ, много лѣтъ той порѣ, какъ на
этой полянѣ,

Вмѣсто воды, камышей и кустовъ, красовалась слобода;
Въ шумной слободѣ жила на дворѣ на широкомъ мо-
лодеа,

Много добра и богатства у ней по амбарамъ лежало,
Много далекихъ купцовъ и мірянъ къ ней во дворъ за-
ѣзжало.

Разъ, о полудни, она на крыльцѣ на тесовомъ сидѣла:

Дочь на рукахъ убаюкавъ, съ крыльца за ворота глядѣла;
Видитъ: идетъ отъ села человекъ, утомился бѣдняга—

Низко поклоны владеть у воротъ и у оконъ слободки:

Просить онъ ковшикъ студеной воды у ребятъ и у стар-
шихъ...

Только не слышать ребята, играютъ себѣ по затишьямъ;
Старшіе-жь кто на гумнѣ, кто съ иглой, али съ пряжей
успѣлся.

Вотъ, подошелъ онъ ко мнѣ, говорить:— „Твоя хижина
съ краю,

„Глушь за тобой и поля; я-жь отъ жары изнываю;

„Встань, захвати гдѣ-нибудь мнѣ хоть каплю водицы студёной!“ —

Умъ ли померкъ у меня, и теперь разгадать не умѣю;
Только въ отвѣтъ старику, я промолвила такъ, усмѣхаясь:
— „Какъ, старина, разбудить, какъ побинуть мнѣ малую дочку?“

„Хочешь напиться, такъ вонъ, погляди, и ручей подъ горою;
„Полемя успѣешь дойти, и авось не умрешь на дорогѣ, —
„Здѣсь же у насъ, въ слободѣ, ты и капли воды не отыщешь!“

Странникъ поникъ головой, и, какъ тѣнь, изъ околицы вышелъ...

Вдругъ, слышу я, въ тишинѣ, по околицѣ звуки несутся;
Точно посыпался градъ, али гдѣ-то западали зерна...

Вижу—и замерь мой духъ: на столѣ самъ собой, за порогомъ,

Брызнулъ кувшинъ, а за нимъ у дверей изъ печурки плеснуло;

Возлѣ изъ погребя струйка воды, словно дымъ, поднялася;
Миски, лоханки и вѣдра всплываютъ, несутся къ воротамъ,

Имъ же на встрѣчу, смотрю, выбѣгаютъ другіе потоки!
Въ ближнихъ дворахъ та же притча: всплываютъ шесты и заборы...

И не опомнилась я, какъ кругомъ берега поднялися;
Зелено стало въ глазахъ; колыхаясь, осѣла слободка;
Тамъ же, вверху, какъ туманъ, заходили студёныя волны...
Ты не дивися, рыбаекъ, если въ озеро днемъ ты согласишься:
Темныя кочки на днѣ—это хижинны нашей слободки;
Мелкія травки—сады, а ложбинны—пруды да колодцы.
Ранней зарею, пока не шелѣхнулись по лѣсу листья,

UNIV. OF
CALIFORNIA

CTPH. 126.

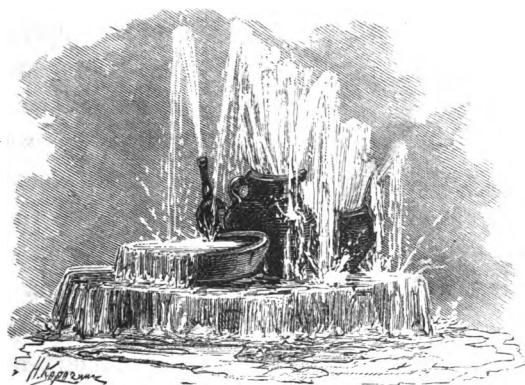

TO THE
ARIZONIAN

Съ берега ухо наставь ты къ водѣ, тутъ сейчасъ и услышишь—
 Какъ далекó-далекó, подь тобой, въ потоплённой слободкѣ,
 Вѣтеръ по кровлямъ шумить, словно плещутся мелкія
 струйки,
 Куры кудахчуть, пѣтухъ на гумнѣ заливаётся звонко...
 И раздаются въ водѣ колокольные тихіе звуки,
 Будто засохшій тростникъ отъ дуновения вѣтра
 Тихо звенить надъ водой, надъ пустыннымъ побережьёмъ
 качаясь!“

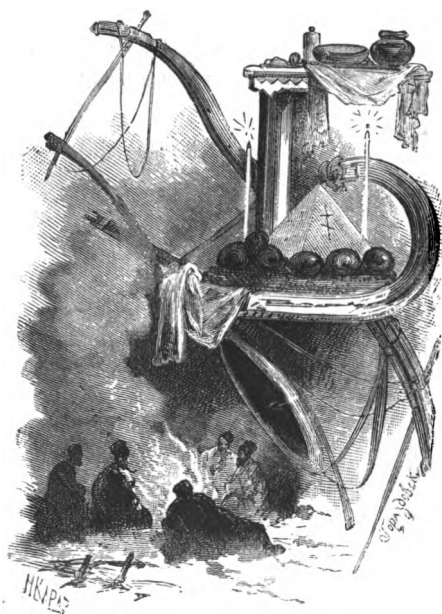
Рыбка замолкла, едва отливаясь па зыби стемнѣвшей...
 Въ волны ей бросилъ рыбагъ цѣлыхъ сутокъ добычу
 обратно;
 И, привязавши челнокъ межъ осокой, обратно въ потемкахъ
 Вышелъ на берегъ, безлюдный и дикій, съ пустыми руками.

Г. Данилевскій.

Свѣтлое Христово Воскресеніе.

I.

ыло около десяти часовъ
ночи, когда прозвучалъ
первый ударъ колокола...
Въ эту минуту, за пять
верстѣ въ окружности,
въ самыхъ дальнихъ ла-
чужкахъ, все разомъ
встрепенулось и сотво-
рило крестное знаме-
ніе... То же самое сдѣ-
лалъ пахарь Андрей —
изъ Выселоеъ, лежавшій
въ какомъ-то забытѣи
на своей печкѣ. Заслышавъ говоръ сосѣдей, собиравшихся
на улицѣ, онъ сбросилъ овчину, спустился наземь, сѣлъ
на лавку и началъ приготовляться въ дорогу.

Угасающій, чуть вздрагивавшій свѣтъ лучины озарялъ тусклымъ блескомъ стѣны и лавки избышки. Кругомъ было мрачно и холодно. Черный земляной полъ, голыя заплеснѣвшія стѣны, подпертыя кое-гдѣ осиновыми плахами, кой-гдѣ вымазанныя глиной, недостатокъ тепла, столь любимаго мужичкомъ, отсутствіе горшечковъ, домашняго обиходнаго хлама и всего того, что свидѣтельствууетъ присутствіе хлопотливой хозяйки или бабушки-радѣльницы, показывали, что Андрей далеко не принадлежалъ къ числу мужиковъ зажиточныхъ.

Андрей поднялся на ноги, провелъ ладонью по лбу и бережно подошелъ къ печкѣ. Мѣрное, легкое дыханіе, раздавшееся съ печи, вызвало улыбку на губахъ его; онъ вернулся къ свѣтцу, взялъ лучину и, заслоня свѣтъ рукою, сталъ потихоньку подыматься по стремечкамъ. Ослѣпительный блескъ лучинки упалъ тогда прямо на дѣвочку лѣтъ четырехъ, свернувшуюся клубкомъ между трубой и перекладной; подложивъ обѣ ручки подъ щечку, слегка закраснѣвшуюся, пригнувъ худенькія, длинныя ножки къ локтямъ, она казалась миловидною даже подъ лохмотьями. Продолговатое личико, которому бѣлокурые, курчавые и взбитые, какъ пухъ, волосы придавали еще болѣе худобы, было схоже во всемъ съ лицомъ Андрея. Замѣтивъ, что свѣтъ беспокоилъ сонъ ребенка, Андрей поспѣшно отвелъ руку съ лучиной за уголь, потомъ нагнулся къ лицу дѣвочки и, прикоснувшись слегка къ плечу ея, произнесъ нерѣшительно:

— Проснись, Ласточка... слышь, благовѣстятъ... пора къ заутрени...

Она медленно протянула ножки и вздохнула; вслѣдъ за тѣмъ, не отрывая глазъ, перевернулась она на спину, закинула тоненькія свои ручки за голову и снова вздох-

нула. Ему стало жаль будить ее. Спустившись на землю Андрей прикутался потелѣе въ кожухъ, снялъ съ шеста старый зипунъ, взлѣзъ на печь, завернулъ въ него дѣвочку и, уложивъ ее между своею овчинкою и жердью, сошелъ на полъ. Онъ погасилъ лучину и вышелъ на улицу, плотно заперевъ за собой калитку.

Андрею не много нужно было времени, чтобы оставить за собой деревню: изба его стояла второю отъ околицы. Пройдя по шаткой доскѣ, перекинутой въ видѣ моста черезъ канавку, огибавшую гумна, онъ вскорѣ очутился на проселкѣ, извивавшемся по направленію къ горѣ. Ночь была свѣтлая. Мѣсяцъ еще не зарождался, но взамѣнъ его мириады звѣздъ дрожали въ темно-синемъ, безоблачномъ небѣ. Хотя, по всѣмъ примѣтамъ, ждали теплой весны, морозъ, однакожь, былъ порядочный. Было такъ тихо, что шаги Андрея, ступавшаго по мерзлой дорогѣ, отдавались за цѣлую версту.

II.

По мѣрѣ того, какъ Андрей приближался къ горѣ, шагъ его замѣтно становился медленнѣе; свѣтлое выраженіе на лицѣ его смѣнялось грустью.

Годъ тому назадъ, не болѣе, шелъ онъ къ той же заутренѣ, по той же дорогѣ, и все улыбалось ему. Онъ, правда, былъ точно такъ же бѣденъ: бѣднѣй его тогда не было во всемъ околотеѣ; но что до этого! Андрей и покойная жена его работали дружно день-деньской, нарва ни въ чемъ не упустить: ни въ полѣ, ни въ хозяйствѣ. Онъ доволенъ былъ малымъ: скирда ржицы, возва два сѣна для лошадки, и слава тебѣ Господи! А какъ придетъ съ поля домой, возьметъ на руки трехлѣтнюю

Ласточку, здоровенькую и крѣпенькую, сядетъ съ нею за столъ, супротивъ горячихъ щецъ, которыя приготовить бывало хозяйка, — такъ куда! и весель нашъ Андрей, не натѣшится!

Кааъ вдругъ, неожиданно, сразило его страшное горе: онъ овдовѣлъ. Безпечный и веселый, онъ совсѣмъ упалъ духомъ; съ потерей жены онъ впервые почувствовалъ всю свою бѣдность. Клонить онъ, сердяга, свою голову, приближаясь вечеромъ къ лачугѣ. Уже не слышится ему знакомый шумъ веретена, не летятъ на встрѣчу ласковое слово, или веселая пѣсня, не вьется надъ горшечкомъ трубы сизой струйкой дымъ... нѣтъ! Одинъ сталъ, сирота круглый; и пуще еще клонить онъ свою голову, войдя въ пустынное жилище. Какое житье мужику безъ хозяйки!... то же, что одна лучина горитъ въ избѣ—много ли свѣту въ ней?...

Было, правда, въ тѣхъ же Выселкахъ одно доброе существо, которое старалось, и часто не безуспѣшно, отвести душу Андрея. Дарья (такъ звали это существо) была бѣдная дѣвушка, сирота круглая, проживавшая, въ качествѣ батрачки, у одного изъ зажиточныхъ мужиковъ деревушки. Общая почти доля, близкое сосѣдство (избы ихъ отдѣлялись всего-на-все однимъ плетнемъ) какъ-то неволью сблизили ее съ Андреемъ. Оба смиренные, работающіе, они легко пришли по нраву другъ другу. Хотя до сихъ поръ не было между ними близкаго разговора, Андрей зналъ, однакожь, что дѣвушка не прочь была выйти за него замужъ, и самъ частенько объ этомъ думалъ. Но какъ уладить это дѣло? Онъ ясно видѣлъ всю несбыточность такихъ помысловъ. И въ самомъ дѣлѣ, до свадьбы ли людямъ, которые, какъ говорится, крыты свѣтомъ да обнесены вѣтромъ, когда обоимъ надо было ду-

мать о томъ только, какъ бы прожить день Господень!...

Такъ всегда думалъ Андрей, такъ думалъ онъ и теперь, когда до слуха его неожиданно воснулись шаги, звонко раздавшіеся въ тишинѣ ночи. Андрей повернулся назадъ. Немного погодя, изъ-за крутого поворота, недавно имъ покинутого, показалось бѣлое пятно, которое замѣтно выпростало на темной дорогѣ. Думая, что это—какая-нибудь баба изъ выселокъ, запоздавшая къ заутрени, Андрей рѣшился выждать ее. Баба замѣтила, съ своей стороны, мужика и, обрадованная, вѣроятно, случаю напасть на проводника въ такую позднюю пору, спѣшила къ нему на встрѣчу.

III.

Андрей не мало удивился, когда женщина поравнялась съ нимъ, и онъ узналъ въ ней Дарью. Дѣвушка, съ своей стороны, казалось, также была не менѣе удивлена неожиданной встрѣчей.

— Вотъ не чаялъ, не гадалъ!—воскликнулъ Андрей, невольно обнаруживая радость въ голосѣ и движеніи, съ какимъ поспѣшилъ онъ приподнять шапку:—гляжу... кто бы, думаю, такая?... а это ты... Ну, здорово, здорово...

— Здравствуй, Андрей!—весело отвѣчала дѣвушка.

— Что такъ поздно собралась?

— И сама не рада, да что станешь дѣлать! раньше нельзя никакъ. Хозяева велѣли нести въ церковь куличъ, пасху и яйца, велѣли да ушли... Я дожидалась, пока куличъ испечется... послѣ обѣда только поставили.

— Ну, ладно, пойдемъ вмѣстѣ... все веселѣе будетъ!

— Пойдемъ!...

— Что ты несешь?—спросила послѣ минутнаго молчанія Дарья, кивнувъ головою на грудь своего спутника, приподнятую спавшимъ подлѣ нея ребенкомъ.

Андрей взглянулъ на дѣвушку и засмѣялся.

— Что ты смѣешься?..

— Угадай!—произнесъ онъ, прикоснувшись слегка къ полущубку.

Дѣвушка остановилась, сдѣлала шагъ къ мужику и съ любопытствомъ пригнулась къ полущубку; въ эту минуту ребенокъ проснулся, открылъ глаза, протянулъ ножи и, взглянувъ въ лицо Дарьи, молча обвинилъ ее шею рученками.

— А! такъ вотъ это кто...—сказала Дарья, разглаживая одной рукой волосы дѣвочки, тогда какъ другая рука ея старалась, но тщетно, отвести руки ребенка:—ну, полно, Ласточка, пусти меня... Послушай, Андрей,—прибавила она, очутившись на свободѣ:—дай мнѣ, я понесу ее...

Ребенокъ потянулся къ дѣвушкѣ и сказалъ, что хочетъ къ ней на руки.

— А развѣ тебѣ тетюшку Дарью не жаль?—сказалъ отецъ убѣдительно:—вишь, мы теперь въ какую гору идемъ; и безъ тебя ей тяжело, съ тобою—и совсѣмъ умается... Пойдемъ подъ гору—ступай къ ней, слова тогда не скажу.

Ласточка свернулась по прежнему клубочкомъ подъ божухомъ, но такъ, однавожь, чтобы можно было глядѣть на дорогу.

— А гдѣ же твоя пасха?—спросила Дарья, оглядывая Андрея.

— Гдѣ моя пасха!...—возразилъ, вздохнувъ, пахарь.

— Что жъ, развѣ нѣтъ у тебя?.. Экой ты какой! да ты бы къ намъ понавѣдался, попросилъ бы мою хо-

зайку... Она не стала бы перечить. У насъ много творогу осталось.

— Нѣтъ, Дарья, тошно ходить по людямъ; я и такъ, кажись, всѣмъ прискучилъ своею бѣдностію: нынче попросишь, а напоследяхъ и языкъ не повернется....— Вотъ, повѣришь ли, до чего дошелъ,— продолжалъ Андрей,— до того дошелъ, что нынче не было чѣмъ печь истопить; хворостина вся вышла, солома также, а купить не на что... Да чего! гроша нѣтъ на свѣчку; какъ вернусь домой съ заутрени, нечего будетъ поставить передъ образомъ...

Рука Дарьи быстро опустилась за пазуху и секунду спустя вынула клинушекъ холста, плотно связанный узломъ; она торопливо развязала зубами узелокъ, въ которомъ оказались два гроша, и, подавая одинъ изъ нихъ Андрею, сказала:

— Возьми... у меня два...

— Зачѣмъ?...— пробормоталъ Андрей, останавливаясь въ недоумѣніи.

— Пригодится на свѣчку,— отвѣчала Дарья, положивъ грошъ въ руку Андрея и принимаясь поправлять узелокъ на плечахъ.

Андрей хотѣлъ что-то сказать, взглянулъ на сиротку, замялся, махнулъ рукою и, сжавъ грошъ въ ладони, продолжалъ подыматься.

IV.

Вскорѣ достигли они села, обогнули его задами, чтобы избавиться отъ собакъ, и очутились на тонкомъ, хворостинномъ мосту. Прямо вилась дорога на бугоръ съ возвышавшеюся на немъ церковью, мрачною и старинною;

ее окружали со всѣхъ сторонъ крытые навѣсы и выступы, изъ-подъ которыхъ ярко свѣтились окна. Оба поднялись на паперть, а оттуда проникли въ церковь.

Церковь раздѣлялась пополамъ на два придѣла, и вторая половина, въ которой совершалось богослуженіе, залитая ослѣпительнымъ блескомъ свѣчей и паникадилъ, рѣзко отдѣлялась отъ первой, остававшейся въ полумракѣ. Народу собралось такое множество, что нечего было и думать пробраться ко второму придѣлу. Отдѣленный толпою отъ Дарьи, Андрей кой-какъ протискался, однакожь, между рядами прихожанъ, купить, на грошъ, тоненькую, желтую свѣчку, и достигнулъ угла, откуда можно было видѣть часть алтаря и своды, увѣшанные вѣнками. Немало стоило также трудовъ Андрею, чтобы уговорить Ласточку; обвивъ ручонками шею отца и устремивъ глаза на ярко блиставшую часть церкви, она не переставала засыпать его вопросами. „Это что?... это что?..." спрашивала она поминутно, ласково поворачивая за подбородокъ голову отца. Мало-по-малу, однакожь, головка дѣвочки опустилась на отцовское плечо, и сладкій сонъ оковалъ ея члены. Андрей бережно опустил дочку на полъ, прислонилъ ее къ углу, зажегъ свѣчку, перекрестился и сталъ вслушиваться въ чтеніе Евангелія.

Усердно молился бѣдный пахарь. Онъ молилъ Бога укрѣпить его духомъ, чтобы вынести терпѣливо и безропотно бѣдность и горе, его постигшее, молилъ Его ниспослать ему утѣшеніе и радость въ родномъ дѣтище.

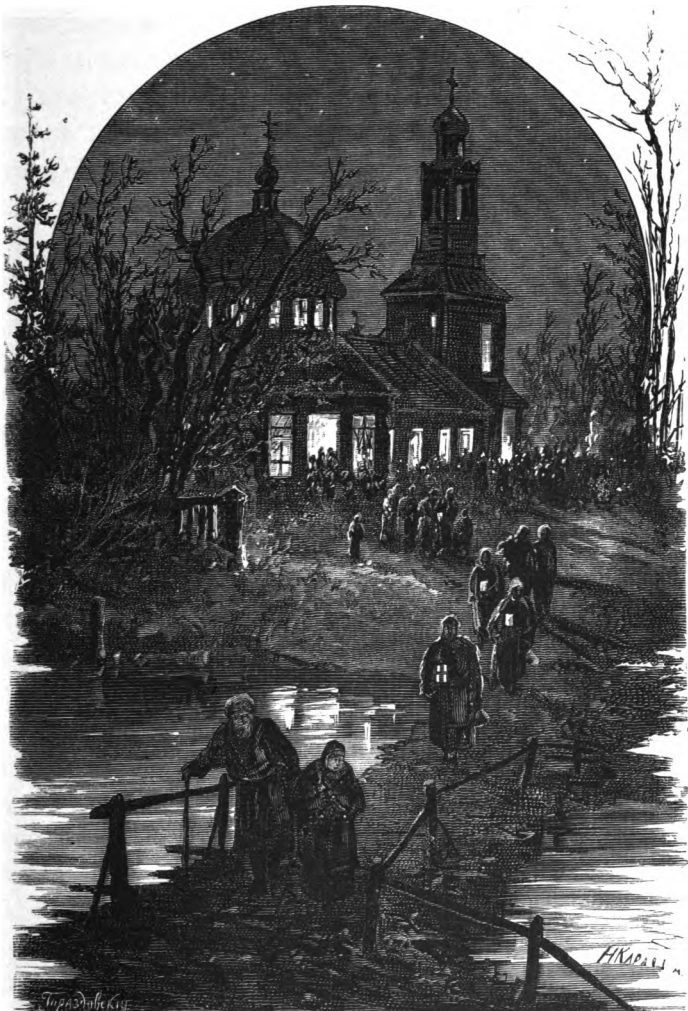
Внезапно радостное, торжественное пѣніе послышалось съ клироса; свѣчи въ рукахъ прихожанъ угасли какъ-будто однимъ дуновеніемъ, и дымъ отъ нихъ, смѣшиваясь съ дымомъ ладона, потянулся легкимъ, фіолетовымъ облакомъ въ темную даль свода. Народъ задвигался

и заволновался. Веселье проглядывало на всѣхъ лицахъ; торжественное пѣніе, смѣшиваясь съ радостными восклицаніями: „Христось воскресь!“ раздавалось во всѣхъ концахъ и огласило всю церковь. Всѣ цѣловались и обнимали другъ друга. Немало поцѣлуевъ пришлось также на долю Андрея. Едва-едва успѣвалъ онъ отвѣчать тѣмъ же. Всѣ почему-то тѣснились вокругъ него. Зная его бѣдность, каждый почти навязывалъ ему кусокъ кулича, пасхи, или красное яйцо. Было теперь чѣмъ разговѣться бѣднягу!...

Андрей провелъ ладонью по глазамъ своимъ, поднялъ на руки дочку, перекрестилъ ее, вышелъ изъ церкви и вскорѣ очутился на дорогѣ. Вездѣ попадались веселыя лица сосѣдей, возвращавшихся цѣлыми семьями по домамъ, отсюду раздавались радостныя, привѣтливыя восклицанія брата брату, мужа женѣ, отца или дѣда къ дочери или сыну... Спускаясь съ горы къ Выселкамъ, Андрей увидѣлъ ряды огоньковъ, блиставшихъ въ избушкахъ; онъ обратилъ глаза къ околицѣ: одна его лучужка глядѣла темнымъ пятномъ...

V.

Когда онъ пришелъ домой, внутренность избушки показалась ему еще непривѣтливѣе ея наружности. Мрачно и холодно! Андрей снялъ съ себя кожухъ, закуталъ въ него спавшую Ласточку и уложилъ ее на лавочку. Уставивъ столъ обломками кулича и пасхи, полученными въ церкви, онъ нащупалъ кончикъ желтой восковой свѣчки, тщательно сбереженной имъ послѣ заутрени, и, подавивъ вздохъ, подошелъ къ печкѣ. Онъ отдвинулъ заслонку и

Digitized by Google

принялся шарить въ загнеткѣ *). Тутъ только вспомнилъ Андрей, что печь его не топилась нѣсколько дней, и что нечѣмъ было ему засвѣтить свѣчки передъ образомъ. Тоска одолѣла имъ. Нѣсколько минутъ стоялъ онъ въ какой-то тяжелой нерѣшимости и наконецъ покинулъ избу.

Улица, исполосованная свѣтомъ, выходившимъ изъ оконъ, ярко выступала изъ мрака; говоръ и восклицанія, раздававшіеся внутри избушекъ, придавали Выселкамъ что-то праздничное. Очутившись на улицѣ, Андрей направился прямо къ сосѣдней избѣ. Онъ приблизился къ заваленкѣ и постучался въ окно.

— Кто тамъ? — отозвался хриплый, разбитый голосъ.

— Я... Андрей...

— Чего тебѣ?

— Суди огонькомъ, тетушка Анна: нечѣмъ лучины вздуть...

Окно поднялось; изъ него выглянуло сморщенное лицо старушонки.

— Вишь, нашель время огня просить! нешто не вѣдаешь, нонѣ день какой?... Самъ, небось, не топилъ печки, да на сторону ходишь!...

— Что жь, тетушка Анна, не убудеть у тебя; полно! — произнесъ Андрей, качнувъ головой.

— То-то не убудеть, не убудеть! — подхватила старушка полушутливо, полуворчливо; — а ты, касатикъ, поди къ сосѣдямъ, что они тебѣ скажутъ... Словно, право, новый ты человекъ, не знаешь...

— Ну, Господь съ тобой, коли такъ! — отвѣчалъ

---

*) Такъ называютъ лѣвый уголъ въ печкѣ, куда обыкновенно загребаютъ жаръ.

Андрей, повернулся и пошелъ на противоположный конецъ улицы — стучаться въ другое окно.

Но изъ этого окна вышелъ тотъ же отвѣтъ. Онъ постучался въ третье, въ четвертое — никто не рѣшался исполнить его просьбу, каждый отсылалъ его къ сосѣду. *)

Понутивъ голову, съ стѣсненнымъ сердцемъ, возвращался Андрей домой; онъ уже подходилъ къ воротамъ, когда, поднявъ голову, остановился и невольно устремилъ глаза за околицу.

Тамъ, далеко-далеко, въ темной, пустынной равнинѣ, дрожалъ огонекъ.

„Должно быть, чумаки какіе, либо обозники собрались на ночевье,“ подумалъ Андрей. — „А что, пойду-ка я къ нимъ: авось не отгонять!“ присовокупилъ онъ, направляясь къ свѣтящейся точкѣ, которая между тѣмъ разгаралась и увеличивалась.

Андрей ускорилъ шагъ и вскорѣ очутился подлѣ огня.

Десятка два подводъ, съ пригнутыми еверху оглоблями, обступали серпомъ костеръ изъ древесныхъ сучьевъ, надъ которымъ висѣлъ котель. Подлѣ подводъ и немного поодаль лежали волы, вазавшіеся огромными мѣловыми глыбами посреди глубокой тѣни, наброшенной на нихъ подводами и спинами чумаковъ, заслонившихъ пламя. Чумаки сидѣли рядышкомъ и, поджавъ подъ себя ноги, тѣсно окружали костеръ. Смуглые, усастые, покрытые загаромъ и дегтемъ, они не трогали ни однимъ членомъ, не произносили ни одного слова, и только движеніе пламени, бросая попеременно свѣтъ, или черныя тѣни, оживляло ихъ лица съ мрачно нависнувшими бровями. По-

*) Въ большіе праздники и особенно наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенья рѣдкій поселенинъ рѣшится дать сосѣду огня, изъ опасенія, чтобы требуемое взаемъ не вывелось изъ дому.

груженные въ молчаливое раздумье, они, казалось, не замѣчали посторонняго лица.

— Здравствуйте, братцы? — произнесъ Андрей, подходя ближе.

— Здравствуй и ты! отозвались въ одинъ голосъ сидѣвшіе.

— Хлѣбъ да соль, братцы! — Христось воскресъ! — присовокупилъ Андрей, нагибаясь къ первому, сѣдому какъ лунь, старику съ бѣлыми какъ снѣгъ усами.

Старикъ медленно приподнялся съ своего мѣста, сотворилъ крестное знаменіе, произнесъ:— „Воистину воскресъ!“, провелъ ладонью по усамъ и поцѣловался съ Андреемъ. Такимъ образомъ Андрей обошелъ весь кружокъ и, перецѣловавшись съ каждымъ, вернулся снова къ старику, который сидѣлъ уже передъ огнемъ.

— А я, братцы, вотъ за тѣмъ, — началъ онъ, оглядывая присутствующихъ, которые по прежнему стали недвижны: — я вотъ за тѣмъ; не ссудите ли вы меня огонькомъ?...

— Изволь! — отрывисто сказалъ старикъ.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ засучилъ по локоть прорванные рукава рубахи, запустилъ жилистыя, обнаженные руки въ самую середину костра, который яростно трещалъ, метая золотыя искры въ темно-синее небо, и, набравъ полныя пригоршни пылающаго угля, подаль ихъ Андрею, примолвилъ:

— Держи полу!

„Что-жь,“ подумалъ Андрей:— „коли Христовъ человекъ своими руками, творившими крестное знаменіе, жаръ загребаешь и не обжигается, бояться, знать, нечего: и моя грѣшная пола не прожжется!...“

Онъ подставилъ полу подъ руки старика; старикъ высыпалъ въ нее пылающій уголь и снова повернулся къ костру.

— Спасибо вамъ, братцы, за добро ваше! — сказалъ Андрей, кланаясь.

— Съ Богомъ! — отвѣчалъ старикъ.

— Съ Богомъ! — повторили въ одинъ голосъ остальные чумаки.

Андрей поклонился еще разъ и бѣгомъ, безъ оглядки, пустился домой.

VI.

Войдя въ избу, Андрей высыпалъ уголь подлѣ за-
слонки, и, убѣдившись хорошенько, что пола его была
цѣла, вздулъ лучину. Минуту спустя, кончикъ желтой
восковой свѣчи затеплился, въ красномъ углу передъ
иконой, и, смѣшавшись съ свѣтомъ лучинки, озарилъ из-
бушку яркимъ блескомъ. Все вокругъ какъ-бы улыбну-
лось и повеселѣло. Даже у самого Андрея отлегло отъ
сердца. Вѣрный святому обряду, онъ разбудилъ Ласточку,
усадилъ ее на лавку противъ обломковъ кулича и пасхи,
перекрестилъ ребенка, самъ перекрестился, и оба приня-
лись разговляться. Трапеза приближалась уже къ концу,
когда кто-то неожиданно постучался въ дверь.

— Кто тамъ? — спросилъ Андрей.

— Я, я, касатикъ! — отвѣчалъ разбитый голосъ.

Дверь скрипнула, и въ избу вошла сторбленная, смор-
щенная старушонка.

— Это ты, тетушка Анна!... добро пожаловать!... Ну,
тетушка: „Христось воскресъ!“ — весело произнесъ Андрей,
подходя къ сосѣдкѣ и принимаясь обнимать ее.

— „Воистину воскресъ!“ — касатикъ... воистину... Охъ,
родной ты мой!... а я чаяла, ты серчать на меня станешь...

— Съ чего жь серчать: всякъ властенъ въ добрѣ

своемъ, тетушка Анна; ты пожалѣла ссудить огонькомъ— ссудили другіе... Видить Богъ, а на тебя не серчаю... Скажи, зачѣмъ пришла?

— Касативъ!—начала старушка, скрестивъ руки на груди и наклонивъ на бокъ голову.—Касативъ, — продолжала она заискивающимъ голосомъ:—одолжи вочергу, родной: ребятенки затащили нашу ни вѣсть куда; бились, бились,—не найдемъ; хлѣбы поспѣли, а вынуть нечѣмъ...

— Только-то!... э!... есть объ чемъ разговаривать!... бери...

— Охъ, касативъ ты мой! да гдѣ-жь она у тебя?

— А вонъ тамъ, у печки.

Старушка подошла къ печкѣ и начала шарить. Вдругъ она всплеснула руками, нагнулась къ заслонкѣ, вскрикнула, опять всплеснула руками и заметалась какъ угорѣлая.

— Батюшки! касативи вы мои!... Охъ, Андрей! подь сюда: погляди-ка, что это у тебя!... Охъ, родные вы мои!... ахъ!... ахти, Господи!...

— Что ты, тетушка?... что съ тобой? — произнесъ Андрей, подбѣгая къ сосѣдкѣ.

— Погляди-вась, — продолжала она, указывая на то мѣсто, куда Андрей высыпалъ уголь.

— Ну, что жь? уголь!... Что ты?

— Какой уголь!... Ахъ ты, простой сынъ!... погляди-ка, погляди... деньги! Батюшки касатушки... ворохъ... цѣлый ворохъ денегъ!

Андрей подошелъ ближе и остановился какъ вкопанный. На мѣстѣ золы и угля сверкали двѣ добрыя пригоршни золота!

— Я, тетушка, не знаю...—пробормоталъ пахарь, крестясь и отступая:—видить Богъ, не знаю...

— Какъ не знаешь?... да откодь же у тебя? слышь

ты... охъ!—воскликнула старушка, снова всплеснувъ руками.

— Видить Богъ, не знаю, тетушка Анна!... пошелъ я за огнемъ... чумаки стоять у насъ въ полѣ... они мнѣ насыпали... двѣ пригоршни насыпали...

— Чумаки! батюшки! двѣ пригоршни!... ахти, Господи!... касатики вы мои! — воскликнула старушка и, не договоривъ остальнаго, бросила кочергу и кинулась со всѣхъ ногъ изъ избы.

Всѣ мысли заходили кругомъ въ головѣ Андрея; нѣсколько минутъ стоялъ онъ какъ прикованный къ полу; наконецъ подошелъ къ печкѣ, перекрестился и притронулся къ блистающей горкѣ, которая зазвенѣла подъ руками его: точно, передъ нимъ лежали цѣлыхъ двѣ пригоршни золотыхъ червонцевъ, одинъ другаго краше и лучше. Холодный потъ выступилъ на блѣдномъ лицѣ пахаря; крики и шумъ, раздававшіеся на улицѣ, заставили его, однакожь, скоро опомниться; полный неопредѣленнаго страха, онъ плотно заперъ за собой дверь и выбѣжалъ за ворота.

На улицѣ происходила какая-то суматоха и сутолока; всѣ бѣгали изъ конца въ конецъ какъ шальные; всѣ кричали и суетились. Посреди всеобщаго гама раздавались пронзительныя восклицанія Анны:— „Батюшки, свѣттики мои! Чумаки въ полѣ у насъ! охъ!... чумаки деньгами обдѣляютъ... Андрею... сама видѣла... двѣ пригоршни насыпали!...“ —Только и слышно было:— „Гдѣ? какіе чумаки? ой-ли? пойдѣмъ туда!... скорѣй!... тащи рѣшето! тащи ведро!... бери горнушку!... скорѣй, вонъ они!... туда! туда!...“

Андрей провелъ ладонью по головѣ, потомъ протеръ глаза и взглянулъ за околицу. Посреди темной равнины все еще пылалъ костеръ.

— Что такое, Андрей? что они?— произнесъ тихій голосъ за спиною пахаря.

Андрей обернулся. Передъ нимъ стояла Дарья.

— Куда это бѣжить народъ?— продолжала сиротка:— что съ ними?... слышь, слышь... твое имя поминають... вонъ... ну, всѣ ударили за оволицу!...

— Чумаки!— могъ только проговорить Андрей, указывая дрожащею рукою на костеръ, пылавшій въ отдаленіи:— я пошелъ въ нимъ, за огнемъ... они насыпали мнѣ двѣ пригоршни угля, пришелъ домой, смотрю: деньги!..

— Что ты, какія деньги?

— Деньги... всѣ на подборъ золотыя... Стунай, погляди сама, коли не вѣришь...

Сиротка оглянулась на стороны и, сопровождаемая Андреемъ, вошла въ избу.

— И взаправду!... вотъ диковинка, сколько ихъ!— воскликнула дѣвушка:— а гдѣ же Ласточка?... Ласточка, Ласточка! подь сюда скорѣй,— продолжала она, поднявъ на руки ребенка и подходя съ нимъ къ печкѣ:— погляди-ка, погляди, что у тятъви!... Батюшки, и не пересчитаешь!... Плакался ты, Андрей, на свою бѣдность: вотъ Богъ и послалъ тебѣ... теперь ты богатъ!... Богаче тебя у насъ въ Выселкахъ не будетъ!— прибавила она, устремляя блиставшіе отъ радости глаза на лицо пахаря.

Сердце сильно застучало въ груди Андрея; онъ взглянулъ на золото, потомъ на дѣвушку, отступилъ шагъ и произнесъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ:

— А пойдешь за меня замужъ, Дарья?...

— Пойду!...— отвѣчала она, опустивъ голову и принимаясь перебирать съ необыкновенною поспѣшностію окраину передника.

.....

Народъ изъ Выселокъ успѣлъ между тѣмъ давно очутиться подлѣ костра.

— Батюшки, родные вы наши, касатики, ненаглядные!—кричали на перерывъ двадцать человѣкъ, тискаясь другъ на дружку и обступая чумаковъ, которые сидѣли по прежнему, такъ же недвижно:—не оставьте насъ: ссудите огонькомъ, родные вы наши!...

— Изволь!—произнесъ наконецъ старшій изъ чумаковъ, тотъ самый, къ которому обращался Андрей.

— Батюшки, касатики, родные!—закричали въ одинъ голосъ Выселовцы, громоздясь какъ угорѣлые другъ на дружку и подставляя кто руки, кто рѣшето, кто вѣдра.

Старикъ засучилъ рукава и, не поворачивая головы къ обступившему его народу, прибавилъ:

— Много васъ... не хватить помногу, мы думали, одинъ...

— Золотой ты мой, хоть пригоршенку!—закричала Анна, просовывая отчаянно между руками и головами сосѣдей подолъ новой понявы.

— Хошь уголечекъ, касатикъ!—крикнула другая, подставляя рѣшето.

— Сюда, сюда, дѣдушка!...

— Охъ, мнѣ не досталось! пропустите!... ой, касатики, пропустите!...

— Держи полу!—сказалъ старый чумакъ, запуская руки въ костеръ и выгребая остатокъ горячаго угля въ подставленные зипуны, подола и шапки.

Такимъ образомъ всѣ были надѣлены.

— Съ Богомъ!—произнесъ отрывисто старый чумакъ, насушивая брови и поворачиваясь къ костру.

— Съ Богомъ!—примолвили другіе чумаки.

Но Выселовцы ничего уже не слышали. Они стрем-

главъ бѣжали къ околицѣ, поддерживая руками полы зипуновъ и кармановъ. Очутившись на улицѣ, Выселовцы поубавили шагъ.

— Ой, батюшки! — воскликнула неожиданно тетѣ Анна, останавливаясь посреди тѣснившихся вокругъ нея сосѣдей.

— Охъ, касатики! — внезапно послышалось съ другой стороны бѣжавшей толпы.

— Что тамъ?

— Ухъ! — пронзительно взвизгнулъ кто-то въ другомъ концѣ.

— Обманули, разбойники! — заголосила вдругъ Анна, выпуская полу, изъ которой валилъ чадъ и сыпался уголь.

— Батюшки, горю! — крикнула другая баба.

— Тушите, тушите! понява горить!... ой, зипунъ! новый зипунъ! обманули!... туши! туши! ахъ! — заголосили въ одинъ голосъ на улицѣ Выселоевъ.

И всѣ, сколько ни было народу, опустили подола, побросали шапки и запрыгали другъ подлѣ друга.

Какъ только прошелъ первый страхъ, всѣ оглянулись къ околицѣ. Но костра уже не было. Вдалекѣ лишь, посреди темной равнины, слышался скрипъ телѣгъ и мѣрный топотъ воловъ, который постепенно умолкалъ и терялся...

— Держи ихъ! — крикнулъ кто-то изъ толпы.

Но никто не послушался этого крика. Ощупывая полы прожженной одежды и повѣсивъ головы, Выселовцы печально расходились по домамъ.

Можно смѣло утверждать, что одинъ Андрей былъ счастливъ и веселъ въ этотъ вечеръ. Онъ не сомнулъ глазъ во всю ночь: никогда не встрѣчалъ онъ такъ радостно Свѣтлаго праздника! Едва блеснулъ день, Андрей не выдержалъ и вышелъ за ворота. Утро было чистое и

ясное. Народъ собирался на улицѣ. Длинная плетеница парней и дѣвушекъ, впереди которыхъ шла Дарья, выходила за околицу (выкликать весну). Звонкая пѣсня огласила окрестность:

„Весна, весна, красная!
Приди, весна, съ радостью!
Весна, красна,
На чемъ прѣѣхала?
На сошечкѣ,
На бороночкѣ!...“

И никогда еще ни одна пѣсня не отзывалась такъ радостно въ кроткой душѣ Андрея!

Д. Григоровичъ.

Мальчикъ у Христа на елкѣ.

Идали вы на улицѣ мальчиковъ „съ ручкой“, какъ они сами себя называютъ, т. е. просящихъ милостыню? О рождествѣ, въ страшный морозъ они одѣты почти полѣтнему, только шея обвязана какимъ-то старьемъ. И вертятся они на вашей дорогѣ, и завываютъ что-то заученое... и потому-то именно, что это заученое, да

пожалуй и потому, что вамъ мѣшаютъ идти, когда вамъ холодно и вы торопитесь попасть въ тепло,—вамъ не столько жалко ихъ, сколько досадно на нихъ. А вѣдь ихъ, право, очень жалко...

Я хотѣлъ бы вамъ рассказать теперь про такого мальчика, т. е. вѣрнѣе, не про такого, котораго уже выслаютъ „съ ручкой“ (потому что онъ еще очень маленькій, лѣтъ шести или даже меньше), но такого, однако, котораго черезъ годъ, черезъ два непременно выслали бы. Этотъ мальчикъ проснулся утромъ въ сыромъ и холодномъ подвалѣ. Одѣтъ онъ былъ въ какой-то халатикъ и дро-

жалъ. Дыханіе его вылетало бѣлымъ паромъ, и онъ, сидя въ углу на сундукѣ, отъ скуки нарочно пускалъ этотъ паръ изо рта и забавлялся, смотря, какъ онъ вылетаетъ. Но ему очень хотѣлось кушать. Онъ нѣсколько разъ съ утра подходилъ къ нарамъ, гдѣ на тонкой, какъ блинъ, подстилкѣ и на какомъ-то узлѣ подъ головой вмѣсто подушки, лежала больная мать его. Какъ она здѣсь очутилась?—должно быть, пріѣхала съ своимъ мальчикомъ изъ чужаго города и вдругъ захворала. Дѣло нынче праздничное, и всѣ подвальные жильцы разбрелись; только въ дальнемъ углу стонетъ отъ ревматизма какая-то восьмидесятилѣтняя старушонка, жившая когда-то и гдѣ-то въ нянькахъ, а теперь помирающая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, такъ что онъ уже сталъ бояться подходить къ ея углу близко. Напиться-то онъ гдѣ-то досталъ въ сѣняхъ, но корочки нигдѣ не нашелъ и разъ въ десятый уже подходилъ разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконецъ, въ темнотѣ: давно уже начался вечеръ, а огня не зажигали. Ощупавъ лицо мамы, онъ подивился, что она совсѣмъ не двигается и стала такая-же холодная, какъ стѣна. „Очень ужъ здѣсь холодно“, подумалъ онъ, постоялъ немного, безсознательно забывъ свою руку на плечѣ покойницы, потомъдохнулъ на свои пальчики, чтобъ отогрѣть ихъ, и вдругъ, нашаривъ на нарахъ свое картузишко, потихоньку, ощупью, пошелъ изъ подвала. Онъ еще бы и раньше пошелъ, да все боялся вверху, на лѣстницѣ, большой собаки, которая выла весь день у сосѣдскихъ дверей. Но собаки уже не было, и онъ вдругъ вышелъ на улицу.

Господи, какой городъ! Никогда еще онъ не видалъ ничего такого. Тамъ, откуда онъ пріѣхалъ, по ночамъ, такой черный мракъ, одинъ фонарь на всю улицу. Де-

СТР. 149.

70 7111
ANSONIA

ревянные низенькіе домишки запираются ставнями; на улицѣ, чуть смеренется—никого, всѣ затворяются по домамъ, и только завываютъ цѣлыя стаи собакъ, сотни и тысячи ихъ воютъ и лаютъ всю ночь. Но тамъ было зато такъ тепло и ему давали кушать, а здѣсь—Господи, кабы покушать! И какой здѣсь стужъ и громъ, какой свѣтъ и люди, лошади и кареты, и морозъ! Мерзлый паръ валить отъ загнанныхъ лошадей, изъ жарко-дышащихъ мордъ ихъ; сѣвозъ рыхлый снѣгъ звенять объ камни подковы, и всѣ такъ толкаются, и Господи, такъ хочется поѣсть, хоть бы кусочекъ какой-нибудь, и такъ больно стало вдругъ пальчикамъ.

Вотъ и опять улица,—охъ, какая широкая! Вотъ здѣсь такъ раздавать навѣрно; какъ они всѣ кричатъ, бѣгутъ и ѣдутъ, а свѣту-то, свѣту-то! А это что? Ухъ, какое большое стекло, а за стекломъ комната, а въ комнатѣ дерево до потолка; это елка, а на елкѣ сколько огней, сколько золотыхъ бумажекъ и яблоковъ, а кругомъ тутъ-же куволки, маленькія лошадки; а по комнатѣ бѣгаютъ дѣти, нарядныя, чистенькія, смѣются и играютъ, и ѣдятъ и пьютъ что-то. Вотъ эта дѣвочка начала съ мальчикомъ танцевать, какая хорошенькая дѣвочка! Вотъ и музыка, сѣвозъ стекло слышно. Глядитъ мальчикъ, дивится, ужъ и смѣется, а у него болятъ уже пальчики и на ножкахъ, а на рукахъ стали совсѣмъ красные, ужъ не сгибаются и больно пошевелить. И вдругъ вспомнилъ мальчикъ про то, что у него такъ болятъ пальчики, заплакалъ и побѣжалъ дальше; и вотъ опять видитъ онъ сѣвозъ другое стекло комнату, опять тамъ деревья, но на столахъ пироги, всякіе—миндальные, красные, желтые, и сидятъ тамъ четыре богатая барыни, а кто придетъ, онъ тому даютъ пироги, а отворяется дверь поминутно, вхо-

дить къ нимъ съ улицы много господъ. Подкрался мальчикъ, отворилъ вдругъ дверь и вошелъ. Ухъ, какъ на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорѣе и сунула ему въ руку вопѣчку, а сама отворила ему дверь на улицу. Какъ онъ испугался! А вопѣчка тутъ-же выкатилась и зазвенѣла по ступенькамъ: не могъ онъ согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбѣжалъ мальчикъ и пошелъ поскорѣй-поскорѣй, а куда, самъ не знаетъ. Хочется ему опять заплакать, да ужъ боится, и бѣжить-бѣжить и на ручки дуетъ. И тоска беретъ его потому, что стало ему вдругъ такъ одиноко и жутко, и вдругъ, Господи! Да что-жь это опять такое? Стоять люди толпой и дивятся: на окнѣ за стекломъ три куклы, маленькія, разодѣтыя въ красныя и зеленыя платьица и совсѣмъ—совсѣмъ какъ живыя! Какой-то старичокъ сидитъ и будто-бы играетъ на большой скрипкѣ, два другихъ стоятъ тутъ-же и играютъ на маленькихъ скрипочкахъ, и въ тактъ качаютъ головками, и другъ на друга смотрять, и губы у нихъ шевелятся, говорятъ, совсѣмъ говорятъ,—только вотъ изъ-за стекла не слышно. И подумалъ сперва мальчикъ, что онѣ живыя, а какъ догадался совсѣмъ, что это куклоки—вдругъ размѣялся. Никогда онъ не видалъ такихъ куклоковъ и не зналъ, что такія есть! И плакать-то ему хочется, но такъ смѣшно—смѣшно на куклоковъ. Вдругъ ему почудилось, что сзади его кто-то схватилъ за халатикъ: большой злой мальчикъ стоялъ подлѣ и вдругъ треснулъ его по головѣ, сорвалъ картузь, а самъ снизу поддалъ ему ножкой. Покатился мальчикъ на землю, тутъ закричали, обомлѣлъ онъ, вскочилъ и бѣжать-бѣжать, и вдругъ забѣжалъ самъ не знаетъ куда, въ подворотню, на чужой дворъ,—и присѣлъ за дровами: „тутъ не сыщутъ, да и темно.“

Присѣлъ онъ и скорчился, а самъ отдышаться не можетъ отъ страху и вдругъ, совсѣмъ вдругъ, стало такъ ему хорошо: ручки и ножки вдругъ перестали болѣть и стало такъ тепло, такъ тепло, какъ на печкѣ; вотъ онъ весь вздрогнулъ: ахъ, да вѣдь онъ было заснулъ! Какъ хорошо тутъ заснуть! „Посижу здѣсь и пойду опять по-смотри́ть на куколокъ,“ подумалъ мальчикъ и усмѣхнулся, вспомнивъ про нихъ: „совсѣмъ какъ живыя!...“. И вдругъ ему послышалось, что надъ нимъ зашѣла его мама пѣсенку. „Мама, я сплю, ахъ, какъ тутъ спать хорошо!“

— Пойдемъ ко мнѣ на елку, мальчикъ,—прошепталъ надъ нимъ вдругъ тихій голосъ.

Онъ подумалъ было, что это все его мама, но нѣтъ, не она; кто же это его позвалъ? онъ не видитъ, но кто-то нагнулся надъ нимъ и обнялъ его въ темнотѣ, а онъ протянулъ ему руку и... вдругъ,—о какой свѣтъ! О, какая елка! Да и не елка это, онъ и не видалъ еще такихъ деревьевъ! Гдѣ это онъ теперь: все блеститъ, все сіяетъ и кругомъ все куколки,—но нѣтъ, это все мальчики и дѣвочки, только такіе свѣтлые, всѣ они кружатся около него, летаютъ, всѣ они цѣлуютъ его, берутъ его, несутъ съ собою, да и самъ онъ летитъ, и видитъ онъ: смотреть его мама и смѣется на него радостно.

— Мама! мама! Ахъ, какъ хорошо тутъ, мама!—кричить ей мальчикъ, и опять цѣлуется съ дѣтьми, и хочетъ ему рассказать имъ поскорѣе про тѣхъ куколокъ за стекломъ. „Кто вы мальчики? Кто вы дѣвочки?“ спрашиваетъ онъ, смѣясь и любя ихъ.

— Это „Христова елка“,—отвѣчаютъ они ему.—У Христа всегда въ этотъ день елка для маленькихъ дѣточекъ, у которыхъ тамъ нѣтъ своей елки...

И узналъ онъ, что мальчики эти и дѣвочки всѣ были все такія-же какъ онъ дѣти, но одни умерли отъ холода, другія отъ голода, третьи отъ побоевъ, четвертыя отъ недостатка лекарствъ даже въ такихъ болѣзняхъ, которыя, при мало-мальскомъ уходѣ, должны были окончиться благополучно; и всѣ-то они теперь здѣсь, всѣ они теперь какъ ангелы, всѣ у Христа, и Онъ самъ посреди ихъ, и простираетъ къ нимъ руки, и благословляетъ ихъ и ихъ бѣдныхъ матерей... А матери этихъ дѣтей всѣ стоятъ тутъ-же, въ сторонкѣ, и плачутъ; каждая узнаетъ своего мальчика или дѣвочку, а они подлетаютъ къ нимъ и цѣлуютъ ихъ, утираютъ имъ слезы своими ручьями и упрашиваютъ ихъ не плакать, потому что имъ здѣсь такъ хорошо...

А внизу, на утро, дворники нашли маленькій трупикъ забѣжавшаго и замерзшаго за дровами мальчика...

Ф. Достоевскій.

Кузнечикъ-музыкантъ.

ро сверчка-нахала, что скрипитъ у печекъ,
Говорить не стану; мой герой—кузнечикъ.
Росту небольшого, но продолговатый,
На спинѣ носилъ онъ фракъ зеленоватый;
Тонконогий, тощій и широколобый,
Былъ онъ сущій геній—даръ имѣлъ особый:
Музыкантомъ слылъ онъ между насѣкомыхъ,
И концерты слушать приглашалъ знакомыхъ.

Подъ роскошной жатвой жилъ онъ въ полѣ чистомъ.
На стеблѣ, бывало, въ свѣтѣ серебристомъ
Мѣсяца сидитъ онъ и, во славу ночи,
На своей скрипицѣ пилить что есть мочи.
И его дразнили пiskyны пустые,
Комары-злѣдѣи, трубачи степные,
И въ него влюблялись божиі коровки,
И мутила зависть многія головки,
Съ тѣмъ-же музыкальнымъ, можетъ, направленьемъ,

Съ тою-же охотой, да не съ тѣмъ умѣнемъ.
 Такъ тяжеловѣсный жукъ неоднократно
 Увѣрялъ, что уши смачивать пріятно
 На его концертахъ, а не то, де, уши,
 Какъ трава, завянуть отъ ужасной суши.
 И въ душѣ кузнечикъ на него не мало
 Золь былъ, но не трогалъ; не любилъ скандала.

Какъ-то разъ въ Петровки, около полудня
 Мой герой, наѣвшись за обѣдомъ студня,
 Вышелъ насладиться запахомъ горошка,
 Легъ, прищуря глазки, и мечталъ немножко.
 Много пролетало мимо насѣкомыхъ,
 Осъ, шмелей сердитыхъ—трубачей знакомыхъ,
 Съ разными вѣстями. Ни къ кому съ вопросомъ
 Онъ не обратился. Все, что передъ носомъ
 У него жужжало, ползало, вертѣлось,
 Нашему артисту слишкомъ приглядѣлось.
 Вдругъ надъ нимъ порхнуло чудное видѣнье,
 Бабочка—такая, что мое почтенье!
 Бѣлизны жемчужной крылышки съ каемкой,
 Глазки—изумруды, восикъ нѣжный, тонкій,
 Бархатецъ на шейкѣ, бантикъ на затылкѣ...
 Увидалъ кузнечикъ—затряслись въ немъ жилки.

Бабочка, порхая, сѣла на цвѣточекъ.
 Онъ—прыгъ-прыгъ—и рядомъ сѣлъ на бугорочекъ.

„Здравствуйте!“ сказалъ онъ.

Бабочка украдкой
 На него взглянула: „Ахъ, какой онъ гадкій!“
 Думаетъ... Однако-жь улыбнулась мило,
 Подняла свой носикъ и проговорила:

„Здравствуйте, кузнечикъ! Звуки вашей скрипки
 Часто долетаютъ даже къ намъ подъ Липки.“

CTPH. 154.

TO THE
LIBRARY

— „Въ самомъ дѣлѣ?“

— „Какъ же. Даже въ свѣтѣ знаютъ,
Что вы гений; право! всѣ васъ изучаютъ.
Ваши звуки сладки—точно земляника.“

Лестное сравненье было очень дико;
Но его артистъ мой даже не замѣтилъ,
Покраснѣлъ и, низко кланаясь, отвѣтилъ:

„Я давно готовлю новый вальсъ. Позвольте
Вамъ его теперь же посвятить?“

— „Извольте.

У меня же завтра танцы очень встати.
Удостоите вашей новой благодати.
Не забудьте скрипки.“

Тутъ она зѣвнула:

„Не вздыхайте! Нынѣе поздно я заснула:
У своей кузины провела на балѣ...
То-то бы влюбились, еслибъ увидали!
Впрочемъ, извините! Я васъ утомила
Болтовней. Прощайте.“

И она сложила

Крылышки (такъ точно бабушкины внучки,
Присѣдая гостю, складываютъ ручки),
И взвилась, какъ листикъ,—новая Сильфида.
Скоро мой вузничекъ потерялъ изъ вида
Полевую фею, подсказнулъ, вѣдѣлся
Въ усики ржаного колоса,—и злился,
Что проклятый вѣтеръ колосъ нагибаетъ,
Нагибая колосъ, видѣтъ въ даль мѣшаетъ...
Въ этомъ положеньи шмель его увидѣлъ,
И нескромнымъ словомъ прыгуна обидѣлъ.
Бѣдненькій вузничекъ тутъ-же спохватился.
Растопырилъ фалды и въ траву свалился.

Здѣсь, ни чуть не медля, сталъ писать онъ ноты,
 И усталъ же, бѣдный, отъ такой работы:
 Съ одного присѣста кончилъ! Только скликать
 Прочихъ музыкантовъ—и начать пилить.
 И народу куча собралась на пробу!
 Даже жукъ навозный, начинивъ утробу
 Всякой дрянью, смуглый, толстый и рогатый,
 Уши отъ простуды затыкая ватой,
 За толпой пробрался, растерялъ калоши,
 Ничего не понялъ, а забилъ въ ладоши.
 Божія коровка всѣхъ перепугала:
 Отъ восторга ныла — ныла и упала
 Въ обморокъ .. Спасибо, муравей, съ шнуровой
 Подъ жилетомъ моднымъ, малый очень ловкій,
 Что встрѣчалъ коровку у NN въ салонѣ,
 Далъ ей спиртъ понюхать въ маленькомъ флаконѣ.
 Много было шуму: музыку хвалили,
 Музыку бранили, спорили, судили.
 Но въ тотъ день герой мой такъ ужъ былъ разсѣянъ,
 Что и не замѣтилъ, кѣмъ онъ былъ осмѣянъ.

Былъ еще кузнечикъ—съ нашимъ музыкантомъ
 Хоть одной породы, да не съ тѣмъ талантомъ;
 Мастеръ былъ устроить гвалтъ и потасовку,
 Напугать козявку, осмѣять коровку,
 Одурачить муху, паука спровадить,
 И при всемъ при этомъ съ цѣлымъ міромъ ладить.
 Нашего артиста обожалъ онъ страстно.

„Другъ мой!“ говорилъ онъ, „не трудись напрасно;
 Съ бабочками, знаешь, мѣла—не забава.
 Осмѣетъ и только! Брось ты это, право!“

Не послушалъ друга геній нашъ упрямый;
 Пробилъ часъ урочный—скокъ подъ Липки прямо.

Липки—это было нѣчто въ родѣ парка:
 Въ серединѣ—прудикъ, а при въѣздѣ—арка
 Изъ вѣтвей—такая, что была безспорно
 Чудомъ совершенства; такъ была просторна,
 Что, вообразите, насѣкомыхъ двѣсти
 Въ рядъ могли бы въѣхать. Вы меня повѣсьте,
 Если вру! Строитель былъ—сама природа.
 Коврикъ весь изъ моху постланъ былъ у входа.
 А ужъ залъ! Гнилушки, точно сталактиты,
 Облипали стѣны, зеленью повиты.
 Впрочемъ, домъ Сильфиды, если тольео строго
 Придираться къ стилю, смахивалъ немного
 На душло.

Кузнечикъ такъ былъ очарованъ,
 Или, можетъ, сердцемъ наэлектризованъ,
 Что дрожалъ и таялъ,—молча ждалъ Сильфиды,
 Подходилъ къ овошчу и глядѣлъ на виды.
 Бабочка-хозяйка по саду порхала,
 Съ милыми гостями весело болтала.
 Черногожій клопикъ, вѣрно сынъ швейцарскій
 Или внучекъ няни, крестничекъ боярскій,
 Доложилъ Сильфидѣ, что какой-то длинный
 Господинъ изволить ждаты ея въ гостинной.

Въ садъ черезъ лакея гостя пригласила.

„Вы мнѣ написали ноты? Ахъ, какъ мило!
 Вотъ, mesdames, нашъ новый геній музыкальный.“

Барышни съ улыбкой нѣсколько нахальной
 Всю его фигуру зорко оглядѣли
 И едва свой хохоть удержать сумѣли.
 Къ жизни насѣкомыхъ высшаго разряда
 Не былъ онъ привыченъ. Въ далекѣ отъ сада.
 Бѣденъ, худъ и блѣденъ, съ головы до пятокъ

На себѣ носилъ онъ рѣзкій отпечатокъ
 Поля, гдѣ лишь тучи подаютъ свой голосъ,
 Гдѣ привольно зрѣеть и лепечеть колосъ.
 Но въ виду того, что бабочкой отѣнно
 Принять былъ, дѣвицъ онъ ласково-надменно
 Оглядѣлъ, какъ-будто вѣкъ вращался въ свѣтѣ,
 Съ юныхъ лѣтъ катался въ собственной каретѣ.
 „Что-же, не начать ли?“ молвила хозяйка.
 — „Очень радъ!“ сказалъ онъ.

И лихая шайка

Полевыхъ артистовъ тутъ-же собралась,
 По сучку на хоры мигомъ взобралась.
 „Не плошай, ребята!“ произнесъ кузнечигъ.
 Лихо зная ноты, стало быть, безъ свѣчекъ,
 Тѣ застрекотали, эти затрубили,
 Третьи на скрипицахъ яро запилили.
 Но, вертясь на ножкѣхъ впереди оркестра,
 Запилили всѣхъ громче молодой маэстро.

Баль какъ баль! Десятки шпанскихъ мухъ въ ли-
 вреяхъ

Курятъ ароматы въ сумрачныхъ аллеяхъ.
 Свѣтляки, подобно шкаликамъ и плошкамъ
 Вспыхивая, блещутъ вдоль по всѣмъ дорожкамъ.
 Бабочки, стрекозы въ бальномъ одѣяньи
 Весело порхаютъ въ мѣсячномъ сіяньи.
 Жуколицы ходятъ около буфета;
 Ползаютъ козявки... И большого свѣта
 Жесткія особы—божія коровки
 Собрались другъ другу показать обновки.
 Молча подбираясь къ двумъ зеленымъ мухамъ,
 Два жучка какихъ-то выступаютъ брюхомъ
 На короткихъ ножкахъ. Муравей, съ шнуровкой

Подъ жилетомъ моднымъ, съ желтенькой коровкой,
 Важно и небрежно присѣдая, пляшетъ.
 Рѣзвая Сильфида крылышками машетъ;
 Глазки, носикъ, ножки, платица узоры —
 Все въ ней по-неволѣ привлекаетъ взоры.
 Мой артистъ-кузнечикъ и душой пылаетъ,
 И очей не сводитъ, и какъ чортъ играетъ.
 По ея же просьбѣ, сердцемъ неизмѣнный,
 Сочинилъ онъ этотъ танецъ вдохновенный,
 Танецъ, подъ который свачутъ и понынѣ
 Стаи насѣкомыхъ на любой вуртинѣ.

Но и этотъ свѣтскій балъ не обошелся
 Безъ скандала: въ паркѣ, говорятъ, нашелся
 Злой паучъ, который съ вѣточки на вѣтку
 Протянувши нити, невидимеу-сѣтку
 Сдѣлалъ такъ канальски-ловко и искусно,
 Что тайкомъ, быть можетъ, и покушалъ вкусно.
 Говорятъ, вдобавокъ шлепнулась коровка,
 И у ней отъ страха лопнула шнуровка.
 Самъ артистъ замѣтилъ, какъ его Сильфиду
 Паучекъ какой-то, пренаивный съ виду,
 За крыло задѣвши чѣмъ-то въ родѣ петли,
 Притянуть старался и глядѣлъ ужъ, — нѣтъ-ли
 Гдѣ такого мѣста, чтобы на досугѣ
 Съѣсть свою хозяйку. Но артистъ въ испугѣ
 Подскачилъ и пѣрвалъ роковыя сѣти.
 Паучекъ надулся. А комаръ: „Смотрите,“
 Пропищалъ артисту, „какъ вы замарались,
 Точно, подгулявши, по землѣ валялись.“

Покраснѣлъ кузнечикъ; видитъ: паутина
 Къ рукаву прилипла.

„Экая скотина!“

Проворчалъ—и вытеръ.

Бабочка ни слова

Не сказала, только выбрала другаго

Кавалера: этотъ кавалеръ крылатый

Быль ея сосѣдки братецъ глуповатый.

„Правда ли,“ спросилъ онъ: „слухъ идетъ изъ нивы,

Будто-то бы въ маэстро страстно влюблены вы?

Будто-бы кузнечикъ говорилъ, что хочетъ

Онъ на васъ жениться,—и о томъ хлопочеть?“

— „Что вы говорите?“ молвила Сильфида.

„Мой женихъ—кузнечикъ! какова обида!

Кто такіе въ свѣтъ распускаетъ слухи?

Или эту глупость выдумали мухи!“

— „Нѣтъ, совсѣмъ не мухи-съ! кто-то изъ оркестра

Говорилъ, что будто слышалъ отъ маэстро.“

Фея надъ собою сдѣлала усилие,

Чтобъ не разсердиться—и, встряхнувши крылья,

Бросила холодный взглядъ на музыканта;

А когда кричали въ честь его таланта:

„Браво! фора! фора!“—дѣлала гримаски,

Или улыбалась, опуская глазки.

Балъ подъ темнымъ небомъ длился до разсвѣта.

Бабочка устала.—Вдругъ за рощей гдѣ-то

Соловей зацѣлкалъ. Ей тогда сказали

(Можно-ли безъ лести обойтись на балѣ!),

Ей сказали: „Фея! прекратите танецъ,

Слышите ли пѣнье?—это иностранецъ,

Соловей пролетный вздумалъ серенаду

Вамъ давать.“

И точно, по всему-то саду

Разсыпались звуки, страстно замирая

Въ безконечныхъ треляхъ. Бабочка, внимая

Соловью, мечтала. Въ это время сзади
Подошелъ кузнечикъ.

„Фея! Бога ради!..“

Что вы такъ печальны?...“

— „Жалкій музыкантикъ!“

Прошептала фея, пощипавши бантикъ

На своемъ корсажѣ: „развѣ я не знаю...“

— „О!“ сказала кузнечикъ:— „я не понимаю,
Что вы говорите... Соловьи опасны,
И хотя, положимъ, пѣсни ихъ прекрасны,
Все-же не въ народномъ духѣ.“

Засмѣялась

Бальная царица—и, какъ тѣнь, умчалась.

Сильно озадаченъ былъ кузнечикъ бѣдный

И домой пошелъ сумрачный и блѣдный.

Часто спотыкаясь, онъ добрался еле.

Другъ его гуляка ужъ лежалъ въ постели.

Независтникъ свѣта, бабочекъ крылатыхъ,

Гладенькихъ коровокъ и червей лохматыхъ,

Онъ, увидѣвъ друга, спросилъ сердито:

„Что, братъ, былъ-ли ужинъ? накормили сыто,
Или и понюхать не дали съѣстнаго?“

Что, братъ, какъ дѣлишки? Все ли тамъ здорово
И благополучно?... Точно ты не весель?“

Говори-ка, вайся, что ты носъ повѣсилъ?“

И повѣдалъ другу тотъ лихое горе.

„Эхъ!“ вскричалъ гуляка. „И объ этомъ вздорѣ
Ты вотъ изнываешь? Вѣдь, ей-Богу, стыдно!“

Буду правду рѣзать: гдѣ же это видно,

Чтобъ сверчокъ...“

— „Кузнечикъ!“ перебилъ кузнечикъ.

— „Чтобъ сверчокъ...“

— „Кузнечикъ!“ перебилъ кузнечикъ.

— „Ну, хоть и кузнечикъ! ну, положимъ даже, Ты сверчка немного чище и поглаже, И немножко больше чувствуешь свободы— Все-жь ты, братецъ, съ нею не одной породы. Знаю я всѣхъ этихъ бабочекъ, бабошекъ! Жить онѣ не могутъ безъ цвѣтныхъ вѣтошекъ; За женой бабошкой гдѣ-жь тебѣ упрыгать? Гдѣ-жь тебѣ повсюду вслѣдъ за нею шмыгать? Въ свѣтѣ, гдѣ не рѣдко всѣхъ умнѣй—невѣжда! На талантъ—плохая, братецъ мой, надежда.“

Долго такъ бранился, убѣждалъ онъ друга; Но артистъ влюбленный поддавался туго, Наконецъ усталый на постель свалился. Тотъ махнулъ рукою—и угомонился.

На другое утро вдругъ распространилась Вѣсть, что будто что-то съ бабочкой случилось: Отъ вчерашней нѣжной соловьиной трели (Такъ, по крайней мѣрѣ, сплетники галдѣли) У нея головка будто закружилась, И она не въ шутку въ соловья влюбилась. Между тѣмъ бездушный иностранецъ этотъ Практикуеть, слышно, прековарный методъ: Насѣкомыхъ прежде трелью очаруетъ, А затѣмъ до смерти носомъ и заклюеть. Такъ и за Сильфидой трель свою закинулъ, Поклевалъ бѣдняжку, да потомъ и кинулъ. Не хотѣлъ сначала вѣрить бѣдный геній, Но уже къ обѣду не было сомнѣній: Прямо шли изъ парка эти злые слухи, Стало быть, не ввали комары и мухи!

Мой герой готовъ былъ съ соловьемъ хоть драться,

Взялъ себѣ въ подмогу забіяку-брatца:

„Какъ тамъ хочешь, надо намъ сыскать Сильфиду!
Не дадимъ злодѣю-соловью въ обиду.“

Вечеръ былъ ненастный. Квакали лягушки:

Подъ налетомъ вѣтра гибкія верхушки

Жатвы волыхались, словно волны; капалъ

Тихій дождь, и гдѣ-то перепелъ вавакалъ;

Паучки свернулись; пораскисли мушки;

Комары притихли. Оволо опушки.

Въ темнотѣ кузнецикъ шель самъ-другъ съ гулякой.

„Слушай-ка, пріятель! надо бы на всякій

Случай запастись намъ фонаремъ хоть, что-ли,“

Говорилъ гуляка: „тутъ не въ чистомъ полѣ;

Заберемся въ чашу, такъ въ потьмахъ наткнуться

Можно на лягушку, или кувырнуться.

Гей!“ Онъ свиснулъ. „Кто тамъ?“ И, подъ подо-
рожникъ

Заглянувши, кривнулъ: „Ну-ка, ты, пирожникъ,

Выходи!“

И вышелъ таракашекъ смуглый,

Какъ медовый пряникъ, и какъ булка круглый.

„Что вамъ надо?“

— „Гдѣ тутъ къ свѣтляку дорога?“

— „Дальше, баринъ, дальше, поправѣй немного,
Тамъ, подъ Божьей травкой, двѣ еловыхъ шишки,
Тамъ спросите... Жаль вотъ, спать мои маль-
чишки...“

— „Э!“ сказалъ гуляка: „мы идемъ—не свищемъ,
А къ еловымъ шишкамъ сами путь отыщемъ.“

— „Дали бы на водку, я пошелъ бы съ вами.“

— „Не ходи, любезный!“ шевеля усами,

Возразилъ гуляка.

— „Больно ночь муруга!“

— „Ну, не ври, любезный.“

И пошли два друга
Къ двумъ еловымъ шишкамъ. Стукъ—стукъ. „Отво-
рай-ка
Двери!“

— „Кто тамъ?“

— „Лѣшій!“

— „Кто тамъ?“

— „Вылѣзай-ка!“

И свѣтлякъ, съ разбитымъ фонаремъ, пустился
Въ лѣсъ казать дорогу. Клялся и божился,
Что Сильфиды нынче и въ глаза не видѣль,
Говорять, ее, де, соловей обидѣль...

Долго, до полночи, прыгуны блуждали,
Наконецъ на свѣжій слѣдъ они попали.
Глядь: неподалеку спѣющей брусники,

Подъ корнями красной полевой гвоздики,
 Одинокимъ трупомъ бабочка лежала:
 Ножки протянула, крылья распластала;
 И, казалось, лёжа небесамъ молилась;
 Вся окоченѣла, но не измѣнилась;
 Тотъ-же сохранился очеркъ милый, нѣжный,
 Тою-же сіяли бѣлизною снѣжной
 Матовыя крылья. Черная косынка
 На груди раскрылась. Крупная слезинка,
 Какъ алмазь, блестѣла около рѣсницы,
 И какъ бархатъ были темныя косицы.
 Мертвая казалась сонной; но чернѣла
 Маленькая ранка... Молча возлѣ тѣла
 Постоялъ кузнецикъ, сердцемъ надрываясь.
 Молча съ огонечкомъ къ трупу наклоняясь,
 Свѣтлячекъ, какъ-будто сильно пораженный
 Небывалымъ чудомъ, жмурился, какъ сонный.
 У гуляки тоже хмѣль прошелъ. Сурово
 Онъ глядѣлъ и то, что видѣлъ, было ново
 Для него. На сердцѣ даже стало жутко.
 Понялъ, что надъ мертвымъ неприлична шутка.
 Постоявъ, толкнулъ онъ друга:

„Ну, конечно,

Жаль, да вѣдь нельзя же горевать намъ вѣчно!
 Сдѣлаемъ носилки, и ее прилично
 Отнесемъ подъ Липки. Все пойдетъ отлично.
 Только ты напрасно, братъ, не надрывайся,
 Силь не трать, и плакать послѣ постарайся.“

Сдѣлали носилки, положили тѣло,
 Подняли—и долго поступью несмѣлой
 Шли они по травкамъ, шли они по кочкамъ.
 Впереди мелкая яркимъ огонечкомъ,

Шелъ свѣтлякъ; и сотни разныхъ насѣкомыхъ,
 Нашему артисту вовсе незнакомыхъ,
 Шумно просыпались въ перелѣсѣ темномъ.
 „А! ба! кто тамъ? что тамъ?“ слышалось въ
 сонномъ
 Царствѣ. Вдругъ во мракѣ жалкій писекъ раз-
 дался:

Муравей какой-то подъ ноги попался.
 Комары, проснувшись и поднявшись роемъ,
 Затрубили въ трубы, точно передъ боемъ,
 Но, слетѣвши кучей и увидѣвъ тѣло,
 Взяли тономъ ниже (поняли, въ чемъ дѣло...),
 И, трубя плачевно, въ разстоянн дальнемъ,
 Огласили воздухъ маршемъ погребальнымъ.
 Къ свѣтляку другіе свѣтляки пристали:
 Свѣчи ихъ то гасли, то опять мелькали.
 Съ жалобнымъ жужжаньемъ поднимались мухи,
 И, жужжа, другъ другу повѣряли слухи.
 Бабочка, Сильфиды прежняя подруга,
 Высунула носикъ, блѣдная съ испуга,
 И потомъ, спустившись по листочкамъ, сѣла
 На холодный камень и—оцѣпенѣла.
 Предразсвѣтный вѣтеръ, невидимкой вѣя,
 Думаль, что воскреснетъ молодая фея:
 Шевелилъ у мертвой легкими крылами,
 И дышалъ въ лицо ей влажными устами.

Между тѣмъ съ востока, тихо раздвигая
 Облака, вставала зорька золотая;
 И когда все стало ясно отъ улыбки
 Пламенной богини, принесли подъ Липки
 Мертвую Сильфиду; тамъ ее сложили,
 Вырыли могилу и похоронили.

И когда надъ этой новою могилой
Думалъ злую думу мой артистъ унылый,
Въ жаркихъ искрахъ солнца за лѣсной куртiной
Звучно раздавался рокотъ соловьиный.

Я. Полонскій.

Мухоморъ.

ожья коровка опрометью бѣжала въ сосѣдней кочкѣ; она была въ страшномъ испугѣ и едва могла перебираться черезъ разныя препятствія, встрѣчаемыя на дорогѣ. Красенькая ея одежда, испещренная черными пятнышками, на этотъ разъ была въ безпорядкѣ: она раздвинулась, и одно прозрачное крылышко торчало наружу. Ясно было видно

по ея одеждѣ, что она накинута ея кое-какъ и забыла спрятать тонкую ткань нижнихъ крыльевъ. Задыхаясь, переваливаясь и спотыкаясь на каждомъ шагу, добѣжала она до кочки и, остановясь у подножія зеленого моха, едва переводя духъ, окликнула сосѣдку.

— Гдѣ ты тамъ, сосѣдка?—кричала она.—Выходи скорѣе!

На голосъ ея изъ-подъ зеленаго моха показалась опрятно-одѣтая желтенькая букашка съ черными крапинками на платьѣ. Сосѣдка была тоже божья коровка.

— Что случилось? — спросила она, просовываясь между двумя тычинками моха, похожими на крошечныя елки.

— Бѣда, матушка!—заголосила красная.—Духу не переведу... такъ неумойкой къ тебѣ и прибѣжала... не успѣла прибраться какъ слѣдуетъ...

— Да что-жь у васъ? говори толкомъ.

— Страсти господни, сосѣдка! Какъ и сказать, не знаю... Сидѣли мы всѣ смирно на кочкѣ, что подъ елью, и всякій занимался своимъ дѣломъ; какъ вдругъ,—о, Господи, страсти какія! даже и вспомнить не могу!... Кочка-то наша родимая вся ходенемъ заходила, такъ и надулась, а земля-то подъ ногами треснула; да шумъ какой! Цѣлый комоекъ моху такъ и выворотило; даже мы на ногахъ не устояли: всѣ, какъ есть, повалились. Охъ, страсти! и теперь не опомнюсь...

— Что за оказія?—сказала удивленная желтая;—да вѣдь что-нибудь должно быть видно? Вы бы поглядѣли.

— Чего глядѣть-то!—возразила красная.—Мы со страху всѣ, какъ есть, разбѣжались. А куда дѣнешься-то? У всѣхъ гнѣзда, яйца, сама знаешь! Куда пойдешь въ такую пору?

И она заплакала.

— Нечего убиваться до время,—утѣшала благоразумная желтая.—Надо выждать; а тамъ, что Богъ дастъ. Такъ и быть, пойдѣмъ, поглядимъ.

И обѣ отправились.

Еще издали увидѣли онѣ страшную суматоху: отъ кочки народъ такъ и валить; кто что могъ ухватить, то и тащилъ: кто зернышко, кто яйцо, кто уцѣпилъ листокъ больше себя ростомъ, и всѣ безъ оглядки бѣжали, толкая другъ друга. Смятеніе было страшное, и ясно было видно, что народъ вовсе опалѣлъ отъ страха.

Кто помоложе—карабкался на высокую былинку, и, не достигнувъ ея верхушки, кубаремъ сваливался внизъ. Всѣ до того растерались, что даже крылатые жители забыли воспользоваться природнымъ удобствомъ и, вмѣсто того, чтобъ распушить крылья, тутъ-же толкались между бѣжавшими, прибавляя къ общему смятенію.

— Господи! куда я дѣнусь съ малыми дѣтьми?—заголосила красная и въ отчаяньи повалилась на землю вверхъ ножками.

Даже желтая сильно смутилась и укрядкою поглядывала въ ту сторону, гдѣ была ея кочка; но тамъ было все спокойно.

— Не тужи, мать моя!—утѣшала она несчастную.— Вѣдь ужъ этимъ горю не можешь, а убиваться грѣхъ большой. Все по грѣхамъ нашимъ наказаніе посылается; охъ, согрѣшили мы!

— Да куда дѣваться-то?!—стонала красная;—куда я теперь голову приклоню?! Раззореніе, да и только!

— Вставай-ка! что ногами-то болтать?—продолжала утѣшительница.— На все власть Божія. А теперь пойдѣмъ ко мнѣ; наглядѣлись мы съ тобой страстей-то.

И она потащила за собою убитую горемъ красную.

Много бесѣдовали сосѣдки, много плакалъ народъ; раззореніе было общее, и вокругъ страшнаго мѣста царствовала мертвая тишина, прерываемая лишь изрѣдка трескомъ земли; мохъ разступался больше и больше; цѣ-

лые комки его, оторванные отъ земли, валялись около кочки. Жителя на ней не было уже ни одного.

Къ вечеру, когда всѣ бѣжавшіе размѣстились кое-какъ по сосѣднимъ кочкамъ, и умы нѣсколько поуспокоились, собралась молодежь: стали толковать о страшномъ событіи; и такъ какъ первый страхъ уже прошелъ, то молодой жучоги предложилъ товарищамъ пройти до опаснаго мѣста и обозрѣть окрестности. Сильно отговаривали ихъ старые жуки; а божьи коровки и слышать не хотѣли, чтобы кто-нибудь показалъ носъ въ ту сторону. Но смѣльчагъ, синій жукъ, стоялъ на своемъ, и кучка храбрыхъ товарищей рѣшилась потихоньку пробраться къ тому мѣсту. Однако рѣшено было послать впередъ крылатаго муравья: онъ долженъ былъ не идти пѣшкомъ, а летѣть и держаться на нѣкоторой высотѣ, чтобы, въ случаѣ опасности, тѣмъ-же путемъ воротиться во-свояси.

Снарядился нашъ муравей и отправился. Вся молодежь дожидалась его на опушкѣ моха, около того мѣста, гдѣ кончаются крошечныя елки и начинается ровный, бархатный лугъ моховины.

Вскорѣ посланный вернулся и объявилъ, что тамъ все спокойно, но издали онъ видѣлъ что-то страшное: въ землѣ краснѣется, точно огонь, а никого нѣтъ.

Смѣльчаки переглянулись и нѣсколько времени оставались въ нерѣшимости; но сами устыдились своей трусости и твердо рѣшились, пока еще солнце не сѣло, отправиться къ тому мѣсту всей компаніей.

Сказано—сдѣлано. Общество гурьбой отправилось въ ту сторону.

Подойдя близко къ кочкѣ, они остановились и стали прислушиваться: тихо!—Синій жукъ, какъ самый храбрый, полѣзъ на кочку и закричалъ:

— За мной, кто не трусь!

Кровь бросилась въ голову молодежи, и всѣ, какъ одинъ, устремились на кочку.

Едва они достигли верхушки, какъ вдругъ раздался трескъ, земля разступилась...

— Прочь съ дороги!—закричалъ кто-то страшнымъ голосомъ, и изъ земли показался огромный, толстый и красный, какъ ракъ,—мухоморъ! Только бѣлый, разодранный плащъ прикрывалъ его мѣстами. Онъ лихо держалъ шапку на бекрень и, подбоченясь, гордо надувшись, обозрѣвалъ окрестность.

Отъ этого зрѣлища наша молодежь кубаремъ свалилась съ кочки и, не оглядываясь, въ ужасѣ бѣжала въ разсыпную.

— Дальше отъ кочки! — грозно кричалъ мухоморъ, надуваясь и краснѣя все больше и больше.

Но наши смѣльчаки и такъ ногъ подъ собой не слышали. Мухоморъ это видѣлъ, но нарочно хотѣлъ почваниться и всѣмъ задать страху.

Какъ пьяные, добрались молодые жуки до своихъ, и безъ чувствъ повалились въ мохъ, болтая въ воздухѣ ногами.

— Господи! — вопили божьи коровки; — да когда же будетъ конецъ этимъ ужасамъ? Должно быть, пришелъ конецъ свѣту... Охъ, головушки наши бѣдныя!

Долго причитали онѣ надъ своей перепуганной молодежью, и только тогда успокоилось народное волненіе, когда луна уже взошла высоко, и свѣжая роса прохладила разгоряченныя головы. Наконецъ все смогло.

Ночь стояла тихая, звѣздная. Голубой свѣтъ мѣсяца серебрилъ окрашенные цвѣты и бѣлые стволы будрявыхъ березъ; вѣтки ихъ длинными прядями колыхались въ ноч-

СТР. 172.

ALBION

номъ воздухѣ и наводили сонъ и успокоеніе на все живущее. Безъ шума плыла серебряная луна по синему небу; безъ шума блистали яркія звѣзды въ прозрачной синевѣ; безъ шума благоухали цвѣты и наполняли воздухъ ароматомъ.

Бѣдный, засохшій стебелекъ киваль томно головкою, вздремнувъ при всеобщемъ молчаніи. Онъ доживаль свой вѣкъ тихо, безропотно.

Изрѣдка земля вокругъ мухомора глухо пощелкивала; но онъ все стоялъ подбоченясь, и съ важностью и съ презрѣніемъ глядѣлъ на сухой стебелекъ, преклонившійся къ землѣ. Но дремота наконецъ и его одолѣла: онъ заснулъ, не перемѣняя своего положенія, и не замѣчалъ, какъ тихая, звѣздная ночь задумчиво роняла слезы на его гордую, глупую голову.

На небѣ стало темнѣть; мѣсяцъ уплылъ за край земли; звѣзды поблѣднѣли, и на востокѣ показалась яркая розовая полоска. Вѣтеръ быстро пробѣжалъ по сонному царству цвѣтовъ и насѣкомыхъ; цвѣты дрогнули и тихо повернули головки къ розовой полоскѣ свѣта. Вся окрестность освѣтилась розовымъ пламенемъ; облака, позолоченныя по краямъ, поплыли по небу, а туманъ, поднявшись съ земли, пустился за ними въ погоню.

Все въ лѣсу проснулось: птицы заплѣли; зашевелились насѣкомыя; маленькая бѣлка съ пушистымъ хвостикомъ забралась на березу, оттуда перекинулась на ель и, качаясь на вѣткѣ, наострила ушки. Заяцъ перепрыгнулъ черезъ дорогу и во весь духъ понесся черезъ поле къ ближайшему ручью. Малиновка просвистала гдѣ-то въ чащѣ. Мошки, жучки и божьи коровки пришли въ движеніе.

Стебелекъ приподнялъ согнутую головку и посмотрѣлъ на мухомора: тотъ стоялъ еще краснѣе; шапка его была

усяна бѣлыми пуговицами, и весь онъ, надувшись, еще больше вчерашняго вылѣзъ изъ земли. Ростъ и дородство его пугали даже воробьевъ; а божьи коровки, какъ вышли поутру умываться росой, такъ и онѣмѣли отъ ужаса. Мухоморъ былъ видѣнъ даже съ ихъ кочки.

— Экая страсть!—говорили онѣ между собою въ-полголоса.—Вѣдь уродится же этакій! Да нивагъ онъ на насъ глядитъ?...

И всѣ въ разсыпную бросились къ срединѣ кочки.

Молодые жуки утромъ очень стыдились своей вчерашней слабости, и не знали, какими глазами смотрѣть на сосѣдей. Переговоривъ между собою, они рѣшили погулять опять въ окрестностяхъ мухомора,—разумѣется, не подходя къ нему близко. Услыхавъ о приготовленіяхъ, красная божья коровка рѣшилась тащиться вслѣдъ за ними. Она оставила на кочкѣ все свое хозяйство и хотѣла хоть издали посмотрѣть, не спаслось ли что-нибудь? И такъ, незамѣченная никѣмъ, она прокралась между моховыхъ тычинокъ и спряталась не въ далеки отъ страшной кочки.

Но мухомору съ вышки все было видно: онъ какъ разъ замѣтилъ компанію молодежи и божью коровку.

— Не подходить!—заревѣлъ онъ;—не то всѣхъ отправлю!

Жуки остановились, но не пошли назадъ. Синій даже выступилъ изъ толпы.

— Ахъ, ты дерзкій!—загремѣлъ мухоморъ.—Да знаешь ли, кто я? Я—мухоморъ! А это что такое, какая дрянь тамъ прячется? Туда же, въ красномъ платьѣ! прочь, мелочь!

Жучки сильно струсилы, но не подавали вида и все смотрѣли издали на разъяреннаго. Коровка сжалась въ

комокъ и подлѣзла подъ крошечную елку. А стебелекъ все внимательно слушалъ и только въ раздумьи качалъ головой: видно было, что онъ думаетъ глубокую думу.

Жуки удалились, дѣлая видъ, что гуляютъ и ничего не боятся.

Сталъ накрапывать дождь. Всѣ живыя существа прятались, кто куда могъ. Мухоморъ гордо стоялъ, подбоченясь, и хохоталъ во весь ротъ надъ трусостью мелкаго народа. Дождь лилъ ливнемъ съ его упругой головы и падалъ подъ ноги цѣлымъ каскадомъ; шапка стала еще краснѣе.

Но вотъ закатилось солнце, а дождь не переставалъ. Вся окрестность какъ-будто покрыта была прозрачной пеленой; все притихло,—только оволо мухомора былъ слышенъ шумъ воды, какъ отъ водосточной трубы. Таеъ прошла вся ночь.

На утро небо выяснѣло, и всѣ выползли изъ своихъ убѣжищъ. Молодежь взобралась на верхушку своей кочки, чтобъ съ вышки наблюдать мухомора.

— Помогите! — вдругъ раздался громкій голосъ; — братцы, помогите! Мушки, жуки, божьи коровки... падаю!

Народъ въ ужасѣ высыпалъ на кочку. Всѣ смотрѣли въ ту сторону.

— Валюсь, совѣмъ валюсь! — кричалъ отчаянно мухоморъ; и правда: видно было, какъ весь онъ покривился на сторону; шапка вовсе сползла на затылокъ; лицо сморщилось и посинѣло.

Партія молодыхъ жуковъ бросилась къ нему, забывъ опасность; но не успѣли они всеаракаться на кочку, какъ мухоморъ тяжело шлепнулся въ грязь.

— Раскисаю!...—простоналъ онъ хриплымъ басомъ;—совсѣмъ раскисаю...

И, дѣйствительно, въ тотъ-же день храбрый воинъ раскисъ совсѣмъ. Къ вечеру ужь нельзя было узнать, гдѣ была шапка и гдѣ лицо: весь онъ представлялъ изъ себя комокъ липкой грязи...

А стебелекъ качалъ головою и думалъ крѣпкую думу.

„Сколько зла!“ — размышлялъ онъ: — „Мѣсто отравлено; воздухъ зараженъ; жители въ ужасѣ и въ горѣ. О, еслибы удалось поправить зло и возстановить счастье!“

Горькая, послѣдняя слезинка выкатилась изъ потухающихъ его глазъ; слабымъ движеніемъ взялъ онъ изъ своего сердца лучшее сѣмячко и бросилъ его въ липкій комокъ.

Прошло лѣто, прошла и зима. Настала новая весна. Проснулось населеніе кочки и радостно взглянуло на свѣтъ Божій. Жуки и божьи коровки собирались переселяться на старую кочку, но сначала рѣшили осмотрѣть мѣстность. Всѣ они гурьбой отправились въ родному пепелищу, и что же представилось ихъ глазамъ?

На мѣстѣ страшнаго мухомора—стройный ландышъ! Распустивъ широко темные листья, стоялъ онъ какъ вкопанный и только покачивалъ вѣточкою, увѣшанною бѣлыми чашечками. На всѣхъ смотрѣлъ онъ ласково и радостно.

— Придите всѣ ко мнѣ,—говорилъ онъ, протягивая широкія объятія:—я стою здѣсь для васъ, и пока буду жить, вы будете имѣть прохладу и тѣнь отъ моихъ листьевъ, сокъ и медъ отъ моихъ чашечекъ. Я напою воздухъ благоуханіемъ, я дамъ вамъ пріютъ въ тѣни листьевъ моихъ: я отдаю вамъ сердце мое и отдамъ жизнь, если понадобится. О, придите, придите подъ тѣнь мою!

Всѣ насѣкомыя поклонились ему и приняли ласковое предложеніе.

Та кочка, говорятъ, самая счастливая и благословенная кочка въ лѣсу.

А. Коваленская.

Маланьины стрѣлки.

I.

Былъ у одной старухи сынъ, по имени Өомка. Өомка былъ мужичекъ малорослый, тощій и самый, какъ говорится, безпрокій. Нивакая работа ему не спорилась, потому что онъ не умѣлъ обойтись, какъ люди обходятся, а все дѣлалъ по-своему. Одежа у Өомки была оборванная, избушка кривая, крыша дырявая, лошаденка хромая, и жилъ онъ одинъ со своею старухою матерью, безъ жены; потому что во всемъ околodge не было такой дуры, которая бы согласилась пойти за него.

Вотъ какъ-то разъ, шелъ Ѳомка въ сумерки, между опушкой и полемъ; а было это оволо Ильина дня и наканунѣ была большая гроза. Идетъ онъ, и все ему слышится: громъ—не громъ, а такъ, будто гдѣ-то недалёко телѣга по бревнамъ проѣхала. И думаетъ онъ: „Гдѣ бы это могло быть? Кругомъ, на пять верстъ, нѣтъ ни плотины, ни моста; а гремитъ гдѣ-то недалёко...“ Чу! вотъ опять застучало! И на этотъ разъ, такъ уже близко, что Ѳомка остановился и началъ осматриваться. Глянулъ въ одну сторону—нѣтъ никого; глянулъ въ другую—видитъ: на самомъ краю опушки, кто-то стоитъ нагнувшись, словно какъ будто-бы ищетъ грибовъ. Сталъ онъ за нимъ приглядывать; видитъ: старикъ какой-то, сѣдой, безъ шапки, ростъ богатырскій, плечи широкія, лицо такое хмурое, грозное... стоитъ, наклонился, клюкой ковыряетъ что-то во мху; поковырялъ и, зная, не нашелъ ничего—пошелъ дальше; да какъ только пошелъ—и застучало опять.

„Хе хе!“ думаетъ себѣ Ѳомка.—„Вотъ оно гдѣ гремитъ-то!“—и дивно это ему показалось. Подошелъ ближе:

— Богъ помочь дѣдъ.

— Спаси Богъ.

— Что это ты стучишь?

— Такъ, это я про себя ворчу...—Отвернулся и, надо быть, что увидалъ на полу,—сталъ опять ковырять клювой, поковырялъ, вытащилъ изъ земли какую-то стрѣлку и бросилъ въ мѣшокъ.

— Чтó это ты тутъ дѣлаешь?

— Такъ, ничего,—говорить;—свой товаръ подбираю.

— Какой товаръ?

— Да вотъ, дочка моя—Маланья*) вчера тутъ въ горѣлки играла, разбѣгалась, стрѣлки свои пораскидала. А

*) *Маланья*—молонья, молнія.

я не люблю этого баловства. Товаръ дорогой; почто его тратить даромъ? Хочешь стрѣлять, такъ стрѣлай толкомъ: выбери мѣсто, нацѣль хорошенько, да тогда и пали...

Слушаетъ Оомка, сейчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло и это такой этотъ старикъ и о какой Маланьѣ онъ говорилъ.

— Слышь ты, — говорить, — тебѣ одному не справиться съ этой работой; всю ночь тутъ провозишься. А ты выучи-ка меня эти стрѣлки искать, такъ я тебѣ, дѣдушка, помогу.

Дѣдъ согласился; надоѣло ему ковырять одному; выучилъ мужика, по какимъ примѣтамъ отыскивать мѣсто, куды упала стрѣла, и какъ эту стрѣлу изъ земли выкапывать. И вотъ стали они искать вдвоемъ; искали, пока совсѣмъ не стемнѣло, и понабрали-таки порядкомъ. Какъ стало совсѣмъ темно, дѣдъ взялъ, покидалъ свой товаръ въ мѣшокъ и мѣшокъ завязалъ.

— Ну, — говорить, — спасибо тебѣ, любезный; будетъ съ меня и этого. — Загрохоталъ и ушелъ во-свояси.

А Оомка, какъ ни былъ плохъ, однако на этотъ разъ маху не далъ. Не захотѣлъ онъ уйти съ пустыми руками и изловчился, тайкомъ отъ дѣда, засунуть себѣ въ сапогъ съ поль-дюжины... Зачѣмъ? онъ и самъ хорошенько не зналъ, но нраву онъ былъ пытливаго и всякое новое дѣло его занимало. „Дай,“ думаетъ, — „посмотрю: что это за стрѣлки такія?“ — Пришелъ домой, ни слова не говоря старухѣ, спряталъ свою находку на печь и завалился спать. Утро-де вечера мудренѣе.

II.

На другой день былъ праздникъ. Оомка проснулся чуть свѣтъ, взялъ съ собою стрѣлки и ушелъ въ лѣсъ.

Что онъ тамъ дѣлалъ—не знаю; только вернулся домой безъ одной стрѣлы, да въ придачу еще безъ пальца на лѣвой рукѣ.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ старуха.

— Такъ, ничего... топоромъ отхватилъ.

Нѣсколько дней послѣ этого, онъ сидѣлъ смиренно; но какъ только палецъ зажилъ, взялъ остальные стрѣлки и пошелъ опять въ лѣсъ... Вернулся опять безъ одной, да въ придачу еще безъ глаза.

— Что съ тобой?—спрашиваетъ старуха.

— Такъ, ничего... на сузь наткнулся.

Послѣ этого, онъ запряталъ Маланьины стрѣлки въ клѣтъ и долго до нихъ не дотрогивался; знать, поотбил охоту... Но вотъ, однажды, понадобилось ему зачѣмъ-то въ кузницу; а кузница была въ городѣ. Подходить онъ къ городу поздно вечеромъ, въ сумерки, и опять ему чудится: громъ не громъ, а такъ—что-то стучить... Глядь, впереди, недалѣко, бредетъ тотъ самый старикъ, котораго онъ у лѣсу встрѣтилъ. Поровнялись они.

— Здравствуй, дѣдъ!

Тотъ смотритъ—не узнаётъ.

— А того мужика помнишь, который тебѣ помогалъ Маланьины стрѣлки выкапывать?

— А, это ты?... Ну, будь здоровъ, братецъ.

— Куда идешь, дѣдушка?

— Въ кузницу, братецъ.

— Пойдемъ-же вмѣстѣ, и мнѣ туда нужно.

Пришли они въ кузницу. Оомка сейчасъ свое дѣло справилъ, присѣлъ на завалинкѣ и сидитъ, дожидается... „Дай,“ думаетъ, „погляжу, зачѣмъ дѣдъ пришелъ?“

А дѣдъ вликнулъ къ себѣ кузнеца и спрашиваетъ:

— Ну что, — говорит, — кузнецъ, пушталку справиль?

— Справиль.

— Поважь-ва сюда?

Смотрить Өомка: кузнецъ досталъ изъ-подъ лавки снарядъ какой-то дивовинный и подаетъ дѣду. Дѣдъ поглядѣлъ.

— Хорошо. — говоритъ.

Сейчасъ заплатилъ кузнецу что слѣдуетъ, взялъ свой снарядъ и пошелъ.

Какъ только пошелъ, и Өомка пошелъ; увязался опять за нимъ, опять разговоръ заводить.

— Здорова-ли дочка?

— Ничего, слава Богу, живетъ.

— Много-ли стрѣлокъ пораскидала?

— Да, порастратила-таки порядкомъ.

Говорять они этакъ; а Өомка все на снарядъ поглядываетъ.

— Что это, дѣдушка, — говоритъ, — у тебя за штука такая?

— Пушталка, братецъ.

— На что это тебѣ?

— А это, — говоритъ, — для дочки моей, игрушка такая. Изъ этой пушталки она свои стрѣлки пушцаетъ.

— А развѣ нельзя безъ этого?

— Нѣтъ, — говоритъ, — нельзя. Безъ этого либо палець тебѣ оторветъ, либо глаза выжжетъ.

Сказалъ это дѣдъ, а самъ усмѣхается, на Өомку поглядываетъ.

— Хе, хе, братъ! Да что это у тебя глазъ-то?

— Ничего, — отвѣчаетъ Өомка; — это я ночью на сукъ напоролъ.

— Вотъ какъ!... Хе, хе, да у тебя и пальца недоста-
еть!... Куда дѣваль?

— Ничего, дѣдушка: это я въ хмѣлю топоромъ отхватилъ.

— Ну, братецъ, это тебѣ наука. Послушай ты моего
совѣта: будь напередъ осторожнѣе.

Сказавъ это, дѣдъ загрохоталъ и пошелъ во-свои.

А Ѳомка не промахъ, сейчасъ вернулся назадъ въ
кузнецу и заказалъ для себя пуцалку такую-же, какъ у
дѣда.

— Не разсердился бы дѣдъ?—говорить кузнецъ.

— Э! ничего!—отвѣчаетъ Ѳомка.—Мы съ нимъ при-
ятели; самъ видѣлъ: вмѣстѣ пришли.

Черезъ недѣлю пуцалка была готова, и Ѳомка ходилъ
съ нею въ лѣсъ и вернулся на этотъ разъ безъ изъяну,
веселый такой. Приходить къ матери.

— Прощай,—говорить,—матушка! Благослови ты меня
въ путь далекій, на подвиги ратные, на поприща бога-
тырскія... Землю пахать теперь не мое уже дѣло.

Какъ услышала старуха эти слова, такъ и ахнула.

— Ѳомка! Да ты не съ ума-ли спатилъ?... Ты,—го-
ворить,—посмотри на себя; ну, въ рожѣ-ли тебѣ подвиги
ратные? Вѣдь, у тебя силѣнки немногимъ побольше, чѣмъ
у меня?... Да и кого ты, кривой богатырь, воевать соби-
раешься?

— Не безпокойся, матушка,—говорить Ѳомка;—я ужь
найду кого. А что до силы моей, то этой силы ни ты,
да и никто на свѣтѣ еще не извѣдалъ. И никому не-
извѣстно, гдѣ она у меня; а я знаю, гдѣ, и когда по-
кажу, тогда и увидать.

Вечеромъ, въ этотъ день, Ѳомка ходилъ на то мѣсто,
гдѣ онъ первый разъ дѣда встрѣтилъ, и вернулся домой
съ какимъ-то пучкомъ. А на другой день, чуть свѣтъ,

осёдлалъ хромую свою лошаденку, повѣсилъ пуцалку черезъ плечо, простился съ матерью и уѣхалъ.

III.

Долго-ли ѣхалъ Өомка и далеко-ли уѣхалъ—не знаю; только вотъ—выѣзжаетъ онъ изъ лѣсу на зеленый лугъ и видитъ: стоятъ на лугу два шатра златоверхіе, у шатровъ богатырскіе кони пасутся. Слѣзъ онъ съ своей лошаденки и пустилъ ее тутъ-же траву щипать; а самъ прилежъ отдохнуть. Не долго прошло, изъ шатровъ выходятъ два старыхъ-престарыхъ богатыря; посмотрѣли на мужичка, усмѣхнулись и сѣли тутъ-же, неподалеку.

И говоритъ одинъ богатырь другому:

— Прошли,—говоритъ,—богатырскія времена, Ильюха! Что за народъ нынче на свѣтъ родится!... Посмотри-ка, вонъ: мужичонка какой!... Что твой комаръ. Взялъ его на ладонь, да прихлопнулъ—такъ только мовренъево останется.

Рѣчь эта была обидна для Өомки, но онъ смолчалъ.

И говоритъ другой богатырь:

— А что,—говоритъ,—Алеша,—много ты этакихъ за одинъ приѣмъ уберешь?

— Да какъ махну,—отвѣчаетъ тотъ,—такъ штукъ пятьдесятъ за разъ уберу.

Не вытерпѣлъ этого Өомка:

— Почто,—говоритъ,—вы, старые богатыри, меня, юнаго, обижаете? Вы силы моей не извѣдали, а если хотите извѣдать, то чѣмъ на словахъ похваляться, испытайте лучше меня на дѣлѣ.

— Хорошо,—говоритъ Алеша,—давай, кривой богатырь, силу пробовать.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ Ѡмка.—Я на тебя, Алеша Поповичъ младъ, и на тебя, дѣдушка Илья Муромецъ, руки не подниму: потому не приходится дѣтямъ своихъ отцовъ волотить. А если хотите силу мою узнать, то возьмите меня съ собою на подвиги ратные, на поприща богатырскія. Пригожусь—сами спасибо свяжете; а не пригожусь—наплюйте вы мнѣ въ лицо и прогоните.

Приздумались старые богатыри; смотрять на мужичка, дивятся: откуда у него такая прыть?

И вотъ, говоритъ Илья Муромецъ:

— А что,—говорить,—Алеша, возьмемъ ужъ его съ собою, таъ и быть. Съ виду онъ точно что плоховать, да съ виду не всякаго разберешь.

— Хорошо,—говорить Алеша,—возьмемъ.

И положили они промежь себя уговоръ: Ѡмкѣ ѣхать за старыми богатырями слѣдомъ и служить имъ покуда конюхомъ. А если дѣло какое встрѣтится, то пускать его въ дѣло перваго. Годенъ окажется—принять его нарѣченнымъ братомъ и считать младшимъ богатыремъ; а негоденъ—прогнать.

Порѣшили на томъ и уѣхали.

IV.

Ѣдутъ богатыри на своихъ богатырскихъ коняхъ, а Ѡмка за ними, на своей хромой влячѣ—трюхъ, трюхъ... едва поспѣваетъ.

Подѣзжаютъ они въ городу Угличу; а въ городѣ Угличѣ страхъ и смятеніе неописанное. Поселился въ дремучемъ лѣсу, у самаго города, басурманъ—шестиглавый змѣй и губить христіанскій народъ во множествѣ неисчислимомъ.

Какъ услышали это богатыри, сейчасъ поѣхали въ лѣсъ, и, по слѣду змѣиному, отыскиали его вертепъ. Глядятъ: изъ вертепа выходитъ чудище нечестивое о шести головахъ и каждая голова съ пивной котель.

— Ну, Ома, — говоритъ Илья Муромецъ, — вотъ тебѣ и работа. Коли жизнь не красна, смерть не страшна, то выходи ты, по уговору, первый супротивъ этого змѣя и ратуй его; а мы посмотримъ; если онъ станетъ одолѣвать, тогда сами примемся.

Но Омка только того и боялся, чтобъ старики какъ-нибудь безъ него не покончили. Вышелъ онъ смѣло впередъ и сталъ заряжать свою пушталку; а змѣй-то, завидѣвъ его, кривого, какъ прыснетъ со смѣху:

— Пошелъ прочь! — говоритъ, — шутъ ты этакой! Не хочу я съ тобою и рукъ марать!

— Ну, ничего, — отвѣчалъ Омка. — Я тебя, любезный, не задержу.

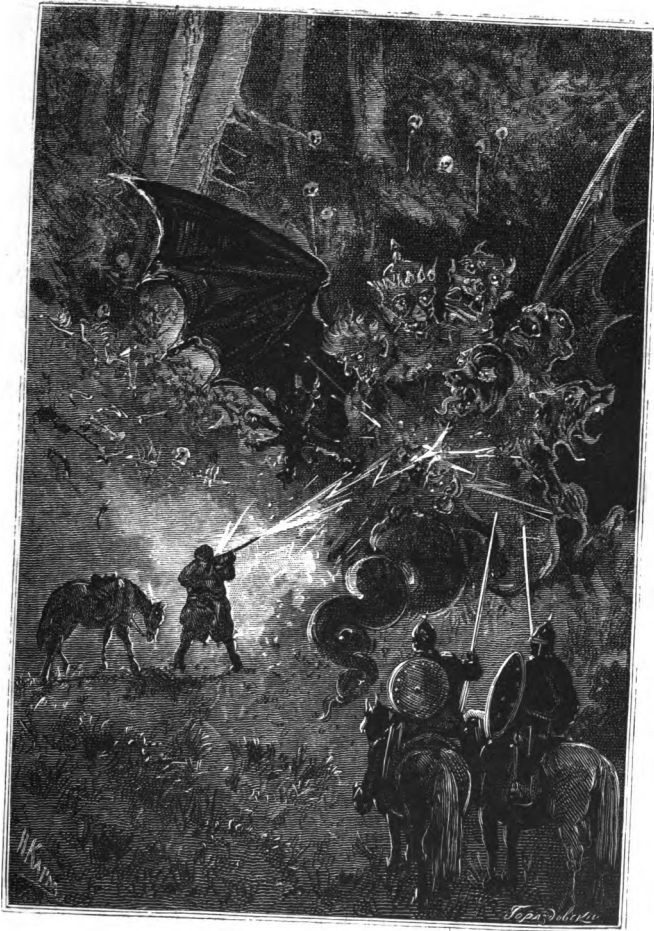
Сейчасъ прицѣлился да какъ грянетъ... Освѣтилось все мѣсто битвы; по лѣсу пошелъ гулъ раскатами и огненная стрѣла, ослѣпляя глаза яркимъ блескомъ, ударила въ змѣя. Только его и видѣли. Разорвало его, бѣднягу, всего на куски, и тѣ куски не то спалило, не то раскидало по лѣсу.

Богатыри стоятъ, смотреть... понять не могутъ, что это такое было?... Смотрѣли, смотрѣли, пожали плечами, да и поѣхали прочь. Омка за ними. И вотъ слышитъ онъ, богатыри говорятъ между собою тихонько.

— Ну, что, Ильюша?

— Да что, Алеша! я, братецъ, правду люблю говорить. Въ жизнь свою не случалось такъ чисто покончить дѣло!

И вернулись они въ городъ Угличъ, гдѣ люди, узнавъ, кто одержалъ побѣду, не захотѣли и вѣрить старымъ богатырямъ; думали, что это они вдвоемъ убили змѣя, и

CTPH. 186

To view
Abstracts

только изъ милости уступаютъ Оомѣ всю честь. А впрочемъ приняли всѣхъ троихъ съ великимъ почетомъ.

V.

Послѣ того назвали богатыри Оому своимъ меньшимъ братомъ и стали честить какъ ровнаго.

И ѣздили они долго, втроемъ, сперва по святой Руси, а потомъ и по разнымъ краямъ чужеземнымъ. И было у нихъ за это время работы не мало. Попадались имъ великаны и въ три сажени, и въ семь, и въ десять; и змѣи разнаго сорту, то о шести, то о двѣнадцати головахъ, а то и болѣе; и Эфіопскіе короли съ несмѣтными ратями, и Турецкіе, и Татарскіе, и Китайскіе витязи,—и противъ всѣхъ ихъ по уговору выходилъ Оома первый. Выйдетъ, живо дѣло все самъ покончить, а два старшіе богатыря поглядятъ, да, потупивъ голову, и поѣдутъ прочь.

И вотъ стали старые богатыри призадумываться. Видятъ: дѣла имъ никакого нѣтъ, всю работу Оомка себѣ забралъ; а и просить-то его, чтобы уступилъ, не смѣютъ, боятся, что стары ужъ стали очень и, чего добраго, еще передъ нимъ, молодымъ, острамятся.

Стали они объ этомъ промежъ себя разговаривать. И вотъ, говорить Илья Муромецъ:

— А что, Алеша, вѣдь, дѣло-то наше дрянъ! Составились мы, да и время-то богатырское, знать, миновалось. Не нужны стали теперь богатыри. Съ этой пушчалкою; что у Оомки, всякая баба выйдетъ противъ тебя и ничего ты съ ней не подѣлаешь.

— Да,—отвѣчаетъ Алеша Поповичъ младъ.—Я, братецъ Ильюха, и самъ такъ думаю. Довольно ужъ мы съ

тобой покрутили міромъ. Пора и честь знать! Поѣдемъ-ка на покой.

И вотъ простились богатыри съ своимъ нареченымъ братомъ Оомою и уѣхали во-свояси.

А Оомка, тою порой, гостилъ во дворцѣ у какого-то короля заморскаго, и слава о немъ успѣла уже пройти по цѣлому свѣту.

VI.

Сидитъ Оомка у короля, въ его золотомъ чертогѣ; а король-то и говоритъ ему:

— Скажи,—говорить,—мнѣ, Оома, по правдѣ: отчего старые богатыри уѣхали?

И отвѣчаетъ ему Оома:

— Скажу я тебѣ, государь, по правдѣ: старые богатыри обижаются, что имъ возлѣ меня, молодого богатыря, совсѣмъ дѣлать нечего.

Выслушалъ это король, самъ глядитъ на Оому, усмѣхается.

— Послушай, Оома,—говорить,—вѣдь ты врешь?

— Нѣтъ,—говорить,—не вру.

— Нѣтъ, врешь. Меня, братецъ мой, не обманешь. Ты вотъ говоришь: „богатырь“; а если по правдѣ сказать, какой ты богатырь? Отъими у тебя пуцалку да стрѣлы, такъ тебя всякій дворовый пѣтухъ загоняетъ.

Оомка обидѣлся.

— Нѣтъ,—говорить король,—ты этимъ, любезный, не обижайся. А ты мнѣ вотъ что скажи. Вѣдь, этакую пуцалку, какъ у тебя, всякій кузнецъ можетъ сдѣлать?

— Да,—отвѣчаетъ Оома,—можетъ; а стрѣлы-то ты

откуда возьмешь? Безъ стрѣлъ, съ одною пушчалкою ничего не подѣлаешь.

— А вотъ,—говорить король;—я къ тому и веду разговоръ. Ты, Оома, парень не глупый; самъ можешь повяты, что славы твоей не убудеть, если ты мнѣ откроешь: откуда ты эти стрѣлы берешь; и выучишь моихъ мастеровъ этому дѣлу стрѣлецкому. А если,—говорить,—ты это сдѣлаешь, то будетъ тебѣ отъ меня за это награда такая, о какой ты и не думаешь. Богатыремъ я не могу тебя сдѣлать, конечно, да мнѣ и не нужны богатыри; но сдѣлаю тебя генераломъ и отдамъ тебѣ все свое войско въ команду, и для этого войска мы закажемъ пушчалки, и ты будешь его учить своему стрѣлецкому ремеслу. А когда ты все это выполнишь, тогда я отдамъ за тебя свою дочь и съ нею полцарства въ приданое.

Польстился Оома на такую великую честь и открылъ королю свое дѣло тайное, свое мастерство стрѣлцкое. И сдѣлалъ король его генераломъ, а старыхъ своихъ богатырей уволилъ въ-чистую. Не нужны стали они ему съ тѣхъ поръ, какъ все войско было вооружено пушчалками и всякій солдатъ могъ сдѣлать тоже, что Оомка дѣлалъ. И сталъ Оомка знатнымъ бояриномъ, и сталъ король выдавать за него свою дочь, а за дочерью отводить полцарства въ приданое.

И вотъ ѣдетъ Оома съ королевскою дочерью подъ вѣнецъ. Ѣдутъ они въ золотыхъ колесницахъ. По дорогѣ войско стоитъ въ два ряда; народъ толпится, шапки бросаютъ къверху, кричатъ: „ура!“ По всему городу празднѣе, въ колокола звонятъ... А по небу между тѣмъ поднимается черная туча. Остановилась она надъ самымъ вѣнчалнымъ поѣздомъ, да вдругъ кâкъ шаракнетъ!... Разорвало ее, словно платокъ, на два куска, и

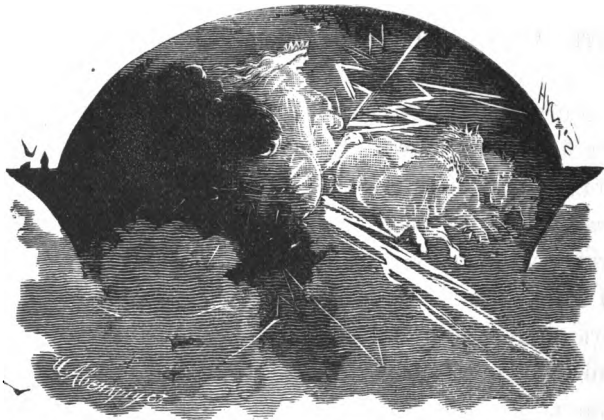
изъ прорѣхи вылетѣла царица Маланья во всей лучезарной своей красотѣ. Она была въ огненной колесницѣ, на вороныхъ коняхъ, и на темныхъ ризахъ ея свѣтилось кровавое зарево. Грозно глянула она на Оому:

— Стой! Оомка-воръ! Ты стрѣлы мои укралъ, ты тайны мои извѣдалъ и по свѣту разгласилъ. Я тебѣ этого не прощу! На вотъ, отвѣдай-ка эту стрѣлку!...

Сказавъ это, царица взмахнула высоко бѣлой рукой и пустила въ него стрѣлу лучезарную...

Тяжелый громовой ударъ грянулъ надъ самую голову жениха. Кони его попадали. Народъ столпился вокругъ его золотой колесницы... Глядятъ: а бѣдный кривой богатырь—лежить въ колесницѣ—мертвый.

Н. Ахшарумовъ.

Что говорить керосинъ въ горячей лампѣ.

Вечеръ. На столѣ горитъ лампа. Четырнадцатилѣтній мальчикъ, который не мало читалъ, сидитъ одинъ въ комнатѣ у стола надъ развернутою книгою; засмотрѣлся на лампу и задумался. Керосинъ, пожившій-таки на свѣтѣ не мало ранѣе, чѣмъ попалъ въ лампу, рассказалъ ему кое-что занимательное.

Давно, очень давно, одной частичкѣ солнечнаго свѣта очень захотѣлось попутешествовать; она давно уже была на солнцѣ и ей хотѣлось узнать, что дѣлается въ другихъ мѣстахъ. Однажды она отторглась отъ солнца и полетѣла съ непостижимою быстротою, скорѣе курьерскаго поѣзда желѣзной дороги, такъ скоро, какъ молнія; только слѣдъ ея означился солнечнымъ лучемъ. На пути свѣтъ встрѣтилъ землю. Тогда на землѣ еще не было людей, не было дѣтей, съ которыми солнечный лучъ могъ бы играть въ зеркальные зайчики или въ ручныя тѣни на стѣнѣ. Лишь плоскій островъ виднѣлся изъ моря; большіе

крокодилы и огромныя ящерицы ползали по немъ. Деревья простирали свои вѣтви къ небу, какъ руки. Листья тогда, какъ и теперь, жадно впивали свѣтъ, такъ жадно, какъ грудныя дѣти пьютъ матернее молоко.

Птицы въ томъ мѣсу еще не пѣли; въ немъ было смирно и тихо. Игръ бабочекъ тоже не было; не было еще ни одного распускающагося яркими красками цвѣтка. Солнечный свѣтъ усѣлся на зеленомъ листѣ дерева. Его клонило ко сну, и онъ улегся въ зеленомъ листѣ, какъ дитя въ колыбельѣ. Вѣтеръ укачивалъ его. Когда листъ завялъ и готовъ былъ отпасть, свѣтъ спрятался въ дерево и продолжалъ спать въ немъ, какъ твердость въ желѣзѣ.

Дерево состарилось и упало. Оно лежало въ сырой болотной почвѣ и отдыхало отъ своей работы. Его древесина обратилась въ черный камень, каменный уголь и домонить (богетъ). Постелька его была въ листьяхъ зеленая, въ деревѣ бурая, въ каменномъ углѣ блестяще-черная. Въ одной спалось также хорошо, какъ въ другой.

Волны морскія засыпали пескомъ, глиною и землею окаменѣлые стволы. Рыбы подъ ними рѣзво плавали. Раки ползали поверхъ. Морскія улитки садились на песокъ въ своихъ раковинахъ. Волны морскія замыли еще болѣе песку и глины поверхъ каменнаго угля и погребли его подъ высокими холмами.

Холмы медленно поднимались со дна моря и все болѣе и болѣе высились. Изъ каменнаго угля въ глубинѣ, отъ внутренняго жара земли, вытекла нефть, петролеумъ. Свѣтъ, бывшій солнечный лучъ, все еще лежитъ и дремлетъ, но уже въ жидкой нефти.

Такъ прошли вѣка. Наконецъ пришли люди—рудокопы; длиннымъ буравомъ просверлили въ горѣ дырку—

CFPH. 192.

TO THE
MEMBERS OF THE
LEGISLATIVE ASSEMBLY

колодезь, и нефть по трубѣ побѣжала къ рабочимъ. Они наполнили ею сосуды, очистили ее, нагрузили на барки и корабли, и переслали водою къ намъ. Купецъ продалъ немного очищенной нефти мамашѣ, подъ названіемъ *керосина*. Эту нефть налили въ лампу. По свѣтильнѣ она поднялась до самой горѣлки. Зажженную спичку поднесли къ горѣлкѣ; она нагрѣла керосинъ. Свѣтъ, давно, давно спавшій, мгновенно проснулся—просвѣтлѣло! Солнечный лучъ высвободился изъ керосина и цѣлый длинный зимній вечеръ свѣтилъ въ комнатѣ. Онъ освѣщаетъ и эти строки и.....

— Володя! что такъ задумался? У тебя большой урокъ къ завтрашнему дню!—

Ю. Симашко.

Вавило.

(Подборъ народныхъ примѣтъ.)

аль мужику Пантелѣю съ женою его Настасей Господь сына. Нарекли мальчика Вавилой.

По всѣмъ примѣтамъ, Вавило долженъ былъ быть въ жизни счастливъ. Родился онъ съ родинкой на такомъ мѣстѣ, что самому ему видѣть ее никакъ нельзя было, — на спинѣ, а родинка на такомъ мѣстѣ въ добру. Притомъ же, Вавило и на мать походилъ, что также въ счастье.

Не надышутся, не налюбуются отецъ съ матерью на своего Вавилушку: одинъ только ребенокъ у нихъ и есть. Примѣты-то хорошія, а все какъ-то боязно: долго ли до грѣха? Пуще всего боялась Настасья, чтобы ребенка не сглазили, и потому, тотчасъ по рожденіи, надѣла ему на шею мѣшечекъ съ мыломъ. Чтобы онъ грозы не боялся и умѣлъ хорошо плавать (деревня на рѣкѣ стояла, и Пантелѣй занимался рыбацествомъ), она нарочно приберегала для сына хлѣбъ, пока не заплеснѣетъ, и этимъ плесневымъ хлѣбомъ кормила иногда Вавилу. Чуть случится

ребенку, играя на пескѣ, наступить на чужой слѣдъ, Настасья уже заботливо кричитъ ему: „Не ступай, родненькій, на чужой слѣдъ: ножки болѣть будутъ.“ Случись ребенку плюнуть направо, мать тотчасъ-же остановитъ его: „Не плюй направо: тамъ ангель-хранитель; плюй налево: тамъ дьяволъ.“ Всякій же разъ, когда Вавилушеѣ зѣвалось, Настасья спѣшила перекрестить сынку ротъ, чтобы его не перекосило. Она заботилась даже и о будущей жизни своего Вавилушки, и, чтобы ему было чѣмъ карабкаться въ царство небесное,—остригая ему ногти, складывала и хранила обрѣзки; а когда онъ сталъ входить въ разумъ, отдала ихъ на храненіе самому Вавилѣ, строго-на-строго наказывая, не потерять ихъ.

Принимала она свои мѣры и насчетъ лѣшаго: когда мальчикъ отправлялся въ лѣсъ за грибами, она заставляла его вывернуть на себѣ рубашку, чтобы лѣшій не обошелъ. О лѣшихъ, русалкахъ, бабѣ-ягѣ и домовыхъ Настасья рассказывала неустанно и охотно, и напугала мальчика до такой степени, что, бывало, въ сумерки, ребенокъ, то и дѣло, вздрагиваетъ, да озирается. Ничего, конечно, никогда не видалъ онъ; однако, матери вѣрилъ. Услышавъ отъ нея, что домового можно увидѣть въ свѣтлую заутреню, въ хлѣву, въ заднемъ углу, Вавило прокрался-было разъ, въ это время, на дворъ, но не смогъ осидить своего страха, да такъ, не провѣривъ рассказа, и вернулся опять въ избу. Внимательнѣе прежняго сталъ онъ слушать рассказы матери и спрашивать ее о томъ, каковы всѣ эти чудища, и откуда они берутся. Ну, ихъ наружность Настасья описала довольно подробно; а о происхожденіи ихъ могла сказать только одно: „Чортъ кремень о кремень ударилъ, и посыпались домовые, лѣшіе, русалки и бабы-яги.“

Бывали, однако, на возрастѣ Вавилы случаи, которые могли бы, кажись, поколебать его вѣру въ эти рассказы и примѣты. Случилось, на примѣръ, вотъ что. Когда Вавилушкѣ было уже лѣтъ эдакъ двѣнадцать, построилъ Пантелѣй себѣ новую избу. Подъ уголъ ея положили деньги для богатства, шерсть для тепла и ладонъ для святости. Для тепла же печь ставили въ самое полнолуние. Чтобы обезопасить избу отъ клоповъ, Настасья положила въ нее, потихоньку, землю изъ-подъ первой весенней сохи, а чтобы сына не кусали блохи, при первомъ соловьѣ, скинула съ Вавилушки рубаху. Однако, не смотря на всѣ эти мѣры, богатства въ семьѣ не прибавилось, въ плохо-конопаченной избѣ тепло не держалось, а что до клоповъ и блохъ, то они въ первую же ночь жгли Вавилу, какъ крапивой. Таракановъ же, которыхъ Настасья не разъ переволакивала въ лаптѣ черезъ порогъ,—и въ старой избѣ, и въ новой было видимо-невидимо.

На другой годъ по переходѣ семьи въ новую избу, слышитъ разъ Настасья, что дворовый песъ, Волчокъ, такъ и воетъ, такъ и воетъ. Испугалась Настасья; но, зная отъ старыхъ людей, что въ этомъ случаѣ нужно перевернуть у себя подъ головой подушку, сказавъ: „Вой на свою голову“, тотчасъ же сдѣлала это. Однако Волчокъ не унялся. „Ну,“ думаетъ Настасья, „быть покойнику въ домѣ.“ Лѣзетъ на утро Настасья съ печи, а у самой сердце не на мѣстѣ. Все вой проклятый изъ ума не выходитъ. Лѣзетъ, да и задѣнь ногой за кирпичъ, который бы ужъ давно надо было поврѣиче приладить къ печи. Отставшій кирпичъ и упалъ. А известное дѣло: коли кирпичъ изъ печи выпадетъ, быть бѣдѣ. Еще пуще авручинилась Настасья, и стала припоминать, не было

ли еще у ней оволо того-же времени другихъ какихъ дурныхъ предвѣстій? Думала, думала, да и вспомнила, что на прошлой недѣлѣ къ хвосту ея любимой курицы, чернушки, соломина пристала, что прямо предвѣщало покойника. Бродить Настасья сама не своя, ждетъ бѣды. Однако проходитъ день, другой, ничего. Вотъ и страстная прошла, Настасья самый на себя строгій постъ наложила, цѣлую недѣлю не только мяса, да и рыбы не ѣла; одной рѣдкой да лукомъ питалась. Прошла страстная, пришла красная пасха. Настасья ободрилась. „Ну, думаетъ, коли бы что стряслось, такъ ужъ давно бы стряслось. Авось, такъ пройдетъ! Богъ грѣхамъ терпитъ.“ Разговѣлась Настасья; но разговѣлась, зная, ужъ слишкомъ усердно. Подступило, подвалило подъ сердце, такъ, что Настасья слегла. Припомнились ей всѣ примѣты. „Смерть, говоритъ, моя пришла.“ Совсѣмъ умирать собралась; всѣ свои пожитки, кому что послѣ ея смерти отдать, распредѣлила. Анъ, вышло иначе. Пролежала Настасья деньковъ съ пятокъ, поохала, постонала, да и встала.

Въ другой разъ, въ четвергъ, день легкой, Пантелѣй съ другими рыбаками поѣхалъ на озеро рыбу ловить. Примѣты и встрѣчи все были хорошія. Лошадь такъ и фыркала къ радостной встрѣчѣ; въ ногѣ у Настасьи свербило — къ радостной вѣсти; Вавилушка поперхнулся и самъ себя оплевалъ, — къ обновѣ. Однако, не только уловъ вышелъ плохой; да еще самъ Пантелѣй поскользнулся съ берегу и упалъ въ воду. Ребята вытащили. Но дѣло было осенью; время холодное. Ѣхалъ Пантелѣй домой, ничего; а пріѣхалъ, да къ ночи и разнемогся. Бросаетъ его то въ ознобъ, то въ дрожь. Поила Настасья Пантелѣя виномъ, настоеннымъ на ракъ, заговаривала и лихорадку: „Приходи, шепчетъ, Марья Иродовна, вчера.“ А Панте-

лѣю все хуже да хуже. Цѣлый день трасеть его лихорадка. Обезсилѣлъ въ нѣсколько дней такъ, что ужь и повернуться не можетъ. Наконецъ сталъ терять память. Стоитъ Настасья надъ мужемъ да ломаетъ голову, чѣмъ бы ему, голубчику, пособить. Сказали ей люди добрые, что нужно больному отъ лихорадки черепъ лошадиный подъ изголовье положить. Побѣжала Настасья въ ближній лѣсъ, гдѣ намедни кости лошадины видѣла; да пока бѣгала за черепомъ-то, прибѣгаетъ домой, подходит къ больному, а онъ ужь и не узнаётъ ея. Въ обѣдъ другаго дня Пантелѣй Богу душу и отдалъ. Не помогъ даже ножъ, который Настасья положила на столъ, для острастки смерти. Хорошо еще, что не забыла, при кончинѣ мужа, поставить на окно воду, чтобы обмылась, вылетая изъ тѣла, мужнина душа, а на углу избы, снаружи, вывѣсить полотенце, чтобы душѣ было чѣмъ утереться.

Кажись, могъ бы Вавило понять изъ этихъ двухъ случаевъ, что примѣты ничего не предвѣщаютъ. Нѣтъ, хочется человѣку предвидѣть будущее; разгадать же не почему; вотъ и вѣрится ему въ примѣты. Хочется ему также имѣть будущее въ своей власти, и зачуривается онъ, и прибѣгаетъ къ разнымъ заговорамъ.

Пошли на семью Пантелѣя бѣды. За смертью хозяина стряслось и другое горе. Лѣто, послѣдовавшее за похоронами, стояло очень жаркое, и, почитай, цѣлый мѣсяцъ не было дождя. Ввечеру въ Ильинъ день разразилась надъ деревней гроза. Молнія ударила въ овины, что близъ крайней избы стоялъ, и зажгла его. Переполошилась вся деревня. Бѣгутъ и мужики, и бабы къ овину, кричатъ, суетятся безъ толку, а заливать и не думаютъ: „Божій огонь грѣшно гасить!“ Между тѣмъ поднялся вѣтеръ и перекинулъ огонь на ближайшую къ овину избу.

CTPH. 199.

TO THE
ADMINISTRATOR

Тутъ ужь рѣшились и заливать. Но, думаютъ, пожаръ отъ молніи водой не зальешь. Вотъ, кричатъ, что пожаръ отъ грозы можно залить молокомъ черной коровы. Бѣгутъ на другой конецъ деревни: у мужика Прокла черная корова есть. Да на бѣду все молоко еще съ утра выпили: доить надо. Начали доить корову и перепугали ее крикомъ. Та вырвалась, выбѣжала со двора, увидѣла пламя, перепугалась еще пуще, и въ поле. Мужики за ней, ловятъ корову... Одинъ мужикъ между тѣмъ посовѣтывалъ гасить пожаръ квасомъ, пивомъ, молокомъ и яйцами.

— Самая,—кричить,—братцы, вѣрная вещь!

Тащатъ и пиво, и квасъ, и молоко, и яйца, валятъ все это въ огонь, а онъ все пуще разгорается. Кто-то бѣжитъ съ яйцомъ въ рукахъ:

— Пустите, братцы, черезъ пожаръ перекинуть, погаснетъ: я яйцомъ впервые у заутрени въ нонѣшнюю пасху похристосовался!

— Кидай,—кричатъ,—кидай!

Мужикъ бинулъ яйцо, но не перекинулъ черезъ пламя. Толпа вышла изъ себя, и осыпала мужика бранью.

— Лучше бы ужь не брался, коли не умѣешь,—кричатъ ему:—вотъ теперь не перекинулъ, хуже и разгорится!

И вправду, пламя, разносимое вѣтромъ, охватило нѣсколько слѣдующихъ избъ, а наконецъ и избу Настасьи, которая до тѣхъ поръ оставалась довольно спокойной и почти не выбиралась, потому что подъ ея кровлей водились голуби, а подъ чьей избой голуби водятся, у того изба не сгоритъ. Пожаръ былъ, наконецъ, залить проливнымъ дождемъ. Настасья, съ сыномъ, поселилась у своихъ родичей, и, мыкая горе, не переставала упрекать себя въ

томъ, что не уложила всего добра своего передъ пожаромъ, тогда какъ видѣла, что за долго передъ Ильинымъ днемъ у нея нѣсколько таракановъ изъ избы ползли.

Такъ-то научился Вавилушко у матушки вѣрить всякимъ примѣтамъ да встрѣчамъ, да рассказямъ о чудищахъ и дивахъ. Выросъ онъ мужикомъ примѣтливымъ, не плоше отца съ матерью.

Возьмемъ на удачу одинъ денекъ изъ его жизни. Посмотримъ, какъ онъ его проводитъ. Проснулся утромъ Вавило и ощупалъ, что у него во время сна губа вспухла. „По мѣсту, думаетъ, добрый знакъ: въ губу благая муха кусаетъ.“ Но тутъ-же въ ногахъ кошку ощупалъ, и осерчалъ. „Брысь, проклятая, брысь! Ишь, куда забралась! Теперь поспалъ съ кошкой, лягушки еще въ головѣ заведутся.“ Кошка, прыгнувшая между тѣмъ съ печи, какъ-будто въ отвѣтъ на его слова, чихнула. Вавило, какъ ни сердается на нее, а все-таки ей на чихъ „здравствуй“ говоритъ, чтобы голова не болѣла. Но время вставать; обуваться надо. Хотѣлъ-было лѣвую ногу прежде правой обуть, чтобы зубы не болѣли, да вспомнилъ слышанное наканунѣ отъ пономаря, что лѣвую ногу прежде правой обувать грѣхъ, и рѣшилъ: „Пусть лучше зубы болятъ, чѣмъ грѣхъ сотворить.“ Обулся, слѣзъ съ печи правою ногою, чтобы не встать лѣвой и себѣ дня не испортить. Одѣваться началъ: „Тыфу, ты пропасть: порты наизнанку одѣлъ! быть сегодня либо пьянымъ, либо битымъ.“ Умылся, вытерся полотенцемъ, которымъ только одинъ и утирался, чтобы съ кѣмъ-нибудь на томъ свѣтѣ не разодратся, помолился Богу, сѣлъ къ столу, поѣлъ и раздумываетъ. „Какой бы сегодня день былъ? не то понедѣльникъ, не то вторникъ. Коли вторникъ можно рыбу ловить, — день легкій, а коли понедѣльникъ — тяжелый:

нельзя.“ Однако, выходить вторникъ; значить, можно рыбу ловить; отъѣзжать только въ дорогу по вторникамъ никакъ нельзя. А ему нужно было въ городъ на продажу рыбу везти. „Ну, думаетъ, дѣлать нечего, завтра свезу; а сегодня пойду на рѣку рыбу удить.“ Потянулся Вавило еще разъ, зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ, какъ мать учила, и собрался молочка попить. Смотрить, муха въ молоко попала. „Ничего, думаетъ: муха къ подарку.“ Поперхнулся какъ-то хлѣбомъ. „Тоже, думаетъ, ничего: гость спѣшить; милости просимъ.“ Выпилъ молоко, закусилъ ворочкой хлѣба, для счастья, закрылъ кринку лучинкой, чтобы въ нее бѣсъ не засѣлъ, и сталъ собираться на рѣку. Въ это время у него въ носу засвербѣло, а потомъ зачесался и носъ, и глазъ правый. Повеселѣло на сердцѣ у Вавилы. „Ну, говорить себѣ, добрыя у меня сегодня примѣты. Глазъ правый чешется—къ радости, носъ—въ рюмку глядѣть...“

Вотъ, выходить Вавило на дворъ, веселый такой,—сейчасъ видно, что правой ногой всталъ,—обошелъ лежавшее у избы помело, чтобы судороги не потянули, и вышелъ за ворота. А навстрѣчу ему дѣвка съ пустыми ведрами: съ полными бы ничего—къ добру; а съ пустыми—къ худу. Вавило смутился, но идетъ дальше. Только на ходу заглянулъ въ окно; видитъ, бабы прядутъ. „Ну ужъ теперь ворочусь: коли увидишь въ окно, что бабы прядутъ, всегда воротиться надобно. Бѣсъ его знаетъ, что еще на дорогѣ будетъ: и хорошія сегодня примѣты да встрѣчи, и худыя.“ Идетъ назадъ и вспоминаетъ, что не всѣ уды съ собой захватилъ. „Вотъ, оно, думаетъ, и хорошо, что воротился: и тѣ уды съ собой захвачу.“ Приходить опять въ избу, ищетъ, ищетъ удочекъ; сгнули, да и только, а тутъ въ избѣ были. Ва-

вило поискалъ, поискалъ и рѣшился перевязать чорту бороду, для чего нужно завить ножку стола платкомъ, говоря: „Чортъ, чортъ, поиграй, да опять отдай.“ Только что перевязалъ, глядь, а поплавки висятъ тутъ-же, гдѣ онъ ихъ вчера повѣсилъ, у печи въ углу. „Вотъ, вѣдь, нечисть какая,—говорить Вавило,—играть тоже вздумала!“ и вышелъ снова на улицу. На этотъ разъ встрѣча была добрая: та-же дѣвка возвращалась съ полными ведрами. Конечно, Вавило въ окно больше не заглядывалъ, и потому не видѣлъ прывшихъ бабъ. Повеселѣлъ Вавило и, замѣтя, что у прошедшей мимо дѣвки подолъ въ грязи, даже шутливо закричалъ ей, что у нея мужъ будетъ пьяница. Придя къ рѣкѣ, онъ увидѣлъ у товарищей уже большой уловъ раковъ, что предвѣщало хорошій уловъ рыбы. Вавило просіялъ и привязалъ свои удочки. Закинулъ вдвоемъ неводъ; но неводъ принесъ только ерша. А ершъ въ первомъ заловѣ къ неудачному промыслу. Запечалился Вавило, забрасываетъ въ другой разъ; опять мелкая рыба попалась, и той немного. Чего, чего не дѣлалъ Вавило! И молитвы-то читалъ, и всячески старался на неводъ не ступать и не плевать; поднялся лавеко по рѣкѣ, съ другими рыбаками. Нѣтъ, во весь день наловилъ рыбы самую малость. Идетъ Вавило домой, повѣся голову; сѣлъ ужинать. Опять бѣда: приходится починать новый хлѣбъ, а солнце ужъ зашло: почнешь хлѣбъ на закатѣ, обнищаешь. И потому, собравъ, какія были, старья корки, пріѣлъ ихъ. Затѣмъ наскоро подмелъ на ночь избу, чтобы ангеламъ было чище прохаживаться, Вавило легъ спать. Но долго еще обдумывалъ онъ сегодняшнія примѣты, и окончательно убѣдился, что въ этотъ день ему, дураку, вовсе не слѣдовало ловить рыбу, а могъ бы онъ хоть неводъ чинить.

Не въ домекъ Вавилѣ, что какую бы примѣту ни выдумать, всегда найдутся случаи, въ которыхъ она оправдается, а запоминая ихъ и забывая другіе случаи, въ которыхъ примѣта не оправдается, непременно найдешь ее самою что ни на есть вѣрною.

В. Острогорскій.

В о л к ъ .

олодно волку, бродягѣ сѣ-
рому, голодно.

Гудить-завываетъ вѣтеръ
по лѣсу, замело снѣгомъ
проѣзжія дороги, засыпало
тропы пѣшеходныя, тол-
стою корою льда затануло
воды рѣкъ и озеръ. Загна-
ли морозъ и вьюги все жи-
вое доброе по крытымъ
дворамъ уютнымъ, по из-
бамъ теплымъ.

Бродить одинокій на волѣ, безъ крова и пріюта, только
сѣрый волкъ исхудалый. Черезъ чащи лѣсныя заиндевѣв-
шія, черезъ поля и луга опустѣлыя, изъ конца въ конецъ
гоняетъ его голодъ лютый, неотвязчивый.

Коротокъ зимній день, долга морозная, зимняя ночь... и ни днемъ, ни ночью нѣтъ покоя отоцалому бродягѣ. Гнететъ его одна забота, единое только помышленіе: чѣмъ бы раздобыться съѣстнымъ, чтобы хоть чуточку перехватить на голодные зубы, чтобы унять эту злую, болѣзненную рѣзь въ пустомъ желудкѣ, дотянуть, дожить кое-какъ до весны, до времени теплаго.

Бродитъ волкъ по снѣжнымъ сугробамъ, гдѣ шажкомъ, гдѣ рысцею, гдѣ въ припрыжку, да зубами пощелкиваетъ... Нѣтъ ему нигдѣ воровской поживы, нѣтъ нигдѣ куска хозяйскаго, для него припасенаго.

Медвѣдь, „старшой“ въ лѣсу звѣрь,—тотъ, небось, отбѣлся за лѣто, залегъ въ берлогу теплую и спитъ; зима ему не въ тягость, а въ отдохновеніе. Завела себѣ и лисица хитрая норку уютную... Кроты, сурки, суслики—вся эта мелочь полевая, всѣ по домамъ устроились и съѣстнымъ запаслись; заяцъ, на что дурачекъ, а и тотъ живетъ зиму пригѣваючи: бѣгаетъ себѣ въ теплой шубенкѣ, да молодья вѣточки оглаживаетъ. Одному волку не сладко живется зимою, на его только долю выпали всѣ напасти, всѣ бѣды времени зимняго.

И не найдется, знаетъ онъ, ни одной души доброй—кто бы пожалѣлъ его, кто бы протянулъ руку помощи, ужъ очень онъ всѣмъ досадить успѣлъ; некому, да и не за что, добромъ помянуть его, разбойника.

Вотъ ему теперь „овечьи слезки и отливаются“.

Выбрался волкъ на опушку лѣсную, перебѣжалъ открытый пригорокъ, въ лощину спустился, боязливо на свой собственный слѣдъ озирается, хвостъ поджалъ, словно это на него сзади дубиною замахнулся; шерсть волчья кло-чьями щетинится, глаза горятъ огнемъ лихорадочнымъ...

Тамъ, на выходѣ, по косогору, за березовую рощицею черябются избы деревенскія; огоньки въ окнахъ въ сумеркахъ свѣтятся; корова, слышно, мычитъ въ хлѣву; овцы блеять въ тепломъ загонѣ; бабы у колодца заспорили, ссорятся; мужикъ топоромъ звонко постукиваетъ, сани налаживаеъ... Не спитъ еще деревня,—знать, рано!

Ждетъ—не дождется волѣ часу ночнаго, позднаго, когда уgomонится народъ, завалится спать на печакъ да на лавкахъ; не забудетъ ли кто, оплошный, калитку гдѣ незапертую, подворотню неприваленную, не выбѣжить ли самъ собою теленочекъ глупый или другая какая-нибудь домашняя скотинка мелкая... Можетъ быть, пошлетъ Богъ, ему эту ночь посчастливится?

Ждетъ часъ, ждетъ другой, ждетъ терпѣливо, залегши въ сугробъ, и чутье прислушивается.

Вотъ и ночь желанная наступила. Крѣпнетъ морозъ, искрится снѣжное поле при лунномъ свѣтѣ, потухли въ окнахъ огни... Тихо кругомъ, безлюдно...

Тронулся волѣ съ мѣста и пошелъ въ обходъ, гдѣ что плохо лежитъ выглядывать... Только добѣжалъ до выгона—завыли по дворамъ псы деревенскіе, чуютъ гостя недобраго... „Валетки,“ „вущые,“ „Шарики,“ „Жучки“—всѣ на разные голоса заливаются: „не подходи, мошь, близко, хозяина съ дубиною вызовемъ.“

Тревожить, томить волѣа голоднаго это вытьѣ,—не по сердцу оно ему, какъ вору трещотка сторожа; злость разбираеъ, зубы острые дробь выколачиваютъ—эхъ-бы попалась ему теперь какая-нибудь собаченка досадливая, изъ-подъ воротъ бы, сюда, на просторное мѣсто высочила, не побрезговаль бы и собачьимъ мясомъ, за одинъ разъ и злбу-то свою, и утробу насытилъ-бы.

Хитры псы, сторожа деревенскіе, бывалые!

Ходить, бродить волегь всю ночь по-пусту, ходить, бродить да зубами пощелкиваеть.

Рано, до свѣту поднимается людъ деревенскій да за работу принимается. Уходить надо волку опять въ лѣсную трущобу по-добру, по-здорову... А голодъ пуще томить, словно ножами рѣжетъ волчьи внутренности... Отощаль, обезсилѣлъ бѣдняга, въ глазахъ круги пошли зеленые, еле-еле ноги переступаютъ, бредеть-спотыкается, да на ходу снѣгъ подхватываетъ воспаленною пастью.

Забрелъ въ вочкорнякъ, въ мѣсто глухое, завалился... заплакалъ бы, еслибы могъ, съ горя, да слезъ нѣту... Лежить, отъ холода ежится и думу думаетъ горькую:

„Тяжела моя жизнь бродячая, воровская, волчья! всему свѣту постылый, всякому врагъ заклятый, нѣтъ мнѣ за то ни покоя, ни радости... Помогъ бы только Господь до весны прожить—пойду свои грѣхи замаливать. Не трону никого—ни зубкомъ, ни коготкомъ, — ни овечки не трону, ни теленочка, ребенка малаго не обижу... Постъ на себя наложу, глазомъ искоса не взгляну на мясное... Нѣтъ, баста! плохо, неприглядно житье съ воровскою повадкою!...“

Чу!... Полозъ скрипитъ санный, колечко у дуги побрякиваетъ, лошаденка бѣжить бойко, чуетъ, знаетъ, волка, ушами прядеть, пофыркиваетъ.

Въ саняхъ баба сидитъ, съ головою тулупомъ покрывшись, дремлетъ, кобылкою не правитъ, сама, молъ, дорогу знаетъ до дому. За санями жеребеночекъ попрыгиваетъ маленькій, отъ матки отсталъ, звонко ржетъ,—и въ морозномъ утреннемъ воздухѣ колокольничьомъ его ржаніе разносится.

Откуда сила взялась у волка отоцалаго, забылъ и свое горькое покаяніе, вылетѣлъ стрѣлою на дорогу, впередъ забѣжалъ и припалъ въ кустахъ, выжидаячи.

„Бабу-то не трону“, смекаетъ про себя разбойникъ, — „ну ее! пожалуй, еще топоръ у ней припасенъ въ саяхъ; а вотъ этого отсталаго прыгунца попробую. То-то, думаю, онъ вкусный, кормленный!...“

Н. Карзинъ.

Сказка о пчелѣ Мохнаткѣ.

I.

О томъ, какъ Мохнатка на свѣтъ Божій вышла.

ъ саду—пчельникѣ, въ пчельникѣ — улья, въ ульяхъ — соты, въ сотахъ—ячейки, въ ячейкахъ — или медъ или крошечныя бѣлыя ячки; а въ ячкахъ?—Въ ячкахъ пчелиная *дѣтвѣ*, будущія пчелы. Лежать онѣ тамъ, какъ въ колыбелькѣ, тепло и мягко, спятъ крѣпко, крѣпко, не шелохнутся. Но вотъ очнулась одна малютка, зашевелилась; скорлупка яичная вкругъ нея лопнула,

распалась. И что же было тамъ?—Была не настоящая еще пчела, а *личинка*, маленькій бѣлый червячекъ

съ кольчатымъ тѣломъ и роговой головою. Только высунулась личинка изъ колыбельки, — взрослая пчела-няня ужь тутъ какъ тутъ, нажевала нѣжной, медовой жижи и вапаетъ хоботкомъ въ ротъ личинкѣ. Глокаетъ личинка и растетъ, и крѣпнетъ. Прошла недѣля — и пора ей *куколкой* стать, *окуклиться*. Выпустила она изъ нижней губы паутинку и давай обвивать вокругъ себя. Глядь — совсѣмъ завернулась, что въ одѣяльце, и не видать вовсе.

— Ишь, плутовка! въ *коконъ* завернулась, баиньки опять захотѣлось? — сказала пчела-няня. — Ну, ладно, спи на здоровье; да чтобы никто не мѣшалъ, пожалуй, еще сверху крышкой накроемъ.

Взяла воску, да и замазала ячейку. И спитъ *куколка* подъ восковою крышкой; спятъ рядомъ въ другихъ ячейкахъ другія *куволки*, которыхъ ихъ няни такими-же крышками накрыли.

Проходить опять недѣля, проходитъ другая. Вдругъ — стучь-стучь! Кто тамъ стучится, кто скребетъ? — А первая *куволка* послѣ долгаго сна первая же проснулась и вонъ хочетъ. Только она теперь уже не *куволка*, а настоящей пчелой стала, съ глазами и хоботкомъ, съ ножками и крыльями. Прокусила кусальцами крышку надъ собою, просунула вверхъ переднія ножки, уперлась задними въ дно ячейки — и выползла вонъ.

— А, здравствуй, милая! какъ спала? — сказала ей пчела-няня. — Да какая же ты мохнатая! Ну, значить, такъ тебѣ и быть *Мохнаткой*.

А маленькая пчелка была немногимъ развѣ мохнатѣе

другихъ; мы, люди, пожалуй, ее отъ другихъ бы и не отличили; но пчелы другъ друга сейчасъ въ лицо узнають. Такъ за молодую пчелвой имя *Мохнатка* на всегда и осталось.

Первымъ дѣломъ пчела-няня ее по-своему, по-пчелиному обмыла и причесала, т. е. попросту облизала и обдѣрнула кругомъ; потомъ повела къ медовому горшку и накормила золотистымъ медомъ. Когда-же Мохнатка накушалась всласть, и все тѣлце ея, и ножки, и крылья оттого окрѣпли,—пчела-няня вывела ее къ выходу улья, на летокъ. Солнце такъ ярко брызнуло въ глаза Мохнаткѣ, что она съ непривычки зажмурилась. Но потомъ, какъ приглядѣлась, даже пискнула отъ радости. Первый разъ въ жизни вѣдь видѣла она теперь и славную зелень кругомъ, и вверху чистое голубое небо. И было ей такъ тепло на солнышкѣ, и въ воздухѣ отъ деревъ и травъ пахло такимъ сладкимъ духомъ...

— Ишь, разнѣжилась! — сказала пчела-няня. — Что, небось, хорошо на свѣтѣ-то Божьемъ, а?

— Чудно!... Ай, да кто-же это?

Мохнатка страшно испугалась. Мимо шла какая-то двуногая громада. Пчела-няня весело разсмѣялась.

— Кого испугалась! — сказала она. — Да вѣдь это нашъ лучший другъ: хозяинъ нашъ, старикъ-пчелаякъ. Онъ и улей-то намъ построилъ, онъ и на зиму насъ, пчелъ, отъ холода въ погребъ укроетъ. Правда, къ осени немножко обидитъ: выкурить изъ улья дымомъ, да добрую половину сотъ себѣ вырѣжетъ. Но надо же и ему чѣмъ-нибудь поживиться: онъ трудится для насъ, мы для него. Его-то чтó бояться! Но есть у насъ, пчелъ, много настоящихъ враговъ... Поживешь—узнаешь; теперь же пока надо тебѣ еще свой домъ родной узнать. Пойдемъ, покажу.

И повела она Мохнатку по улью.

II.

О томъ, что увидѣла Мохнатка въ ульѣ.

Чего-чего не наглядѣлась Мохнатка въ ульѣ! Улей вѣдь все равно, что городъ: кругомъ деревянные стѣнки улья—городская стѣна; внутри—точно улица за улицей, домикъ у домика—ячейка у ячейки, всѣ шестигранныя и всѣ изъ чистаго воску. Только внутри ячеекъ не одно и то же: въ серединѣ улья, гдѣ потеплѣе,—дѣтская съ колыбельками и дѣтвой; по сторонамъ же до самой крыши—магазины да кладовыя съ собраннымъ медомъ. А ужъ народу-то, народу пчелинаго вездѣ сколько толчется—и не проберешься! Въ дѣтской надъ колыбельками ходять взадъ да впередъ пчелы-няни, кормять-холятъ молодую дѣтву. Въ нижнемъ, еще недостроенномъ кварталѣ работаютъ пчелы-плотники. Наѣдятся до-сыта меду и цвѣтна, влѣзутъ подъ потолокъ улья и, схватясь за ножки, висятъ цѣлыми гирляндами головой внизъ. Провиситъ пчела сутки—пропотѣеть, да не потомъ, а чистымъ, прозрачнымъ воскомъ,—и бѣжить къ недостроенному соту, отцѣпить съ себя лапкой восковой листочекъ, сунеть въ ротъ, пережуетъ въ комочекъ и прилѣпитъ куда нужно. Прибѣжить за нею другая пчела-плотникъ, прибѣжить третья, и десятая, и сотая, дѣлають то же, — и ростеть ячейка за ячейкой, и всѣ на одинъ ладъ, одна какъ другая. Вотъ такъ мастерицы! И безъ архитектора выстроить себѣ домъ на славу!—Межъ тѣмъ другія пчелы, *сборщицы*, побывали уже въ полѣ на цвѣтахъ, за провизией и наполняютъ пустыя ячейки сладкимъ медомъ; а плотники тутъ-же ихъ запечатываютъ воскомъ, чтобы дорогіе запасы

не скисли. Куда не оглянись — работа такъ и кипить. Мохнаткѣ даже стыдно стало.

— Всѣ-то трудятся; я одна безъ дѣла... — сказала она.

— Поспѣешь,—утѣшила ее пчела-няня.— Впрочемъ, есть у насъ и бѣлоручки, *трутнями* называются. Иди-ка за мной. Только чуръ, тише; народъ-то они важный, спѣсивый, шутить не любятъ.

Онѣ повернули въ новый кварталъ съ пустыми еще ячейками для будущей дѣтвы. Не прошли онѣ, однако, и пяти шаговъ, какъ попалась имъ на встрѣчу кучка трутней, длиннокрылыхъ, толстоузыхъ, и одинъ пресердито, густымъ басомъ, напустился на нихъ:—Вы куда! чего вамъ здѣсь нужно?

Не только Мохнатка, даже пчела-няня какъ-будто слегка обробѣла.

— Да мы только таеъ...—сказала она.—Нельзя-ли намъ, сударь, хоть глазкомъ однимъ на матушку-царицу взглянуть?

— Нельзя!—рѣшительно и строго прожужжалъ трутень.

— Сдѣлайте, ваше сіятельство, такую милость...

— Сказано: нельзя! Царица-матка теперь дѣломъ занята: яйца кладетъ. Шуга сказать: тысячи двѣ яицъ въ день! Чего стоите? Ну, пошли вонъ!

Няня вздохнула и дѣрнула Мохнатку за крыло.

— Нечего дѣлать,—сказала она,—пойдемъ!

На счастье ихъ царица-матка покончила только-что съ своимъ труднымъ дѣломъ: наклала двѣ тысячи яицъ, да еще десятокъ въ придачу. Изъ боковаго переулка раздался чудно-звонкій голосъ; трутни засуетились и загудѣли хоромъ: „Ура!“ Въ ту-же минуту выплыла изъ переулка

сама царица-матка. У Мохнатки даже дыханье спёрло. Царица была вдвое больше ростомъ противъ рабочихъ пчелъ; но въ то-же время она была стройна необычайно и царственно-величава.

Она милостиво вивнула нянѣ и Мохнаткѣ и скрылась во внутреннихъ покояхъ.

— Ужь подлинно царица!—сказала въ восхищеньи няня.—На нее хоть съ утра до вечера работай—не устанешь.

— Ахъ, да!—сказала Мохнатка, которая только теперь пришла въ себя.—Но что же я буду работать?

— Работа найдется,—сказала пчела-няня.—Въ полѣ летать тебѣ, дитя мое, еще рано. Но вотъ дѣтокъ кормить или соты строить тебѣ подь силу. Выбирай, что лучше хочешь?

— Дѣточекъ кормить! Вѣдь, это все равно, что въ куклы играть?

И пошли онѣ вмѣстѣ въ дѣтскую, и стала Мохнатка скоро няней—не хуже своей собственной няни.

III.

О томъ, какъ Мохнатка въ сборщицы попала.

Прошло уже нѣсколько дней, а Мохнатка такъ прилежно ходила въ дѣтской за молодую дѣтвой, что ни разу даже на летокъ прогуляться не вышла.

— Ты этакъ совсѣмъ изморишься, — сказала ей ея прежняя няня. — Пойди, погуляй, да и крылышки свои испробуй.

— Да я-же не умѣю еще летать? — сказала Мохнатка.

— Попытка не пытка; научиться же разъ надо.

— А если упаду?

— Такъ встанешь; да и не упадешь.

Мохнатка вышла на летокъ и замахала крыльями. Сама не зная какъ, она вдругъ поднялась на воздухъ. „Ай, упаду!“ Да нѣтъ, ничего, крылышки держатъ; только страшно какъ-то. Въ это время ее окликнула старая пчела-сборщица, пролетавшая мимо.

— Ишь ты, медвѣженокъ лохматый! — сказала старая пчела. — Что ты тутъ дѣлаешь?

— Гуляю, — отвѣчала Мохнатка.

— Гуляешь? сважите, пожалуйста! Когда другія сѣстры изъ силъ выбиваются, она гулять изволить, такая крѣпкая, здоровая, да еще съ такимъ славнымъ густымъ мѣхомъ, въ которому всякая цвѣточная пылинка сама собой пристанетъ! Ай, ай! Да тебѣ на роду написано сборщицей быть. Такъ и быть, возьму въ науку. Лети за мной, живо, живо!

Хоть старая пчела какъ-будто и бранилась, но она похвалила густой мѣхъ Мохнатки, и даже взялась учить

ее: значить, та все-же понравилась-таки ей. А ужь какъ сама-то обрадовалась Мохнатка—и сказать нельзя. Въ старшій классъ — въ сборщицы попала!

Старая пчела полетѣла впередъ такъ скоро, что Мохнатка чуть вслѣдъ поспѣвала. Но вотъ онѣ прилетѣли

на сѣновосный лугъ, на которомъ цвѣли всевозможные цвѣточки: лиловые и алые, желтые и бѣлые.

— Стой! прилетѣли!—прожужжала старая пчела, сѣла на душистый цвѣтокъ и вползла въ вѣнчикъ цвѣтка. Мохнатка—за нею.—Вотъ тутъ на днѣ медъ, видишь-ли?—сказала старая пчела.—Лижи язычкомъ; только чуръ—не глотай, а въ зобъ собирай. Вотъ такъ, смотри.

И, слизнувъ капельку меду, она передними лапками ее въ зобикъ себѣ толкнула. Мохнатка сдѣлала то-же.

— Молодцомъ!—похвалила ее старая пчела.—Но надо намъ и простаго хлѣба—цвѣтна съ собой захватить. Чтобы лучше приставалъ, вымажемся.

И, взявъ остатокъ меда, она вымазала имъ заднія лапки сперва себѣ, а потомъ и Мохнаткѣ.

— Ты хоть и мохната,—сказала она,—а къ меду все лучше пристанеть. Ну, теперь полѣзай за мной, да дѣлай опять то-же, что я.

Она вылѣзла изъ вѣнчика къ желтымъ пыльникамъ цвѣтка и стала продираться между ними. При этомъ она такъ ловко стряхивала съ пыльниковъ передними лапками цвѣтень на заднія лапки, вымазанныя медомъ, что всякая пылинка приставала къ нимъ. Мохнатка дѣлала то-же. Вдругъ какъ взглянетъ на старую пчелу, какъ оглядитъ себя—такъ и поватилась со смѣху: обѣ онѣ были точно въ желтыхъ бархатныхъ штанишкахъ!

— Развѣ не красиво?—сказала старая пчела.—Да долетишь ли ты до дому въ такихъ толстыхъ панталонахъ?

— Долечу!—сказала Мохнатка—и полетѣла. Тяжело-таки было ей съ непривычки, тяжеленько; да ничего, долетѣла до роднаго улья.

Только спустилась на ленокъ, какъ накинудись на нее отдыхавшія тутъ-же няни и плотники и да-

вай сдирать и пожирать ея нарядные бархатные штанишки.

— Караулъ! грабятъ!—запицала Мохнатка.—Всѣ мои штанишки съѣдятъ!

— Ничего, пускай ихъ: проголодались,—сказала старая пчела.—Теперь-ли найдутся, послѣ-ли—все равно. Ну, будетъ съ васъ, обжоры, отвяжитесь! Пойдемъ теперь, дитя мое, медъ сбыть.

И, пройдя въ ближнюю кладовую, онѣ выпустили весь собранный ими медъ въ стоявшіе тамъ еще пустые восковые горшки.

Такъ-то вотъ Мохнатка сборщицею стала. Трудна была ея работа, правда; но зато какъ славно было и отдыхать послѣ дѣла! Подъ вечеръ, пошабавивъ, она съ другими работницами гуляла на лѣткѣ, какъ на бульварѣ; ходять онѣ, и покачиваются, и потряхиваются, и жужжать безъ умолку, и не могутъ нажужжаться обо всемъ, что видѣли день-денской на бѣломъ свѣтѣ.

IV.

О томъ, какъ роился улей.

Каждый день клала матушка-царица по тысячѣ, по двѣ яицъ, и изъ всѣхъ-то, одна за одной, выползали молодые пчелки. Тѣсно стало вдругъ всѣмъ имъ въ одномъ ульѣ: надо было раздѣлиться на двѣ семьи, на два роя, надо было *отроиться*. И вотъ въ одномъ углу улья раздалось робкое кваканье: „ква-ква-ква!“ Въ отвѣтъ съ другаго конца пронеслось сердитое тюканье: „тю-тю-тю!“ Всѣ пчелы бросили работу, заметались, замѣшались; весь улей затрубилъ, загудѣлъ. Но сквозь этотъ шумъ и гамъ

явственно слышалось по-прежнему съ одного конца кваканье, съ другаго тюканье. Что-жь это такое было?— А вотъ что. Квакала изъ своей колыбельки молодая, вновь народившаяся матка: и хотѣлось-то ей выйти отсюда, и не смѣла она носу показать; тюкала же старая матка: очень ужъ ей досадно было, что молоденькая царевна ея мѣсто занять хочетъ: вмѣстѣ двѣ матки въ одномъ ульѣ вѣдь никакъ не уживутся; которой-нибудь надо уйти.

— Пустите меня къ ней, пустите!— тюкала внѣ себя старая матка.— Вотъ я ее проучу!

Но трутни и рабочія пчелы загородили ей дорогу.— Ради Бога, ваше величество, не троньте, пожалуйте ее! Кому-нибудь да надо же уступить; а кто умнѣй— уступаетъ.

— И то правда,— сказала старая царица.— Кто за меня—за мной!

И она стрѣлой вылетѣла изъ улья. Но крылья у пчелиныхъ матокъ не столько для летанія, сколько для красоты—коротенькія. Пролетѣла царица нѣсколько шаговъ—

и устала; присѣла отдохнуть на ближнемъ деревѣ. А пчелы, что постарше, всѣ кинулись за нею, облѣпили вѣтку вокругъ царицы. Скоро ужъ и мѣста не стало: пчела садилась на пчелу, и скучились онѣ такъ въ цѣлую черную бороду, отъ которой вѣтку къ землѣ пригнуло; вотъ-вотъ обломится... Но ей не дали обломиться. Кто же не даль?— А пчелякъ, сѣдой добрый старичокъ, котораго Мохнатка въ первый разъ такъ испугалась. Сидѣлъ онъ неподалѣку подъ своимъ

шалашомъ; когда же пчелы заройлись, онъ проворно накинулъ на голову проволочную сѣтку, на руки надѣлъ рукавицы, за пазуху сунулъ деревянную ложку—*черпакъ* и взялъ въ охапку одинъ изъ пустыхъ ульевъ, что стояли у него тутъ-же наготовѣ. Поставивъ улей подъ самымъ роемъ, онъ еще ниже пригнулъ вѣтку—и черпакомъ сталъ огребать пчелъ, какъ дѣготъ или патоку какую. Неохотно шли пчелы съ черпака въ новый улей: матки-царицы еще не было тамъ. Но пчелякъ привычнымъ глазомъ скоро высмотрѣлъ ее среди мелкихъ рабочихъ пчелъ.

— А, вотъ ты гдѣ, сударыня!—сказалъ онъ, бережно сгребъ ее черпакомъ и поставилъ къ летку.

Царица, задыхаясь въ густомъ клубѣ пчелъ, рада-радехонька шмыгнула въ улей. Увидѣвъ то, и другія пчелы живо туда же полѣзли; черпнулъ еще. пчелякъ разъ и два—и весь рой былъ въ ульѣ. Тогда пчелякъ перенесъ улей на болѣе удобное мѣсто, гдѣ было просторнѣй и больше солнца.

— Богъ помочь!—сказалъ онъ и перекрестился.

А Мохнатка?—Мохнатка, вылетѣвъ въ общемъ роѣ за царицей, попала въ тотъ-же улей вмѣстѣ съ другими. Прошлась она теперь взадъ да впередъ по новому дому. Ай, какъ пусто, какъ неуютно! Ни улицъ, ни кладовыхъ, ни одного даже горшечка съ медомъ. Ну, что же дѣлать! Надо работать, работать и работать, чтобы въ новомъ домѣ стало такъ-же мило, какъ въ старомъ. Точно чудомъ въ сказкѣ волшебной, и новый пустой улей наполнился скоро сотами, а соты—душистымъ, золотистымъ медомъ. А въ чемъ было все чудо? Въ томъ, что всѣ работали одинаково прилежно, одинаково дружно. Все чудо было въ пчелиномъ законѣ: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ.“

V.

О томъ, какъ Мохнатѣ конецъ пришелъ.

Хорошо и согласно живутъ пчелы, въ вѣкъ не поспорятся, не подерутся: тишь да гладь, да Божья благодать. Бѣда только, что много у нихъ враговъ: которую воробей или ласточка на лету проглотить; которая къ пауку въ паутину попадетъ—а тамъ поминай какъ звали! Которую разбойница-оса по дорогѣ заколетъ, да и ску-

шаетъ тутъ-же. Правда, и у пчелъ есть жало; да опасно имъ сражаться: не выдернешь жала—и помирай! Пчела безъ жала и дня не проживетъ. Зато, конечно, если ужъ на родной улей воры-грабители нападутъ, такъ тутъ некогда думать о себѣ: хоть на мѣстѣ помри—лишь бы улей спасти: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ“. А этихъ воровъ-грабителей куда какъ много, и не перечестъ: то вороватая пчела изъ чужаго улья, то хитрецъ-муравей

тихомолкомъ проберется; ну, ихъ-то и безъ жала кусальцами такъ искусаешь, что ой-ой! никогда не буду! — Но хуже другихъ два звѣря-врага: одинъ, звѣрёкъ—*мышка*, другой, звѣрище—*Мишка*. Мышка забирается больше зимою, въ погребъ, куда ставятъ пчелякъ на зиму улья; Мишка же нападаетъ во всякую пору, хоть рѣдко, да мѣтко. Затѣмъ онъ вѣдь и Мишка-медвѣдь, что очень ужъ лакомъ *медъ вѣдатель*.

Однажды, Мохнатка, возвращаясь со взяткомъ домой, еще издали услышала что-то небывалое: весь пчельникъ гудѣлъ и жужжалъ, будто взбунтовался, а сквозь пчелиный гулъ раздавалось страшное звѣриное рычанье. Подлетѣла ближе—и на лету остановилась. Изъ всѣхъ ульевъ кругомъ пчѣлы повѣсыпали сотнями, тысячами, точно передъ роемъ. Отъ крику-рѣва ихъ въ воздухѣ стонъ стоялъ. Одно только и можно было разобрать: „Мишка-медвѣдь! Мишка-медвѣдь!“ — А самъ Мишка, громадный, косматый, ворча и рыча, шагаль межъ ульевъ на заднихъ лапахъ, передними на силу отбиваясь отъ пчелъ. Вдругъ, точно опомнясь, онъ круто повернулъ къ близнему улью, — а улей-то былъ какъ разъ родной улей Мохнатки, — и повалилъ его на земь. Крышка съ улья сватилась, и послѣднія пчелы, остававшіяся еще тамъ, тучей взвилась еверху. Медвѣдь же, закрывшись отъ пчелъ одной лапой, другою полѣзъ прямо въ улей, въ медовую кладовую, да хапнулъ самый сочный, золотистый сотъ. Мохнатка отъ обиды свѣта не взвидѣла, не могла уже стерпѣть.

— Всѣ за одного, одинъ за всѣхъ!—вскрикнула она и бросилась на страшнаго звѣря, да ужалила его въ самый глазъ. Медвѣдь такъ и взвылъ отъ боли и побѣжалъ вонъ безъ оглядки. Подоспѣвшій въ это время пчелякъ поднялъ опять съ земли улей и поставилъ его на мѣсто.

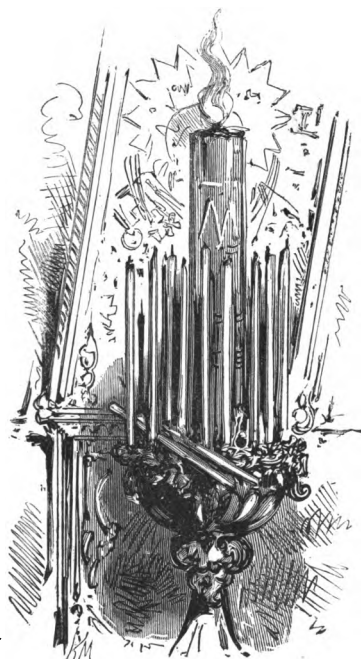
CTPH. 222.

TO THE
LIBRARY

Но бѣдная Мохнатка! Она вонзила въ глазъ медвѣдю жало такъ глубоко, что оно тамъ и засѣло. Бѣдняжка вдругъ совсѣмъ ослабѣла, свалилась на земь, забилаясь въ траву, да незамѣтно на вѣкъ заснула. Но, умирая, не жалѣла ли она о томъ, что для спасенья улья себя погубила?—Нѣтъ, не жалѣла: она еще въ послѣдній разъ, чуть слышно прожужжала: „всѣ за одного, одинъ за всѣхъ...“

В. Авенаріусъ.

У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЮТСЯ:

I.

ЧТО КОМНАТА ГОВОРИТЬ.

Разсказъ для дѣтей

В. П. АВЕНАРИУСА,

удостоенный первой преміи С.-Петербургскаго Фребелевскаго Общества. Роскошное изданіе, на толстой веленовой бумагѣ, украшенное рисунками **В. С. Крюкова** и **И. С. Панова.**

Въ разсказѣ этомъ разные предметы домашняго обихода: деревянные, желѣзные, глиняные, стеклянные, бумажные, сами повѣствуютъ исторію своего происхожденія, знакомя такимъ образомъ дѣтей, въ легкой и доступной формѣ, съ важнѣйшими для дома ремеслами и техническими производствами.

Цѣна—50 коп., съ пересылкою—55 коп.

(Получившая годомаъ раньше первую же премію Фребелевскаго Общества „Сказка о пчелѣ Мохнаткѣ“, помѣщаемая въ настоящемъ сборникѣ, въ отдѣльномъ видѣ не имѣется уже въ продажѣ.)

II.

КНИГА БЫЛИНЪ.

Сводъ избранныхъ образцовъ русской народной эпической поэзіи. (Новое изданіе „Книги о кievскихъ богатыряхъ“, дополненное былинами новгородскими, московскими, казацкими, петровскими и безымянными.)

Составиль В. П. АВЕНАРИУСЪ.

Съ портретомъ пѣвца былинъ Рябинина, работы академика **Л. А. Сѣрякова**, заглавную виньеткою **Н. Н. Каразина** и 17 рисунками **А. В. Прохорова** и **Н. Н. Каразина**.

Содержаніе: Введеніе къ былинамъ.—Былины кievскія: I. Вольга Все-славьевичъ. II. Дунай Ивановичъ сватомъ князя Владиміра. III. Дунай Ивановичъ и Настасья королевична. IV. Алеша Поповичъ. V. Первый бой Добрыни Никитича съ змѣемъ Горынчищемъ. VI. Второй бой Добрыни съ змѣемъ. VII. Ставеръ Годиновичъ и Василиса Микулична. VIII. Соловей Будиміровичъ. IX. Исцѣленіе Ильи Муромца. X. Илья Муромецъ и Соловей разбойникъ. XI. Микула Селяниновичъ. XII. Святогоръ. XIII. Добрыня Никитичъ и Настасья Макулична. XIV. Илья Муромецъ и Святогоръ. XV. Илья Муромецъ и Идолище. XVI. Илья Муромецъ въ ссорѣ съ княземъ Владиміромъ. XVII. Илья Муромецъ и Каливъ царь. XVIII. Чурила Пленковичъ. XIX. Дюкъ Степановичъ. XX. Добрыня Никитичъ въ отъѣздѣ. XXI. Михайло Потыкъ. XXII. Илья Муромецъ и Сокольникъ. XXIII. Три поѣздочки Ильи Муромца. XXIV. Какъ перевелись богатыри на святой Руси.—**Былины новгородскія:** I. Молодость Василя Буслаева. II. Смерть Василя Буслаева. III. Садко дѣлается богатымъ гостемъ. IV. Садко въ Поддонномъ царствѣ.—**Былины московскія, казацкія и петровскія:** I. Взятіе Казани Грознымъ царемъ. II. Оговоръ царевича передъ Грознымъ. III. Ермакъ, покоритель Сибири. IV. Царевичъ Дмитрій и Борись Годуновъ. V. Гришка Отрешевъ и Марина Мнишекъ. VI. Смерть Стеньки Разина. VII. Азовъ. VIII. Плачь войска по Петрѣ.—**Былины безымянныя:**

I. О добромъ молодцѣ и рѣкѣ Смородинѣ. II. Татарскій половъ. III. О Горюшкѣ. IV. „Ужь какъ палъ туманъ...“—Примѣчанія къ былинамъ.—Алфавитный Указатель требующихъ объясненія собственныхъ именъ и необычныхъ словъ, встрѣчающихся въ былинахъ.—

Еще въ первомъ изданіи своемъ „Книга о кievскихъ богатыряхъ“ была одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія какъ для фундаментальныхъ, такъ и для ученическихъ библиотекъ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, а также для наградъ учащимся, а Ученымъ Комитетомъ IV Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи—какъ весьма полезное учебное пособие для старшихъ классовъ женскихъ институтовъ и гимназій; причеиъ въ журналѣ сего послѣдняго Комитета было высказано слѣдующее:

„Этотъ сводъ 24-хъ кievскихъ былинъ являетъ собою именно такое по-
 „неудачное при изученіи нашей народной поэзіи, въ какомъ мы до сихъ поръ
 „нуждались. Въ каждой изъ существующихъ хрестоматій есть кievскія
 „былины; но онѣ приведены отдѣльно, на выдержку, и притомъ иногда въ
 „такомъ видѣ наивнаго, чтобы не сказать циничнаго, народнаго склада,
 „что учащимся пользоваться ими не совсѣмъ удобно. Г. Авенаріусъ весьма
 „удачно обошелъ эти недостатки, и про книгу его можно сказать, что она
 „безспорно пользуется тремя главными достоинствами: во первыхъ, 24 бы-
 „лины г. Авенаріуса представляютъ собою цѣлое, проникнутое связью от-
 „носительно мѣста дѣйствія, времени, характера дѣйствующихъ лицъ и
 „ихъ тяготѣнія къ центру—къ князю Владимиру. Эти 24 былины наглядно
 „указываютъ на тотъ историческій фактъ, какъ древняя Русь, въ лицѣ
 „лучшихъ ея представителей, сосредоточивалась около Кіева, около любимаго
 „князя. По связи, которая проведена во всѣхъ 24-хъ былинахъ, Ко-
 „митетъ позволяетъ себѣ назвать сводъ г. Авенаріуса *русскою Илиадою*.
 „Богатыри являются не какъ отдѣльныя лица, каждый самъ по себѣ, а какъ
 „родные братья русской земли, приходящіе къ Владимиру непременно
 „почему-либо и зачѣмъ-либо; если же заходить рѣчь и о богатыряхъ
 „до-Владимірскаго эпохи, то о нихъ на пирѣхъ, по просьбѣ Владимира,
 „поетъ гуслирь Добрыня. Для доказательства того, до какой степени эта
 „внутренняя связь присуща своду г. Авенаріуса, Комитетъ излагаетъ кратко
 „содержаніе нѣкоторыхъ былинъ, а затѣмъ указываетъ на другія два до-
 „стоинства изданія г. Авенаріуса: первое изъ нихъ заключается въ отсут-
 „ствіи всего грубаго и циничнаго, а второе—составляютъ приложенные

„въ концѣ книги примѣчанія и алфавитный указатель старорусскихъ народныхъ словъ“ („Правит. Вѣстникъ“ № 36, 1876 г.).

Въ новомъ, дополненномъ изданіи, „*Книга былинъ*“ одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія какъ учебное пособие при изученіи словесности („Прав. Вѣстникъ“ № 257, 1879 г.).

Изъ числа многочисленныхъ благопріятныхъ отзывовъ органовъ печати („Голосъ“, „Новое Время“, „Московскія Вѣдомости“, „St. Petersburger Zeitung“, „Вѣстникъ Европы“, „Нива“ и проч.), приводится здѣсь отзывъ „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 77, 1880 г.):

„Книга издана такъ тщательно, что можетъ занять мѣсто въ каждой „библіотекѣ; печать четкая и крупная, бумага очень хорошая, рисунки исполнены весьма удовлетворительно. Едва ли нужно что-нибудь говорить „о содержаніи. Кому неизвѣстны эти эпическія русскія произведенія съ „ихъ оригинальнымъ, чисто-народнымъ языкомъ, смѣлыми, яркими и образными оборотами рѣчи, съ ихъ глубокою поэзіей? Намъ думается, что эта „*Книга былинъ*“ можетъ оказать особія услуги въ качествѣ семейнаго „чтенія, къ которому прислушиваются вечеромъ дѣти и взрослые, уютно „собравшись за столомъ. Взрослыхъ поразитъ поэзія образовъ, удивительная „сила и мѣткость языка, тонкій юморъ, обиліе сравненій и параллелей, „вызываемыхъ этими былинами въ чловѣкѣ, знакомомъ съ памятниками и „исторіей всеобщей литературы. Для дѣтей здѣсь впервые откроется мѣръ „русскаго богатырскаго эпоса; разъ запавъ въ дѣтское воображеніе и память, могучія фигуры этого полумифическаго, полуйсторическаго мѣра „навсегда останутся въ нихъ запечатлѣнными; не даромъ говорятъ былинны „про своихъ героевъ: „и во вѣкъ та слава не минется“. Нельзя не порадоваться въ этомъ отношеніи за нашихъ дѣтей. Сокровища русской народной поэзіи достаются имъ теперь легко и просто, тогда какъ въ „наше“ „время только-что начиналась еще разработка этихъ сокровищъ, и мы почти „впервые знакомились съ ними на университетской скамьѣ. Народная „поэзія драгоценна тѣмъ, что она даетъ каждому возрасту то, что можетъ быть имъ воспринято. Вотъ почему мы думаемъ, что „*Книжка былинъ*“ „должно быть отведено мѣсто во всякомъ русскомъ домѣ.“

Цѣна книги: въ тисненомъ, прочномъ англійскомъ переплетѣ 3 р. 50 к., въ бумажкѣ 2 р. 70 к.

FOURTEEN DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

22 Aug '55 P'W	
NOV 1 1955 LM	
26 1955	
REC'D LD	
MAY 26 1962	
19 Mar '64 LM	
REC'D LD	
JUL 31 '64 - 5 PM	
NOV 17 1994	
JAN 21 2002	

LD 21-100m-2,'55
(B139s22)476

General Library
University of California
Berkeley

YC 76732

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042775708

FOURTEEN DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

22 Aug '55 P W	
~~NOV 1 1955 LM~~	
26 1957	
REC'D LD	
MAY 26 1962	
19 Mar '64 LM	
REC'D LD	
JUL 31 '64 - 5 PM	
NOV 17 1994	
JAN 21 2002	

LD 21-100m-2,'55
(B139s22)476

General Library
University of California
Berkeley

YC 76732

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C042775708

